

ТЕНИ НАД БЕРДЕРОСОМ

рука со шрамом

Андрей Рейтан

Лев Егоров

Когда-то драконы были богами на земле. Они владели безграничной силой, повелевали силами природы и не боялись смерти. Но однажды на Эрдерос упала звезда, и принесла с собой из иного мира новую расу — эльфов. И началась между эльфами и драконами война за мировое господство. Однако, драконам непостижимо было коварство эльфов, и они потерпели поражение. В борьбе за выживание драконам пришлось пойти на крайние меры — принять облик молодой расы людей и раствориться в их безбрежной толпе, запечатав свою силу глубоко внутри. Но спустя много лет на свет появился дракон-полукровка, чья сила была столь велика, что едва сдерживалась Печатью. Как дракон с человеческой душой станет распоряжаться таким подарком?

Тени над Эрдеросом. Рука со шрамом

Все началось заурядным осенним утром. Свежий утренний ветерок гонял красно-желтые ковры душистых листьев. В селении Холрен еще царила полная тишина и гармония. Кузнец Торвальд сонной походкой выкатился на крыльцо своей кузницы. Легкий порыв утреннего ветра всколыхнул его русые волосы, чуть тронутые сединой. В руках он сжимал кузнечный молот и несколько полос кожи. Это был грозный на вид человек преклонных лет, тяжелая работа оставила на его теле шрамы и ссадины. Он был настоящий мастер своего дела, и местные поговаривали, что сам Дьявол помогает ему. Но слетит подкова с коня, или петли на двери в сарай сломаются — все бегут к Торвальду, ибо всему Митриумскому графству известно, что Торвальд делает раз и на века, и не сыщется кузнеца лучше его.

Торвальд жил в своей избе-кузнице на отшибе — на вершине холма, откуда был прекрасный вид на все селение и окаймляющие его леса. Уже десять зим Торвальд был вдовцом. Его жена, Зарин скончалась от лихорадки, и Торвальд, прибитый этой утратой, дичал год от года. Он перестал общаться с соседями, потом здраваться, а затем и вовсе построил себе кузницу на холме, куда позднее и переселился. И жил бы он так себе поживал до самой кончины, если бы однажды к нему не пожаловал странный гость.

Ранним утром, когда воздух еще по ночному прохладный, а птички в лесу заливаются заутренней трелью, Торвальд, подергиваясь от холода, шел к верстаку, держа в руке толстую кожаную пластину и несколько полос кожи. Днем ранее, охотник из соседнего селения попросил подлатать его кирасу, но Торвальд решил, что данный предмет охотничьей экипировки настолько изодран и заношен, что взялся мастерить новую. Охотник было воспротивился, ведь новая кираса по его разумению выйдет подороже, чем просто починка старой, но Торвальд возразил, да и вообще спорить с мастером такого уровня было невозможно.

И только было Торвальд собрался вернуться за инструментом, как краем глаза заметил, что около дома бегают кто-то еще. «Что за чертовщина?» — подумалось ему. Он подошел к тому месту, где, как ему показалось, кто-то стоял. К его величайшему удивлению, на земле и правда были следы маленьких пятипалых ступней. Брови кузнеца взметнулись чуть ли не до затылка, а взгляд бросился к калитке. Трудно описать выражение лица Торвальда, когда он увидел, что калитка была распахнута настежь. «Что за..? Какого черта, я же помню, что запираю?» — думал он.

Чуть ли не бегом обойдя дом, Торвальд налетел на мальчишку лет восьми-десяти и чуть не свалил его наземь. Мальчик был наг и худ, но ничуть не испугался, когда Торвальд зарычал: «Чтоб меня черти побрали!» Наоборот — мальчик хихикнул и скрылся в доме. Кузнец поспешил за ним и застал его греющим ладони и колени около печи.

— Ты кто? — спросил кузнец. Мальчик повернулся и посмотрел на Торвальда пустыми, непонимающими глазами. — Ты чей, малой? — снова спросил он. Мальчик не ответил и снова повернулся лицом к огню. Торвальд обошел мальчика вокруг и внимательно осмотрел. Мальчик, как мальчик. Черные волосы, голубые глаза, красивое ясное лицо. Самый обыкновенный, за исключением одного. Огромный отпечаток, как будто от какого-то острого раскаленного инструмента пересекал его правую руку от плеча и чуть ли не до самой ладони. Отпечаток был фигурный и напоминал какую-то руну на неизвестном языке.

Торвальд не мог и представить, что могло так изуродовать ребенка, но знал точно, что ни одному человеку такое не под силу.

— Ты не разговариваешь на всеобщем? — спросил Торвальд. Мальчик ожидаемо не ответил, только слегка улыбнулся старому кузнецу. Затем взял кочергу и стал умело шебуршить поленья. Проворный уголек выскочил из печи, но мальчик ловко поймал его и бросил обратно, в огонь.

— Ишь ты! — изумился кузнец, — Смелый. По крайней мере с огнем управляешься умело. Из тебя бы вышел хороший кузнец. Как же тебя звать-то?

— Jogim, — сказал мальчик и Торвальд засмеялся.

— Йорвин? — переспросил он, — Ну Йорвин, так Йорвин. Хорошее имя. Королевское. Не хочешь пожить со мной? В кузнице помогать будешь. Я тебя всему, что знаю научу. — Мальчик в ответ только улыбнулся.

Итак, мальчик поселился у кузнеца, а откликаться стал на имя Йорвин. Всякий раз, когда Торвальд шел работать, Йорвин шел за ним и наблюдал за трудом мастера. Он проявлял необыкновенный интерес к кузнечному делу, и у Торвальда вновь зажглась, угасшая было надежда на преемника. К тому же Йорвин очень быстро осваивал всеобщий. Шли годы, родители мальчика не появлялись. Торвальд не расспрашивал Йорвина о его таинственном шраме, тем более, что сам Йорвин ничего о нем не знал. Парнишка рос и креп. Он всегда старался помочь кузнецу, которого он, любя, называл «старик». В четырнадцать лет Йорвин без труда управлялся с тяжеленными мехами, колот дрова и таскал мешки с углем. Два — три раза в неделю упражнялся с Торвальдом в фехтовании и кулачных боях. Его необыкновенный талант к кузнечному делу радовал Торвальда, который стал ему отцом и учителем.

Йорвин креп и рос как на дрожжах. К своим восемнадцати годам он стал ростом больше семи футов и изрядно широк в плечах. Он возвышался над другими людьми в среднем на две головы, а над Торвальдом на голову. Он стал силен как дикий медведь, мог одной рукой раздуть здоровые мехи, а другой уплетать закуску, мог одной рукой поднять человека за шею над землей и выдавить из него дух. Но, несмотря на это, у Йорвина было чуткое и доброе сердце. В селении все быстро его полюбили, и даже одна деревенская девочка по имени Делайла относилась к нему с особенной теплотой и любовью. Йорвин очень дорожил этими отношениями, хотя относился к ней больше как к родной сестре, что иногда ее огорчало. И тогда родители заставляли ее плачущей по ночам в подушку.

Но дни благоденствия не могут длиться вечно. Суровая жизнь вносит свои жесткие коррективы тогда, когда ты меньше всего этого ждешь.

Солнце еще даже не начало подниматься, но по дороге в Митриум уже шел путник. Это был юноша лет восемнадцати — двадцати, очень высокий, светлокожий и черноволосый. У юноши было ясное красивое лицо. Но его черты были настолько необычны для здешних мест, что врезались в память надолго. Его глаза сияли небесной голубизной из под густых бровей. Его черные волосы были неаккуратно пострижены ножом над бровями и подпалены огнем. Одет он был скромно. Поношенный дорожный плащ, льняные штаны и кожаные сапоги. Йорвин частенько выбирался из селения по поручениям Торвальда. Он охотно брался за доставку заказов на дальние расстояния, тем более, что за нее можно требовать дополнительную монету. Путь его лежал через долину Мохрем, стелившуюся на несколько лиг душистым покрывалом. А с наступлением темноты зажигались тысячи светлячков, подобно спустившимся на землю звездам.

Под утро другого дня Йорвин добрал до перекрестка. В этом перекрестке сходятся две дороги, одна начинается у подножия Серой гряды и идет через Митриум и выходит к заливу Южный Риф. Вторая идет от пустыни Наби — Гешан до тундр Гестории. На перекрестке стоял трактир «Тупой клинок» — трехэтажное здание, напоминавшее пирамиду. На первом этаже непосредственно таверна, на втором — комнаты для ночлега, на третьем — помещения для важных персон.

Йорвин вошел в питейное заведение. Над трактирщиком висел массивный двуручник во весь человеческий рост, и явно не новый, судя по зазубринам на лезвии. На эфесе был выгравирован корень мандрагоры. Этот меч принадлежал трактирщику Тулбору, в прошлом могучему воину, но сейчас состарившемуся и весьма раздобревшему во всех смыслах. Тулбор знал Йорвина и его отца. Торвальд в молодости ковал оружие и обмундирование для Тулбора и прочих клиентов, и этот меч не был исключением, ставший теперь символом Трактира. Они с Торвальдом заходили сюда, когда дальний заказ вел их по дороге в Митриум и дальше.

— Йорвин, твою кобылу, ты ли это?! — воскликнул толстяк Тулбор. — Сколько лет! Как сам, как батя?

— Спасибо, не хвораю, Торвальд тоже здоров. Ха! Да чтобы Товальду заболеть нужно, чтобы все медведи в лесу разом удавились.

— Ха — ха! Надо же вымахал, едва в дверь пролазишь, а ведь когда я тебя видел в последний раз, ты был на пол — головы ниже Торвальда!

— Ты тоже, я вижу, не голодаешь. Ишь, как тебя разнесло! — с улыбкой заметил Йорвин.

— Да — а, — отмахнулся трактирщик. — Это только с виду я такой толстый и счастливый. Налоги меня скоро удавят. Налог за владение питейным заведением, налог за владение постоянным двором, налог за придорожное положение. Везде плати, плати, плати, плати, а делать это все труднее и труднее. Я ведь все-таки один здесь хозяин. А налоги все растут.

Все верно. Трактир находится на территории Митримумского графства, а значит должен платить сеньору налог. Йорвин кивнул и еще раз окинул трактир оценивающим взглядом.

— А не найдется ли у тебя, добрый человек, хлеба для господина Устал — и- Голоден?

— Найдется? Конечно, найдется! Все, что хочешь, найдется, если звонкая монета у клиента... найдется. Хотя для тебя я мог бы сделать скидочку по старой дружбе. Итак?

— Есть у тебя что — nibудь мясное?

— Есть баран свежепожаренный, с корочкой. Пальчики оближешь.

— Тащи быстрее — исходил слюной Йорвин. — И еще браги с лимоном, — добавил он и пошел к столику ждать заказ.

В тот момент, когда он уже расположился за ближайшим к окну столиком, в таверну вошли трое парней эльфийской наружности. Многие деревенские принимают полуэльфов за настоящих эльфов, только по той причине, что никогда не видели настоящих, а имеют лишь смутное представление, опираясь на слухи да байки с домыслами. Полуэльфы — это плод соития эльфийской девы с человеческим мужиком. Такое имело место в далекие времена, когда объединенные силы гномов и людей не могли ничего противопоставить эльфийским боевым магам в развязавшемся конфликте. Потерпев сокрушительное поражение, людям и гномам пришлось выполнять саамые унижительные требования победителей, дабы установить хоть шаткий, пусть временный, но мир. Помимо прочьего, им пришлось выделить некоторое количество рабской силы, дабы те ублажали самые низменные прихоти эльфийской интеллигенции. Соитие с человеком или гномом считалось у эльфов сексуальным изыском и приравнивалось к другим половым изощрениям. Поэтому совершались они тайно, а если эльфийке случалось неудачно забеременеть после, то все так же тайно или в сопровождении ближайших доверенных слуг эльфийская мать рожала ребенка, от которого немедленно избавлялась, дабы не заклеить себя позором. Убивать младенцев с эльфийской кровью в венах считалось дурным тоном, так что несчастных детей попросту подкидывали людям. С детства страдая от насмешек и издевательств со стороны людей, полуэльфы вырастали мнительными, жестокими и спесивыми, сбивались в малые группы и наводили ужас на любых потенциальных обидчиков. Имея сходные с эльфами признаки, полуэльфы тем не менее рождаются с неизменным и ярко выраженным случайным уродством. Или с несколькими — как повезет. Это, тем не менее, не лишало их эльфийского долголетия и магического таланта. Полуэльфы вошли в трактир с таким видом, как будто это ОНИ здесь хозяева. Откуда они тут взялись — загадка, и что делают — тоже. Полуэльфы шли, выпятив грудь колесом и чеканя шаг. Выглядело это, надо сказать, ни — ни. Все трое были одинакового невысокого роста, одинаковой, не шибко выдающейся комплекции и даже одеты почти одинаково бесвкусно. Но по одному отличительному признаку у них было. У первого были лопухие уши, что в сочетании с эльфийской остротой кончиков выглядело странно. У второго были карие глаза, приковывавшие к себе взгляд своей неестественной дальностью друг от друга. У третьего губы уж слишком выдавались вперед, как будто он их нарочно выпячивал. У всех с собой были сумки. У губастого же был за спиной огромный мешок, и явно тяжелый. Полуэльфы заказали самое дорогое вино с Верндальских угодий сорокалетней выдержки. Сорок шесть градусов, атрофирует голову и тело с беспощадностью рока.

Наконец, Йорвину подали заказ. Ароматный баран дымился и истекал соком. Приправленный черным и красным перцем, базиликом, петрушкой, куркумой, и политый чем — то фирменным, с любовью от Тулбора. А через минуту официантка принесла на серебряном (или посеребренном), до зеркальности начищенном подносе две пинты ароматной пенящейся браги и удалилась, соблазнительно покачивая бедрами.

Йорвин принялся за еду, а полуэльфы стали вливать в себя стаканы за стаканом, произнося пышные тосты, употребляя какие-то эльфийские слова, которые где-то слышали, и вещая только им понятные и смешные анекдоты. После третьего остроухие стали понемногу теплеть, а после пятого не могли уже ничего кроме как по пять минут смеяться над вырвавшимися, ни селом, ни городом забредшими в их буйные головы словами непонятного содержания.

Поначалу Йорвину было не особо интересно наблюдать за пьяными. Пьяниц и в его селении было более чем достаточно. Но он и знать не знал, что на полуэльфов алкоголь действует куда сильнее, чем на людей, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ни с того, ни с сего, троица повставала со своих мест и принялась двигать мебель. Это было одно из тех явлений, описать которые можно только в прозе. Весь трактир наблюдал за тем, что творилось с круглыми глазами и вытянутыми лицами, не зная, как на это реагировать. Полуэльфы, предположительно, старались зачистить только один угол трактира, толкая столы, и поскользнулись на ровном месте, тыкаясь клювом в стол, и спотыкаясь о стоящие под ногами стулья. Ушастого каким — то троллем понесло к камину, и тот стал трогать угольки в еще полыхающем очаге, систематически отдергивая руку, и говоря «ай». Наконец он выбрал более менее остывший, и с довольным лицом прямо на стене нарисовал четыре неправильных круга друг в друге, один меньше другого.

— Э-э-эй — эй вы чего это вытворяете? Немедленно сотрите, а то как штрафану! — очнулся Тулбор.

— Ты, хзяин... так не шути... Ик, — заплетающимся языком ответил губастый, после чего махнул рукой со сложенными в затейливый жест пальцами в сторону нарисованной мишени. Порожденная разрушительной магией молния врезалась прямо в центральный кружок, чуть не подпалив всю стену, и издала оглушительный хлопок. Тулбор отшатнулся, схватившись за сердце, и осел на заботливо подставленный официанткой стул. Полуэльф кинул жест победителя, кивнул друзьям, схватил стоявшую на стойке бутылку с вином, и залпом осушил ее. Некоторые посетители начали убежать в ужасе с места творения магии. Другие молча серели. Настала очередь другого. На этот раз волшебный снаряд попал чуть левее центрального круга. Губастый попытался поплодировать своему товарищу, забыв о бутылке в руке. Та выпала из его рук и разбилась. Третий примерялся дольше всех. Видимо, он и набрался приличнее. Наконец замахнулся, чтобы колдануть, но споткнулся об осколки разбитой бутылки. Его молния полетела совсем не в ту степь. Отрикошетив от светильника, молния зарядила прямо в кружку с брагой, которую добивал Йорвин. Кружка разбилась, и остатки браги оказались у Йорвина на штанах.

Это был залет. Йорвин посмотрел на виновника сквозь дыру в кружке, указал на нее пальцем, и покачал головой. Далее случилось то, чего ждал весь трактир. Йорвин встал во весь свой одиозный рост и схватил первое, что попало под руку. А попался поднос. И весьма кстати. Полуэльфы быстро смекнули чем пахнет, несмотря на хмель, и двое из них стали метать в Йорвина взрывные заклинания. Посеребренный поднос служил щитом, и отражал искры в потолок. Губастый полез в свой мешок, и извлек оттуда щит и меч. Боец. Этот не лыком шит. Тем временем Ушастый словил подносом по голове, успокоившись до утра. На подносе осталась приличная вмятина в форме головы, а сам он погнулся, и был уже явно не годен для выполнения своих прямых обязанностей. Используя свою недюжинную силу, Йорвин догнул поднос вдвое, затем вчетверо, и метнул его как диск в широкий лоб глазастому. Точное попадание, предсказуемый эффект. Остался один. Йорвин медлить не

стал. Ударом с локтя он обратил щит полуэльфийского выскочки против него самого. Скорость помноженная на силу сработали не в пользу полуэльфа. Его краткий полет в стену закончил вечернюю заварушку, и вернул трактиру тишину. По крайней мере до утра.

— Спасибо Йорвин, ты просто спаситель! — воскликнул Тулбор. — За твои подвиги я снимаю с тебя плату за ночлег и выпивку. Хотя за барана придется уплатить. Уж извини. Бизнес есть бизнес.

— Понятно. И на том спасибо. Да и вот что еще. Отправь кого-нибудь в ближайший дозор. Пусть прийдут конвой. Насколько мне известно, применение магии в общественных местах — это статья, — Тулбор согласно кивнул.

— Лупись оно конем, выглядит, как будто обмочился! — Ругался Йорвин, выходя во двор. Пол — ночи он замывал в бочке свои штаны, липкие от браги. А потому лег поздно, а когда встал, дебоширов уже забрали.

Йорвина разбудило солнце, добравшееся до его головы, и по — летнему настырно припекавшее. Штаны высохли, настроение было отличное, можно было продолжать дорогу. Йорвин спустился в трактир, расплатился с хозяином за барана, сделал ручкой официантке и ушел.

На улице было тепло и пели птички. Один из постояльцев готовил повозку в путь. Невысокий, широкоплечий мужчина с рыжей бородой, толстыми мускулистыми руками и широкими ладонями. Гном взваливал последний, железно громыхавший тюк в повозку. Йорвин смекнул, что на повозке доехать до города побыстрее будет, да и поприятнее. В добавок, Йорвин знал, как завоевать уважение гнома, а заодно и похвастаться.

— Приветствую коллегу! — улыбнулся он. Его собеседник едва доставал ему до пояса. Чтобы посмотреть в лицо Йорвину, ему пришлось так выгнуть короткую шею, что она аж захрустела. — Я вижу вы отправляетесь в...

— В Митриум. А вы тоже занимаетесь работой по металлу?

— Зарабатываю на хлеб. Кую мечи, топоры, кольчуги. Лучшие в этих краях!

— Прощенья прошу! — поднял палец гном так, как будто Йорвин затеял шутить о бородах. — Всему цивилизованному миру известно, нигде нет человека, чье мастерство сравнилось бы с мастерством подгорных оружейников.

— Возможно, ваши мастера в совершенстве владеют искусством изготовления огнестрельного оружия, но мои работы без всякой скромности можно назвать лучшим ХОЛОДНЫМ оружием. Оцените, — Йорвин достал свой кинжал, который он сковал уже два года назад, и протянул гному. Тот принял оружие, как будто то был не кинжал мастера — кузнеца, а кусок бесполезного железа, но как только он вынул его из ножен, его брови медленно поползли вверх. Гном повертел клинок на ладони, поцарапал им палец, почесался и воскликнул:

— Во имя бороды Голдрафа, царя гномов, да не споткнется он об нее никогда! Это лучший клинок, который я видел в последние пятьдесят лет! Равновесие идеальное, клинок ложится в руку как родной, а лезвие способно разрубить волосинку, пущенную по ветру! Болдрин, сын Олдрима к твоим услугам! — произнес гном и с торжеством на лице вернул Йорвину кинжал. Если гном называет незнакомому человеку свое имя — быть железной дружбе. А если гном первым назвал имя своего отца, можно считать, что он чуть ли не в ноги готов падать. А гномы-то народец гордый.

— Йорвин, сын... Торвальда, — неуверенно произнес Йорвин. — Да и вот что еще, уважаемый, не подбросите меня до города?

— С радостью, мастер Йорвин, — ответил Болдрин. — Полезайте.

Всю дорогу до Митриума гном жужжал про свою родню, обитавшую в подземной глубине. Про то, как по достижению тридцати лет родители отправили его на рудники. Люди не представляют, как можно свое дитя отправлять на каторгу. Туда они отправляли лишь самых отпетых ублюдков и мерзавцев, но у гномов это был обязательный обряд посвящения в мужчины. Каждый юноша — гном, по достижению тридцати лет отправлялся на обязательные рудниковые работы, где прибывал три года. Оттуда он возвращался мускулистым и бородатым мужчиной. Потом Болдрин рассказывал о том, как он выбрался из-под горы в ближайшее людское государство торговать тем, чем богат его народ, а именно агрегатами, которые гномы называют "мушкетами". Оснащать мельницы паровыми механизмами, которые работают быстрее ветра, позволяя мельнику заготавливать больше муки. Он сооружает также "паровые жнецы", которые помогают без особых усилий собрать урожай, обеспечивая человеку спокойную зиму и широкую улыбку на лице. Разумеется, такое стоит недешево, и некоторые деревни собирают все ценности с брата, лишь бы хватило. В общем, Болдрин был в зените успеха. И неизвестно, каковой была бы его жизнь, не покинь он родину.

Йорвин слушал его вполуха. Мерная тряска повозки нагнала на него дрему, и он провалился в сон с мыслью, что неплохо было бы оснастить Холрен чудесами гномовской инженерии.

Йорвину приснилось, что он оказался в комнате как две капли воды похожую на гостиную его и Торвальда дома. Только в этой комнате не было ни окон, ни дверей. Вместо мебели в центре стоял небольшой столик и стул, а на столике — свеча и тарелка. Йорвин сел на стул, зевнул, прикрыв ладонью рот, и с удивлением обнаружил на ладони свой зуб. Он положил его на тарелку, и вытащил второй потом третий. И так, пока во рту не осталось зубов вообще, а на тарелке лежали тридцать два зуба. И вдруг зубы провалились и утонули в тарелке, и Йорвин заметил, что зубы снова на месте. И это снова повторилось, потом еще и еще. И наконец, когда Йорвин уже сбился со счета утонувшим в пустой тарелке и вновь вернувшимся в рот зубам, как на тарелке стали появляться уже вовсе не человеческие зубы. Это были клыки свирепого хищника. У Йорвина по позвоночнику прошел озноб. Он вскрикнул и вскочил, опрокинув стул. Он решил, что проломит стену, но выберется из этой страшной комнаты. И только он об этом подумал, как сон закончился.

Йорвин дернулся и проснулся весь в холодном поту. Оглянулся и понял, что это не более, чем сон, хотя такие сны еще не снились ему никогда. Хлопающий глазами и отдувающийся великан привлек внимание Болдрина.

— Что? Кошмар что ли? Бывает. Мы уже, кстати, недалеко от Митриума.

Всю дорогу до Митриума Йорвин не мог отойти от пережитого потрясения. Никогда прежде сны не занимали его голову дольше времени сна. Но этот сон не был обычным. Он был столь неоднозначным, сколь его шрам, столь же таинственным, сколь его детство.

До города доехали к ночи. Тут их с гномом пути разошлись. Болдрин направился по городской окраине, а Йорвин в сторону центра. В город стража пустила их без вопросов. Йорвин кует им мечи и кольчуги, неоднократно хваленые капитаном стражи. На распутье Йорвин простился с гномом.

— Ну, доброго пути тебе, мастер Йорвин.

— Ни руды, ни алмаза вам, мастер Болдрин, — продекламировал Йорвин старую гномскую поговорку.

— В горн! — рутинно, но с выражением ответил гном, тронул коня и засвистел какой-то гномий мотив.

Повозка Болдрина исчезла за углом, и Йорвин отправился на поиски места встречи с заказчиком. Им был монах Сиртама. Монахи — таинственный народ. Таинственный отчасти потому, что мало у кого хватает смелости или наглости просто подойти и спросить монаха, что он тут шляется, или имя, место жительства, почему не на работе. Ибо известно совершенно точно; монахи — превосходные бойцы. Они владеют тайным боевым искусством Таг-Табо и в ближнем бою им нет равных. Ты только — было замахваешься, чтобы атаковать, как обнаруживаешь свои руки — ноги связанными морскими узлами у себя за спиной. Тем не менее, никто никогда не видел чтобы драка с монахом кончалась летальным исходом (разумеется, не со стороны монаха) потому, что эти парни по своим религиозным убеждениям не могут позволить себе убийство. Монахи очень часто появляются тогда, когда их не ждешь там, где ты их не ждешь, чинят разгром и исчезают как чихом сдутые. Но на сей раз у Йорвина с монахом по имени Сиртама была назначена деловая встреча.

В самом городе Йорвин бывал редко. В частности, в этой части, как горожане его называют, Желоб, он был впервые. Это были типичные трущобы, которые населяли, в основном, разномастные отбросы общества. Воры, бандиты, аферисты и жулики плодились здесь гуще, чем тараканы в местных домах и пригород для них — лучший притон, чтобы залечь. Но нельзя сказать, что тут живут лишь отморозки. Честные, но не очень успешные ремесленники здесь тоже водятся. Но работают они в деловом районе. В общем, Желоб — это темное место на карте города. Место дешевое, но некомфортабельное, и никаких гарантий безопасности.

Йорвин шел по улице и озирался, недоумевая, зачем Сиртама назначил встречу именно здесь. Неужели не мог он найти место поспокойнее, и почему бы ему вообще не приехать за своим заказом самому. Желоб производил впечатление крайне отталкивающее. Покосившиеся от старости и почерневшие от погоды и прочих неприятных факторов лачуги, бараки и двух — трехэтажные кирпичные хибары были понатыканы без всякого строя. Но между ними шла вполне широкая дорога, на которой, не теснясь, могла бы проехать повозка. Вдоль дороги шлялись местные пьяницы, бродяги. Калеки сидели на порогах, и смотрели волком вслед проходящему чужаку. Со всех сторон временами раздавался лай и скулеж паршивых псов. В ноздри била вонь нечистот из выгребных ям. Дым печей и каминов не поднимался, а наоборот, опускался, растеливаясь по земле, и клубясь под ногами.

Наконец, перед Йорвином возникла вывеска трактира "Мрачное небо". Сие строение не выделялось на фоне прочих ничем, кроме как было чуть покрупнее. Это было такое же рубленое здание, посеревшее от времени и прочих факторов, двухэтажное, с маленькими окнами и на первом, и на втором этажах, и навесом над входом. Внутри пахло жареными грибами и пивом.

Йорвин вошел, наклонив голову, так как дверь была довольно низкой, и даже человек среднего роста, мог бы достать макушкой до косяка, если бы встал на цыпочки. Было видно, что хозяин возводил строение сам, сэкономив на профессиональной рабочей силе. Скорее всего, он возводил его с помощью сыновей, племянников и прочих родственников.

Хозяин таверны был низенького роста, особенно по сравнению с гигантом Йорвином, который возвышался над ним как гора, худой неимоверно, коротко подстриженный и пепельноволосый, с щенячьим взглядом, на котором остались отпечатки долгой и непростой

жизни. В общем, полная противоположность своему коллеге, Тулбору.

— Вечер добрый, молодой человек, — Начал трактирщик вежливо, но в его сухом голосе чувствовалась настороженность. И ведь кто был бы не насторожен, если бы в его заведение ввалился чужак угрожающей наружности, наверняка способный раскидать десяток крепких молодцев голыми руками.

— Добрый, — Мрачно ответил Йорвин, которого дорога до трактира лишила последних капель хорошего настроения. Отчего выражение его лица представляло собой не весть что. — Я тут одного человека ищу. Не останавливался ли здесь некто Сиртама?

Брови трактирщика сошлись. В его голове роились весьма противоречивые мысли. С одной стороны нельзя выдавать клиента неизвестно кому. Это запрещает кодекс порядочного трактирщика, вдруг это убийца? С другой стороны, монах в состоянии оборониться. А может выставить его? А если заартачится, полезет с кулаками? Зубов не соберу, всю жизнь на лекарства работать буду... если повезет.

Такие примерно мысли копошились у него в голове, в то время как Йорвин их считывал с лица собеседника.

— Нет, я не убийца, не надо на меня так смотреть. Я просто странствующий торговец, а он — мой странствующий покупатель, — Йорвин попробовал сделать что — то вроде миролюбивой улыбки. Надо сказать, получилось не очень.

Брови трактирщика начали расходиться. Его немало удивило сходство своего лица с легким чтивом.

— Я не знаю, куда ушел уважаемый Сиртама, но он не расплатился за еду и постель, и вдобавок, при нем не было вещей.

Блестяще. Еще и ждать его тут. Негодование Йорвина сменилось раздражением. И вдобавок, он уже проголодался. Поняв, что сию минуту он клиента не увидит, решил перекусить и заказал хлеб с маслом. Кусков шесть — семь, не надо обжираться. И кваса кружку — другую.

Йорвин сел за столик, который счел наименее грязным. Трактирщик, в отличие от расторопного Тулбора, работал без официантки, а потому некоторую неухоженность можно было простить. Через несколько минут заказ принесли, и Йорвин принялся его уничтожать. Когда кружок с хлебом и кружки опустели, жизнь наладилась. Можно было и подождать.

И тут только Йорвин заметил шумную компашку в углу и принялся ее изучать. Гул за столиками перерастал в настоящий гвалт и улюлюканье. Хозяин посмотрел в ту сторону и пожал плечом, дескать, пускай, так и надо, все оплачено. Йорвин понял — наемники. Наверняка вернулись с какой — нибудь охоты на хищное зверье, посягавшее на кур в каком — нибудь хуторе.

И вот они устроили поединок по рукоборству на выпивку. Типичный досуг наемников. Один из них был изрядно крупнее своих товарищей, и клал их почти как детей. Очередной побежденный буян встал из-за столов и долбанул несколько раз по стене кулаком, дабы выпустить пар. И тут заметил Йорвина, и хищно улыбнулся. Подойдя к кузнецу он начал:

— Дружище, ты выглядишь так, будто можешь за себя постоять, не станешь моим компаньоном? Надо забороть вон того здорового жлоба. Он спьяну вякнул, будто отдаст свою выручку тому, кто его победит в рукоборстве. Только он внатуре силен. Поверь, я знаю. Но ведь ты тоже не лыком шит, я прав? Завали еного борова, и мы честно поделим его деньги.

Причин протестовать у Йорвина не было. Он ничего не терял, но это был прекрасный

способ убить время.

— Ребят! — возопил новый компаньон Йорвина, — К нам только что пришел мой двоюродный брат, Авгор. И он говорит, что положит Родана как два пальца! Подыграй мне, — Шепнул он углом рта Йорвину. Тот скорчил жестокое выражение лица и кивнул.

Йорвин нечасто встречал людей крупнее и сильнее себя, но этот Родан был именно из таких. Йорвин смотрел ему в подбородок. То был исполин, чьи руки были толщиной с молодое деревце, и, несомненно, могли его сломать без каких-либо дополнительных приспособлений. Родан был не дурак поест, судя по массивной подушке на брюхе. Его голова была начисто выбрита, но на лице были коротенькие усы и бородка.

— Так ты брательник Ирче? Тады, поглядим, так ли ты силен, как он о тебе вещает, — Прогремел он, поднявшись.

Йорвин собрал волосы в хвост, похрустел пальцами, спиной, шей, и сел за столик напротив Родана. Тот предпочел не тратить время на это.

Два дюжих детины схватились руками, один из соратников Родана взял на себя роль судьи и начал отсчет.

— Три, два... один...

И как только он опустил руку, начался поединок. Как таран встречается с воротами крепости, так встретились две силы, каждой из которых за глаза хватит, чтобы гнуть подковы, ломать кости и вышибать дубовые двери.

Йорвин перестал чувствовать себя таким уж сильным с этих пор, но и его оппонент понял, что перед ним в кои-то веки по — настоящему достойный противник, и внушивший ему идею похвастать своей силой хмельной дух стал быстро рассеиваться, как бы трусливо сбега. Их поединок длился уже пять минут, и тут силы Йорвина начали иссякать, хотя залитое потом, красное лицо его соперника говорило и о его измотанности. И вот исполин Родан стал брать верх. Оглушительный галдеж, не смолкавший на протяжении почти шести минут перерос в рев водопада. А дальше случилось то, что каждый из видевших понял по-разному. Йорвин встретился глазом с Роданом. Другой глаз залило потом, его пришлось закрыть. И вдруг таинственная сила его шрама вновь дала о себе знать. Родан, чье лицо было красным как раскаленная сталь, вдруг стало мертвенно бледным, все волоски на его бородачке встали дыбом, его глаза стали круглее монет в его кошельке. Позже он признается, что так и не понял, чего испугался, и расскажет, будто сперепугу ему показалось, что глаз его соперника по рукобоству, устремленный на него был совсем не человеческий. То был глаз невиданного чудовища, которое спит и видит, как бы высосать из кого-нибудь душу. Богатырь Родан Непобедимый, лицо отряда наемников был в тот день повержен неизвестно кем по имени Авгор, в котором, как некоторые скажут проснулось демоническое начало. Другие скажут, что в его меркантильном сердце открылось второе дыхание, и, якобы, ради денег он мог в тот момент забороть кого угодно.

Оба рукоборца тяжело дышали. У обоих были круглые глаза. У Родана от пережитого ужаса, горечи поражения и утраченных денег. А Йорвина мучили вопросы: КАК? Как он мог вдруг победить, если его поражение казалось вполне закономерным и неминуемым. КАКОВА природа таинственной силы, что проявляется в нем все чаще? И ЧТО он такое? Наверняка не обычный человек. Йорвин очнулся от раздумий и обратился к Родану:

— Ты проиграл, мужик, раскошеливайся.

— Ты не мог меня забороть, ты колдун. Обойдешься, — недружелюбно уперся Родан.

— Ты продул и должен мне денег. Лопатник открыл, я сказал! — Йорвин начал

закипать. Окружающие предпочли не вмешиваться в их спор. Новоявленный победитель в состоянии справиться сам.

— Хм... катись ты колбасой, кость лобковая!

Этого было более чем через край. Хотя у Йорвина и был добрый нрав, но такого отношения он не терпел. Он с крайне мрачным видом кивнул, и сделал вид, что уходит без денег, но это был обманный маневр. Он только готовился нанести удар, и ему нужно было пространство для разгона кулака. Резко развернувшись, Йорвин без предупреждения нанес Родану сокрушительный удар в челюсть. Удар был столь силен, что нечестный борец рухнул навзничь вместе со стулом и ударился головой о стену. Словив такую зуботычину, да еще и сильно ударившись затылком, великан лишился чувств. Йорвин стал обыскивать тело, и вскоре извлек из кармана пузатый мешочек с монетами. Открыв его, Йорвин увидел гонорар наемника, весь серебром. Весьма довольный собой, Йорвин сунул несколько монет Ирче, стоявшему выпучив глаза и открыв рот, и вернулся на свое место. Спать ему не хотелось, и он решил, что дождется Сиртаму, сидя за столом... и подпершись локтем. А часы тянулись и тянулись...

— День добрый, — прозвучал в трактире спокойный суховатый голос. — Да именно день, так как уже давно не утро.

Йорвин поднял голову, и с удивлением обнаружил, что продрых прямо на столике часов пятнадцать, нащупав у себя на щеке рубец от долгого лежания на твердой деревяшке. За его столиком сидел человек, чей возраст почти невозможно определить. Можно лишь сказать, что он колеблется от тридцати до шестидесяти. У этого человека были серебристые волосы, чуть подлиннее, чем у трактирщика. Его глаза были зеленого цвета. В этих глазах читался опыт долгих странствий. Лицо его, ясное и добродушное, внушало какое-то безотчетное доверие. Прямой и спокойный взгляд, выдавшего виды человека, мог успокоить любые бури в душе. Одет он был в просторное серое кимано и такого же цвета шаровары. На ногах его были обычные суконные башмаки, весьма поношенные.

— Прощу меня извинить за мою задержку. Я слушал музыку вселенной почти трое суток, находясь в храме Всех Богов, и выйти из состояния транса я смог буквально несколько часов назад, столь она прекрасна.

— Да что вы, — качнул головой Йорвин, еще не до конца проснувшись. Он уже собрался высказать монаху все о его храмах и трансах, но вспомнил простую субординацию продавца с покупателем "клиент всегда прав", и притух. А Сиртама продолжил:

— Знаете, я люблю тихие места, где меньше всего народу; смутьянов, сплетников и ханжей я особенно не люблю. А это место выглядит тихим. Да и совсем недорогим, — Йорвин про себя усмехнулся. — Но ближе к делу, будьте любезны, покажите мне то, зачем мы встретились.

Йорвин полез в сумку и извлек свой дневной и ночной труд. Он протянул монаху безупречно выделанный посох из векового дуба с серебряным набалдашником на конце.

— Посох — трансформер со стальным стержнем и серебряным набалдашником, — стал объяснять Йорвин, — Все строго как на вашем чертеже. Поворачиваете кольцо посередине, и посох превращается в тойшен. Монах принял работу мастера и стал с любопытством ее разглядывать. Было достаточно легонько повернуть кольцо посередине посоха, как он становился двумя жезлами, соединенными стальной цепью. На конце одного из жезлов находился тяжелый серебряный шарик размером с яблоко, легко ломающий вражьи кости любой крепости, находясь в умелых руках, или калечащий своего криворукого, художилого

владельца.

— Не думайте пожалуйста, что кольцо слишком легко повернуть. В бою это вас не подведет, а скорее, выручит. Я ручаюсь.

Сиртама перестал разглядывать обнову и протянул руку Йорвину. Тот пожал ее.

— Мой поклон мастеру Торвальду, — молвил монах, встав. Про то, что Торвальд приложил руку к изготовлению этого оружия не больше, чем эльф к чистке каналов, Йорвин решил скромно умолчать, — Так, сколько вы просите за свою работу?

— Двадцать серебряных нециев авансом, значит, сорок золотых тиллиев, — Монах кивнул, и положил перед Йорвином мешочек золота. Пока Йорвин пересчитывал плату, заказчик испарился.

Не видя смысла дольше задерживаться в этом заведении, Йорвин направился в обратном направлении. И снова налет радости за успешно выполненное дело и денежного вознаграждения был смыт с лица юноши убожеством и отвратностью этого района. Отовсюду веяло запахом выгребных ям, пополнившихся продуктами прошедшей ночи. Йорвин недоумевал, как люди могут жить в таком убожестве, уподобляясь свиньям.

"БУМС"

Разум Йорвина погас прежде, чем он успел понять, что его чем — то ударили по затылку. Но удар, по счастью, был не слишком силен, и уже вскоре Йорвин обнаружил, что его куда — то тащат за ноги. Ушибленное место заныло как только он открыл глаза. Его тащили двое каких — то отморожков глубже в подворотню. Сейчас, наверное, будут грабить. Ничего удивительного в этом не было. Веслоухий деревенщина из дальнего хутора в крупном городе сияет поярче, чем полыхающее чучело Зимки в праздник Солнцеворота. Пока Йорвин пытался собрать осколки сознания, разбойники переговаривались.

— Блин, какого хрена он весит целую гору? Я уже замонался его переть!

— Заткнись! Задолбал канючить. Вон виш, уже и урода етого разбудил своим нытьем.

Йорвин мог бы поклясться, что голоса ему знакомы. Отморозки дотащили его под навес, возле которого их дожидались... именно те наемники из трактира.

Навес был широк, а под ним находилась дверь в подвал. Один из наемников открыл дверь и отошел в сторону, пропуская своего командира. Из подвала вышел человек высокого роста, но чрезвычайно худой, почти скелет. Кожа бледная до невозможности. Под глазами пролегли черные тени. Пальцы его были длинные и тонкие, с длинными острыми ногтями. А глаза его... Глаза его были черны как ночь, и выглядело это столь жутко, что у любого человека пошел бы холод по спине. Несомненно, субъект этот был самым настоящим вампиром. Вампир заговорил:

— Тот самый, который ободрал Родана давешним вечером. Опрометчиво и нахально с твоей стороны.

— Не говори мне, кто я, и я не скажу, куда тебе идти, — ответил Йорвин, чем немало разозлил вампира. Тот одной рукой схватил Йорвина за ворот рубахи и поднял над землей.

— Сопли длинны мне дерзить, мальчишка! — прошипел тот, после чего швырнул юношу в груды гнилых досок как мешок с соломой, — Обыскать его.

Тут прихвостни кровососа вытащили Йорвина из груды мусора и стали урывать его ногами, как можно. После чего вывернули все карманы и выпотрошили сумку. Когда дело дошло до выручки, по толпе прокатились довольное ржание и свист. Таких "везучих" дней, как этот на памяти Йорвина еще не было ни разу.

— Вот уже девяносто лет я живу в Митриуме, и почти столько же команду отрядом

рубак. Состав, конечно, уже не раз сменился. Да, я, как ты понял, вампир. Паразит, кровосос и все такое. Такой взгляд, я видал уже сотни сотен раз. Но ответь мне вот, что. Что было бы здесь, не будь меня? Население Митриума — более трехсот тысяч душ, и это при моем сожительстве. Хотя, твое мнение меня не интересует, ведь жить то тебе осталось всего ничего. В среднем мужчине почти полтора галлона крови, которые я могу выпить за десять секунд. На тебя же уйдет двенадцать — тринадцать. И от тебя останется лишь сморщенный трупик, который я повешу на стену у себя дома, — облизнувшись, добавил вампир. И никакая сила не спасла бы Йорвина от кошмарнейшей смерти, какую только можно представить, если бы в этот момент один из наемников не свалился мешком на землю. Все синхронно повернули головы и увидели монаха, крутящего тойшен в руке, и явно настроенного на драку.

Не дожидаясь, пока массовый синдром лупоглазки пройдет, Йорвин вдарил стоящему справа громиле локтем в пах, а затем добил апперкотом. Лоб слева получил головой в челюсть и отправился спать. И тут в потасовку вступил Сиртама. Новое оружие монаха работало так, будто всегда принадлежало ему. Молниеносно раздавая синяки, переломы и выбитые зубы, Сиртама не забывал работать ногами и крутился как взбесившийся волчок, что делало его еще более неприступным. Йорвин помогал ему, раздавая увесистые помордники налево и направо, и совсем забыл о вампире. А не стоило.

Все также оставаясь в тени, он дождался момента и схватил Йорвина армейским захватом сзади. Еще несколько секунд, и для Йорвина все бы закончилось, каким бы уникальным он ни был. Шум драки заглушил крик морнаха "крутанись!". Поняв все в буквальном смысле на лету, Йорвин сделал как велел Сиртама на девяносто градусов. Сиртама, парящий над изрядно поредевшей толпой негодяев засадил вампиру пяткой прямо в висок. Вместе с Йорвином они пролетели шагов десять, вылетев за пределы навеса на освещенную солнцем землю. Тут вампиру стало не до чего. Он заорал так истошно, насколько это вообще возможно. Его тело задымилось и покрылось пузырями, лопавшимися и превращающимися в страшные ожоги. Волосы отваливались от головы вместе с кусками кожи, из глаз брызнул гной. Вампир орал и катался по земле в агонии, пока ему было чем кататься и орать. В конце концов, от него остался лишь скелет в дымящейся луже слизи.

Лишенные головы мерзавцы уже не могли дать заметного отпора, и вскоре, большинство легли на обе. Остатки разбежались, скуля и поджав хвосты.

— Как вы вовремя, Сиртама. Я у вас в долгу, — произнес Йорвин, поднявшись и отряхнувшись, переводя дыхание.

— Хорошие дела, как и хорошие люди, не имеют цены и не должны оплачиваться, — Сиртама не только не запыхался, но даже ничуть не вспотел. — Думаю, дальше вы как —нибудь без меня.

Сиртама вновь растворился в воздухе, а Йорвин принялся обыскивать стонущие тела своих грабителей и отбирать у них изъятое, не забывая, конечно, по возможности, собирать штрафы за наглый наезд.

А за городской стеной бушевали сильные северные ветры. Погода за что-то была расстроена и зла на наземных жителей, не в пример вчерашнему погожему дню. А ближе к закату времени и вовсе налетели тяжелые тучи и хлынул ливень. Йорвин умудрился промокнуть даже в своем непромокаемом кожаном плаще с капюшоном. Настроение было крайне мрачное. В голову лезли нехорошие предчувствия и мысли. Йорвин даже не стал задерживаться в "Тупом клинке", а направился домой на полном ходу. Добрался, тем не

мене, к ночи, но погода не исправилась. Сперва, его встретил запах дыма, перебивавший запах дождя. Логика подсказывала, что ничего хорошего это не сулит. Логика оказалась права. Затем его встретили огни, мерцавшие меж стволов сосен. Йорвин просто знал, что дела очень плохи, и не стал лезть на рожон. Он решил обойти по опушке, и сперва все как следует разнюхать, а потом решать, что делать дальше. Так он и сделал. И первое, что он увидел, было огромное скопище чудовищ в полтора человеческого роста, прямоком из ада. Зубастые хари, покрытые оспинами и коростами горбатые спины, с торчащими костяными шипами и осклизлые когтистые лапы с клешнями были столь отвратны, что на них невозможно было смотреть без рвотного позыва. Среди этих отборных уродов была лишь одна человеческая фигура. Видать, их хозяин, судя по тому, как они трепещут перед ним. Этот человек, закутанный в темный балахон с капюшоном, махал руками и ругался, раздавая тычки своим слугам, а за их спиной горела яростным огнем родная деревня Йорвина.

Тысяча мыслей, острых как бритвы пронзили разум Йорвина: "КТО?", "ЗА ЧТО?", "ВСЕ ЛИ ПОГИБЛИ?", "И ЧТО ДАЛЬШЕ?". И оттого, что на вопросы эти у него не было ответа становилось только хуже. От потрясения, потеряв чувство реальности, Йорвин наступил на сухую сосновую ветку, которая не замедлила громко хрустнуть у него под сапогом. У чудовищ, видимо, был отличный слух и Йорвин сдал себя с потрохами. Двое демонов отправились на звук к тому месту, где стоял Йорвин. Бежать не было смысла, стоять — тем более. Йорвин выхватил кинжал и ринулся навстречу рогатым чудовищам. Те этого явно не ожидали, а оттого опешили на секунду. Но этого было достаточно. Первому демону Йорвин нанес рубящий удар по шее, второму — колющий под ребро. Тот умер за несколько секунд. Первый же был еще жив, но из шеи ручьями текла желто-зеленая кровь. Будь у Йорвина настоящий меч, висела бы голова демона на ветке.

— **Фесс кезо! Убаросас мацисая!**[1] — Взревел демонолог. Йорвин уже бежал ему навстречу с острым желанием прикончить. В его голове всплывали уроки его отца, что нужно делать, если врагов много, а у тебя есть только кинжальчик. Но добежать он не успел. С обеих сторон на него набросилась толпа чудищ, и Йорвин оказался на дне горы тел, не в силах пошевелиться. От невыносимого смрада не было мочи вдохнуть, и тут в Йорвине проснулась первобытная злость, затмившая разум. Все его существо горело и требовало крови ублюдков, уничтоживших его близких, и поломавших ему жизнь. И тот огонь разгорался все сильнее и сильнее, красный туман застлал взор.

Гора демонических тел загудела и задымилась. Послышались вопли боли и страха. Монстры расформировали кучу. Под ней уже не было крупного юноши с кинжалом в руке. На его месте полыхал огонь. Огонь этот был столь ярким, что освещал все вокруг не хуже солнца. Столь жарким, что никто не мог приблизиться к нему ближе, чем на десять шагов. Пожар увеличивался в размерах с каждой секундой. Изнутри этого пламени слышались крики, перераставшие в рев. Тут даже на агатовом лице колдуна в капюшоне застыла маска удивления и страха, а на лбу выступил холодный пот.

И вдруг горящее нечто с ужасающим грохотом взорвалось. Рвануло так, что все в радиусе шести ярдов разлетелось в разные стороны. А в радиусе трех — загорелось. На месте эпицентра взрыва уже не было Йорвина. Вместо него там стояло громадное существо ужасающей наружности. Оно было ростом в двадцать футов, все покрыто чешуей темного цвета, которая отражая свет огня, приобретала темно-бардовый оттенок. Верхняя половина его тела имела строение очень похожее на человеческое. Только когти были длины бритвы, и, наверняка, такие же острые. Рогатая голова скалила плотоядного вида зубы, и глаза

светились первобытной яростью и жадной убийства. Нижняя половина, по — видимому, принадлежала огромной рептилии. Когти, способные крошить камень и шипастый хвост стоили того, чтобы бояться их до теплых луж под ногами. Были у этого существа и крылья, но были они еще не развиты и тонки, чтобы выдержать их владельца в воздухе.

Естественно, колдун не на шутку опешил, и едва сдержал приступ паники, но прохрипел — таки:

— **Хапп... Тазуц,**[2] — демоны и бесы тоже трусили не на шутку, и угощаться когтями и хвостом никто не хотел. Но подчиняться заклинателю их призывала древняя магия, и они не могли ей противиться.

Избрав первую жертву, монстр нанес удар твари в челюсть, и бес отправился в полет, выделявая смешные кульбиты в воздухе. и приземлился на пепелище цирюльни Азимо. Гигант довольно рыкнул, и сделал ручкой, дескать, следующий, или следующие, мне все равно. Ждать долго не пришлось, и на руинах деревни свершилось то, что можно назвать лишь резней. Гигантская полурептилия дала волю своей ярости и жестокости. Монстр рвал демонов надвое, натрое и далее. Во все стороны летели лапы, клешни, копыта, хвосты, кишки, и фонтанами брызгала гнусная кровь. Лесной зверь бежал прочь на лиги от места резни, столь громкими и страшными были вопли убиенных.

Вскоре, все было кончено. Стоять остались лишь колдун в черной мантии с капюшоном и существо, которое совсем недавно было Йорвином. Демонолог был близок к панике. Бледность его лица была заметна даже в отсвете начинавших затухать пожарищ.

— **Сиев... Сиев ап Кассбектым,**[3] — пролепетал некогда суровый владыка адского карательного отряда — **Иэ кхонзо...**[4]

— Гр-р-р, — прорычал в ответ человекоподобный ящер, схватил колдуна за плечо и одним взмахом когтистой руки лишил его нижней половины. Верхнюю же выкинул в огонь ближайшего спаленного дома.

Вот теперь все было действительно кончено. Чешуйчатый гигант глубоко и тяжело вздохнул, и, сделав шаг, припал на одно колено, будто тяготимый собственным весом. Силы явно покидали его. Он с трудом поднялся, и, пошатнувшись побрел в сторону небольшого озерца с мягкой и почему — то всегда теплой, даже зимой, водой. Крылатый монстр упал на четвереньки на обрывистом бережку, попытался снова встать, но лишенный сил, рухнул в темную воду. На рассвете можно было бы заметить бессознательное тело рослого юноши со спокойным, казалось бы, свободным от всех земных тревог, лицом, плавающее на поверхности, но не тонущее. Дождь давно кончился, потушив пожар перед тем, как удалиться. Над местами, ранее известными как селение Холрен воцарилась тишина.

Тишина. С нее все началось, и она же переживет все сущее. Подведет итоги всемирной жизни, осудит ее и вынесет приговор. И после Абсолютного Конца лишь тишина доживет до рождения чего — то нового, чему даже бессмертные не в состоянии найти названия.

[1] Это он! Схватить мальчишку! (Суар.)

[2] Ну... убить (суар.)

[3] Не убивай (суар.)

[4] А я тебя тогда... (суар.)

Такому утру как это можно привести лишь один эпитет — божественный раасвет. Над кронами деревьев по голубому небу плыли чудесные барашки, лиловые от поднимавшегося солнца. Йорвин беззаботно считал их как маленький мальчик. После сорок седьмого он вдруг сбился, разум вернулся к нему, и как отпущенная натянутая до предела тетива, по сознанию ударил горький факт. Это был не сон.

Йорвин лежал на бережку того озера, которое некогда так любили холреновчане, в которое вчера упал огромный свирепый монстр. Он лежал на спине, ноги его были в воде, а торс — на берегу. Йорвин был наг, ведь его одежду уничтожила его же ярость. Шевелиться страшно не хотелось. Тело ныло после вчерашних походов, да и попросту лень было что-либо делать. Но встать надо, ведь жизнь не стоит на месте, и никогда не спрашивает ничего мнения.

Йорвин поднялся с немалым трудом, и, страшно хромя на обе ноги, пошел осматривать место побоища. С каждым шагом идти становилось все легче. И через некоторое время он даже перестал хромя. Следов ватаги демонов не осталось вовсе. Их тела сгорели со смертью заклинателя, и пепел смешался с грязью и водой. Лишь ноги колдуна лежали в луже крови, порядком размытой дождем.

Первым долгом Йорвин отправился к пепелищу собственного дома. Разумеется, Торвальд не спасся, хотя Йорвину отчаянно хотелось надеяться, что он его найдет под обломками потрепанного, но живехонького. Но нет, он был мертв. Торвальд явил немалую доблесть, защищая родной дом. В тот момент, когда Йорвин практически бегом мчался в Холрен, в деревню пришел человек в черном балахоне и на ломанном всеобщем велел выдать ему некоего «мальчишку-со-шрамом», пригрозив, что в случае неповиновения вся деревня умрет мучительнейшей смертью. Разумеется, Йорвина никто не выдал, и не выдал бы даже, если бы он был в селении. Колдун только расхохотался и сказал: «Парня я все равно найду, а вот вы подписали себе приговор». С этими словами он тал махать руками и шептать заклинания на древнем черном наречии. В земле образовалась черная дыра, из которой валом повалила нечисть. Демоны рвали жителей на части, перегрызали им глотки и поедали их глаза. Не щадили никого. Стар и млад гибли бок-о-бок. Лишь Торвальд и еще несколько удалцов схватились за мечи, вилы и топоры. Торвальд неумоимо рубил демонических гадов, пока не нашелся один из них, который схватился за лезвие, когда Торвальд всадил ему клинок в брюхо. И не дал сразу его освободить. Секунда промедления — и Торвальд был заколот собственным мечом. Тело зашвырнули в горящую хижину кузнеца. Там и нашел его Йорвин. Меч твари переломили в двух местах, и отправили вслед за хозяином. Огонь надругался над телом, лишив его ног и левой руки. Густая кучерявая растительность на голове кузнеца сгорела, и открылось простое но благородное, несмотря на страшные ожоги, лицо. Йорвин никогда не видел открытого лица Торвльда. Оно всегда скрывалось под гривой густых волос и не менее густой бороды. Йорвин упал на колени и обнял того, кого считал отцом. Пусть не родным, да это и не важно. Даже своего истинного отца он бы никогда не полюбил бы так, как этого человека. Йорвин думал, что на его похоронах он заплачет. Первый раз в своей жизни. И это будет тихая смерть почтенного человека, который прожил достойную жизнь и умер старцем в теплой постели среди близких и друзей. Но что-то слезы

не шли. Не было их в сухих как песчаные барханы глазах Йорвина.

Надо было одеться. Не бегать же голышом? У Торвальда был подвал, где он прятал самое ценное. Быть может, там найдется что-нибудь? Йорвин открыл почерневший от гари люк и спустился вниз. В освещении не было нужды. Крыши у дома уже не было. В подвале было полным полно всякого разного барахла. Инструменты, слитки стальные, серебряные и платиновые, мешки с углем и прочее. Одежду Йорвин нашел. Он подобрал себе новые сапоги, теплые льняные штаны и коричневый плащ с капюшоном, отлично спасавший от дождя.

Уже на выходе Йорвин заметил сундук из черного дуба и решил полюбопытствовать. Может, есть что полезное. А в сундуке покоилась блестящая, даже в таком слабом свете стальная кольчуга и здоровенный двуручный меч — фламберг. Кольчуга была из высококачественной хромированной стали. Технологию хромирования привез в деревеньку один странствующий ученый, и продал Торвальду в обмен на починку одного тонкого приспособления, которым тот каким — то образом измерял время с поразительной точностью. Каждое колечко на груди было спаяно с пластинкой, удваивавшей защиту как от меча, так и от стрелы. Меч был длиной с самого Йорвина, обоюдоострый, из той же хромированной стали, что и кольчуга. Вдруг, до Йорвина дошло, что это такое. Товальд какой-то, перебрав меду, сболтнул в трактире, что подарит сыну на двадцатый день рождения такой подарок, что любой воин выдерет себе бороду от зависти. И в самом деле, приготовил подарок, достойный принца в серебряных доспехах. До дня двадцатилетия Йорвина было чуть больше месяца. Какое было бы пиршество по этому случаю! Какая была дружная деревня, и как здесь все любили и уважали друг друга! Все погибшие люди не заслужили такой участи. Такой несправедливости не должно быть места в подлунном мире.

И тут на глаза Йорвина навернулись слезы. Он заплакал первый раз за свою сознательную жизнь, и плакал долго. Выливалось все, копившееся годами до этого момента. А когда кончились слезы, пришла твердая уверенность, что тот, кто в ответе за этот террор получит по заслугам, будь то завтра или годы спустя. Ему за чем-то нужен парень из деревни. Что ж, он его получит. И это будет его последняя победа в жизни.

Йорвин не поленился отправить каждого жителя деревни в последний путь. Он соорудил ложа из уцелевших тынов, и уложил на них тела так, чтобы родные были рядом друг с другом, посыпал их соломой, и поджег головешкой. Йорвин не сомневался, что мокрое дерево гореть будет хорошо. Огонь всегда ему подчинялся беспрекословно. Костер сильно дымился, но загорелось сильно. Торвальда он определил в курган, на который приволок наковальню и молот отца. Меч, также трагически погибший вместе с хозяином вложил в руку героя. Если бы Йорвин умел писать, он бы выбил на наковальне имя человека, давшего ему приют, заботу и привившему волю к жизни несмотря ни на что. И в который раз проклял свою деревенскую безграмотность. Йорвин опустил голову и пропел похоронный гимн, который поют всей семьей, когда близкий человек отходит в мир иной.

Непомерную скорбю сердце полнится,
И падает в землю слеза.
Человек, что по жизни со мною шел смело
Из мира ушел навсегда.

Навеки запомню я имя того,

Кто стал вдруг судьбе неudel.
И молиться я буду, чтоб дух его светлый
К небесным дворам возлетел.

Чтобы в райских садах отыскал он любимых,
Что в прошлом, как я, потерял.
Чтоб забвения ветер с земли обреченной
Его там никогда не достал...

Когда Йорвин допел последний куплет, он взвалил меч на плечо, пожитки и ушел, не оборачиваясь. Юноша решил отправиться к Тулбору — единственному оставшемуся знакомому человеку и спросить его совета.

Пока Йорвин шел, творились всякие непонятные вещи. То луны вдруг появятся, то исчезнут, звезды светили несмотря на ясный день. Облака двигались как то слишком быстро, хотя это были не кучевые, что носятся близ земли, цепляются за вершины гор и проливают дожди. Облака были перистые, но неслись ОЧЕНЬ быстро. По чистым же участкам неба плыли сине — зеленые ленты волшебного света. Ученые называют такое явление "Солнечный ветер". И характерно оно для крайне северных земель далеко за Серой Грядой, но никак не для этих. Йорвин никогда не сомневался в целостности своего рассудка и честности зрения. И в этот раз не собирался. По его мнению, мир более подвержен сумасшествию, чем он.

Как бы то ни было, вечер наступил гораздо раньше обычного, и до корчмы Тулбора Йорвин добрался глубокой ночью, а не перед закатом, как обычно. Но это его не смутило (если вообще что — то могло его смутить). Парадную дверь он решил не беспокоить, и прошел к черному ходу. Йорвин легко и без лишнего шума высадил хлипенькую дверку, прикрыв свой труд спинкой стула. Прошел через кухню и поднялся по лестнице. Йорвин старался ступать по возможности бесшумно, насколько то позволяли неновые уже полы. И уже почти вплотную подошел к опочивальне хозяина, как вдруг мощнейший удар дверью откинул Йорвина обратно на лестницу. Тулбор — закаленный в бесчисленных сражениях боец, у которого на уровне рефлексов отложилась способность слышать легкие шажки душителя и мгновенно просыпаться, готовым к бою. Ему неоднократно приходилось спать в горах, и не просыпаться, несмотря на гром грозы и грохот оползней, но крадущуюся походку убийцы он умел отличать безошибочно. Йорвин не знал этого, и теперь катился вниз по лестнице как мешок с картошкой.

В падении Йорвин потерял сознание и очнулся уже утром в одной из гостевых комнат. Над ним стояли Тулбор, сложив руки на животе, его официантка с золотистыми волосами и... Сиртама.

— Илтрис всемогущий! — воскликнул Тулбор. — Йорвин, каждый раз твое появление здесь сопровождается разрушениями! По кой хрен тебя принесло среди ночи а? — Йорвин не сказал ничего вразумительного, так, промямлил что-то типа "так уж получилось", и Тулбор продолжил, — И дверь моя чем так тебе не угодила?

— Сейчас расскажу, — Сказал Йорвин, поднимаясь и вставляя ноги в сапоги. — Только лишние уши нам ни к чему, — добавил он скорее двери, чем собеседникам. Сиртама подошел к двери и легонько шлепнул по ней ладонью. После того, как топот семенящих и спотыкающихся, наверняка коротких ног стих, Йорвин приступил к рассказу.

— Начну с того, что спрошу, а почему благородный хозяин "Тупого клинка" не спит по ночам?

— Это довольно печальная история, — без пререканий отвечал Тулбор. — Как-то мы с отрядом заночевали в лесу. У нас был трудный день. Мы тогда разбили бандитский притон под Ванимирой. Но одному из подонков удалось бежать. Тогда мы не придали этому значения. Сочли — один в поле не воин, но оказалось, что это не так. Запомни, Йорвин, хорошенько запомни. Даже один в поле — воин. Так вот, эта скотина побежала собирать новую толпу, чтобы отомстить нам. Но тупарь не понимал, что мы — лишь инструмент в руках толстосума. И вот, все мы, уставшие и вспотевшие, поснимали доспех и слегли спать, выставив такого же уставшего часового. Немудрено, что он тоже оплошал, — Тулбор вздохнул. — Я проснулся, когда убийца перерезал половину отряда как забойных свиней. Семь моих товарищей, моих друзей, с которыми я делил последний кусок хлеба, погибли, а виновников не было. А может, ими были мы все... С тех пор даже если колесница илтрисова промчится над нами, я не проснусь, но крадущегося душителя к себе не подпущу.

— Да, не хотелось напоминать тебе о погибших друзьях, но так или иначе пришлось бы. Видишь — ли... Холрена больше нет.

— Как нет? Что значит нет? — хором спросили все трое.

— Холрен уничтожен, стерт с лица земли. Все жители перебиты. Никто не спасся. Кроме меня, конечно.

Эта новость ввела всех троих в состояние полного замешательства. Даже странник Сиртама оказался небезучастен к трагедии.

— Но...но-о, — дрожащим голосом пролепетала официантка, — Там же живет моя тетя, Эспиранса, она...

— Дорогуша, у тебя больше нет тети. Я лично всех похоронил, — как топором отсек Йорвин.

— А как же те, кто это сделал? Ты их застал? Кому могла помешать жить безобидная деревушка? Знать бы еще, чего они хотели и не повторится ли такое?

— Я не знаю, кто это был, — Йорвин решил не рассказывать о своем участии и немного приврать. Неизвестно, как отреагируют люди, если он раскроет им все свои карты, — Я пришел, деревня уже пылала, виновники исчезли. Я переночевал на руинах своего дома, а утром похоронил всех и отправился сюда. Когда это случилось, я вот как чувствовал что — то плохое. И даже теперь я совсем не уверен, что они добились, чего хотели.

На лице Тулбора застыла маска самых разных чувств: удивления, страха, горечи, а по бледному лбу лился холодный пот. Официантка кусала губы, и по щекам ее лились слезы. Сиртама, потупившись смотрел в пол.

— А когда я шел сюда, мир как будто сошел с ума. Все небо ходило ходуном, звезды, луны носились по небу в догонялки с облаками, небесные ленты света появлялись, ни разу их вживую не видел, только слышал, что люди об этом судачат.

— Полярные сияния в этих краях не случаются, так? — оживился Сиртама. — Произошло тотальное перераспределение сил в мире. То, что ты видел было ответной реакцией на сдвиг пространственно — временного континуума и...

— А можно попроще? — попросил Йорвин

— Конечно, — ответил монах. — В общем, кто — то, или что — то изменило ход истории. В исторических хрониках данные события встречались дважды. Последний раз это было двести восемнадцать лет назад, когда последний король, Йорвин Великий в битве при

Тинимау победил в бою колдуна Пролактета, отрубив ему голову, тем самым изменив направление движения истории.

— Но разве не люди творят историю? — спросил Тулбор.

— И да, и нет. В мире существуют силы куда как посильнее человеческих, и Они рассчитывают будущее, анализируя действия так называемых смертных. Мы, кедонэйцы, называем их Табо. Жители здешних земель — Илтрисом. Где-то еще — как-то по-другому, но божественная суть остается неизменной. Иногда рождаются индивидуумы, способные поменять текущий уклад вещей настолько, что этим Силам приходится по новой рассчитывать варианты будущего. Это сопровождается явлениями, наблюдаемыми тобой, юноша.

— Но если эти Силы настолько могучи, то как Они могут допускать подобную жестокость? — спросила девушка.

— Пойми, ими не движет стремление к чему — либо материальному, Им нет дела до нашей мелкой грызни, и Они вмешаются лишь в том случае, если всему живому будет грозить полное уничтожение. Они выше страха, надежды и любви, и выполняют лишь обязанности, возложенные на них Высшим Космическим Разумом.

И тут Йорвин понял, какую роль он сыграл в пьесе мироздания. Он, Йорвин, сынок кузнеца, изменил ход истории. Ему было суждено остаться в деревне и погибнуть вместе с остальными, и тогда таинственный некто получил бы то, чего хотел, и неизвестно что было бы дальше. Но и что теперь делать тоже было неясно.

— Все, что я любил, но не ценил — потерял за один вечер. И как мне жить дальше, куда податься? — мучился Йорвин. По его мнению, жизнь его была кончена. Дальше жить незачем.

— А вот с этим я могу тебе помочь, мой юный друг. За непродолжительное время нашего знакомства, я нашел в тебе необычайный потенциал. Ты — желудь, из которого вырастает могучий дуб. Я мог бы дать тебе Знание, овладев которым, ты не только найдешь свое место в жизни, ты сможешь делать все, что захочешь. Но не жди, что ты сразу станешь таким, как я. Твое обучение займет долгие годы, и возможно, завершится, когда ты сам доживешь до седин. Но ты не пожалеешь.

— Ты вправду думаешь, что простой деревенский парень может стать вершителем добра? — спросил Йорвин

— Не важно, деревенский ты сын, или дворянский. За свою жизнь я знавал много людей, но очень мало "желудей".

Йорвин задумался. Перспективы его были невелики. Если он отклонит предложение монаха, юноша не понимал, как жить дальше. Пытаться ли все восстановить, как можно, или плыть по течению, принимая с опущенной головой все удары судьбы. А если пойти по пути, который указывает Сиртама, то до сорока лет можно позабыть про цивилизацию, и все связанные с ней радости жизни, вернувшись к ней, когда она уже потеряет свой притягательный свет. Но с другой стороны, если знание, доступное монаху столь велико, оно поможет найти способ отомстить убийцам его семьи.

— Сиртама, я... — Йорвин вздохнул, все еще переваривая каждое свое слово — Я пойду с тобой.

— Достойный выбор, — сказал Сиртама. И слегка улыбнулся.

Йорвин простился с Тулбором. Они пожали друг — другу руки и тепло обнялись, почти как отец и сын. И простились они на этот раз навсегда. Все понимали, что до их следующей

встречи трактирщик вряд ли доживет. На прощанье тот подарил Йорвину кружку и сказал, чтобы тот всякий раз, когда будет пить из нее, он вспоминал старого трактирщика.

Йорвин познакомился с официанткой Тулбора. Ее зовут Тиа, и она любит Тулбора как дочь, которой у него никогда не было. У нее был богатый отец, большая шишка в Митриуме. И его девочка росла избалованной, но на удивление доброй и честной. Когда отец умер и оставил ей наследство, та не умела с ним обращаться. Деньги иссякли очень быстро, и вскоре юная Тиа погрязла в долгах, как какой — нибудь подпольный игрок в кости. Долг заставил ее проститься с недвижимостью, и так как делать она ничего не умела, то ни один ремесленник не брал ее в помощницы, ни один хронист не брал ее в писчицы, и ни один повар не брал ее в кухарки. Тогда Тиа решила поискать своего места в других землях. К счастью, далеко идти не пришлось. Чем-то она очень приглянулась старому Тулбору. Возможно, своей исключительной непорочностью и почти детской наивностью и добротой. Тиа была далеко не уродкой, но и небесной красотой похвастать не могла. Самым красивым в ней были золотистые волнистые локоны и ясные серые глаза. Они с Йорвином были почти ровесники. Если Тиа и была старше Йорвина, то незначительно. Тиа протянула Йорвину ручку, тот пожал ее и его лицо вмиг помрачнело. Такие же шелковые ручки были у его подруги Делайлы. Йорвин содрогнулся, какие ужасные вещи сотворили демоны с ней, что он даже не узнал ее среди мертвых тел. Но теперь он вспомнил ту девушку, больше похожую на сплошную гематому, с волосами, из которых пряди были просто выдраны, с выбитыми зубами и выколотыми глазами. Йорвина затрясло, глаза покраснели, а стук сердца стал слышен даже на втором этаже.

— Йорвин, ты в порядке? — спросила Тиа. Йорвин почувствовал, как внутри разгорается знакомый огонь, и, опасаясь срыва, немалым усилием заставил себя взять себя в руки.

— Да, я просто... уразумел кое — что, — Йорвин даже попытался даже выдать что — то вроде улыбки, но у него не получилось. — Забудь.

Не говоря больше не слова, Йорвин развернулся и вышел из трактира, Сиртама пожал Тулбору руку, кивнул Тие и вышел следом. В ту ночь Йорвин не спал, и весь следующий день ходил мрачный как туча. Они с Сиртамой шли пешим ходом по дороге на северо-восток, в сторону Оторофельда. И тому было как минимум два весомых повода. Во-первых, лошади в Оторофельде как куры в вольере со львами, во-вторых, звери попросту боялись Йорвина, и не спроста. Йорвин за весь день не произнес ни слова, а к вечеру и вовсе замкнулся. На привале мужчины разожгли костер, достали заботливо заготовленную Тулбором солонину, хлеб и воду.

— Йорвин, в чем дело? Ты сегодня с утра сам не свой. Я знаю, ты горюешь по погибшим близким, но я вижу, дело в чем — то еще. Ураган в твоей душе наверняка мог бы сровнять с землей не один стольный город. Поделись, легче же станет. А депрессия тебе не помощница, она тебе только хуже делает.

— В Холрене жила девушка, — хриплым голосом заговорил Йорвин. — Которая была мне как сестра. Ублюдки убили ее, а я ее даже не узнал среди мертвых тел. Никогда бы не подумал, что можно так изуродовать безобидное создание. Какая же черная душа должна быть, чтобы вот так? Я не могу попустить это и не сделать того, что должен. Месть — мой святой долг.

— Месть не решит твоих проблем. У тебя их станет только больше. Замкнутый круг зла можно разорвать только непотворением насилию террором, смирением и прощением. Не

убий никого — это основной закон, которому должен подчиняться любой член нашего сообщества. Ты сам поймешь это, когда мы начнем твоё обучение, — Йорвин ничего не ответил, снова зажевав кусок, — Ладно, оставим пока это. Завтра мы должны добраться до города Кавван — это последнее поселение по дороге в Оторофельд. Если не будет затруднений, то послезавтра мы уже доберемся дотуда. Вот там и начнутся проблемы. Ты слышал что-нибудь об этом лесе, Йорвин?

— Слышал... — мрачно протянул Йорвин, — ...кое — что, — закончил он после долгой паузы.

— Должен тебе рассказать о двух племенах, что живут в глубине леса. Одни называют себя морфериам, что на наш язык можно перевести, как "дети псового". Но люди называют их морферимы. Так им проще. Разница невелика, но не для сынов волка. Не вздумай ошибиться, если на тебя направят луки, или будешь немедля расстрелян. Эти существа — человекообразные животные, тем не менее, им не чуждо ничто человеческое. Возможно, в нравственном плане они даже лучше нас. Морферимы делятся на две семьи — сыны Черного Волка и сыны Серого Лиса. Возможно догадываешься, почему. Сыны Черного Волка — огромные двуногие прямоходящие волки. Возможно, даже покрупнее тебя. Со строгим и нерушимым кодексом чести. Хех, лучше быть другом сына черного волка, чем его врагом. Другьям они верны до конца, и умрут за них без колебаний. А из людей, что вздумали их обмануть — мало кто выжил. В бою они свирепы, безжалостны и неудержимы. На одного морферима как минимум шесть людей, это точно. Сыны серого лиса — это человекообразные лисы. Не такие крупные, как сыны волка, но оттого не менее опасные. Эти ребята очень умны, хитры, приспособляются почти к любой ситуации. Ну, еще они отличные лучники. Еще есть информация о троллях, которые живут в чаще, но их уже лет сто никто не видел, и эта тема, остались ли еще тролли в Оторофельде сейчас активно оспаривается. В общем, нас ждет пять довольно напряженных дней в лесу, забитом всякой нечистью. — Йорвин, продолжавший невозмутимо жевать помолчал, а потом сказал:

— Все ясно, — затем доел кусок, глотнул воды, чтобы хлеб в горле комом не встал, и лег спать.

Заснуть сразу у него не получилось. Йорвина до сих пор не отпускали образы Делайлы, Торвальда и прочих, сложивших голову в деревне. Они принесли себя в жертву ради того, чтобы он выполнил свою великую миссию. Но какую? Стать надеждой угнетенных и невинно порицаемых? Чтобы его имя со слезами гордости произносили старики, рассказывающие своим внукам о герое без страха и упрёка, который стоит на страже покоя мирян? Или же стать олицетворением зла, чтобы его имя произносили в страхе и шепотом? Но затем Йорвин решил про себя, что никакое колдовство и никакие напасти не совратят его с пути добра. Что не для того его вырастил Торвальд, чтобы он, Йорвин, пал жертвой таинственных сил внутри себя. И с этой мыслью его разум покинул тело. До утра. Проснувшись поутру, Йорвин обнаружил Сиртаму, бодро и старательно заметавшим следы их стоянки. Все вещи были уже готовы к дальнейшему путешествию.

Дальнейшая дорога пролегла по всхолмью, у подножия которого и стоял город Кавван. По холмистой местности идти было интереснее, чем по равнине, но и утомительнее. Сон частично залечил кровоточащую душевную рану Йорвина, и боль немного отпустила. Юноша в этот день был общительнее, улыбчивее, а потому день для него прошел быстрее.

Наконец перед ними раскинулся Кавван. Йорвин с Сиртамой добрались до него раньше, чем рассчитывали, но сочли, что так только лучше. Больше отдохнем, перед Оторофельдом и

наберемся сил. Кавван был довольно целостным городом, и не испытывал неудобств от своего прилюдного местоположения. На панораме, что открылась перед путниками по правую руку, тянулись поля ржи, ячменя и пшеницы. По левую — речка, что спускалась с холмов, и обслуживала город. Недалеко от мостка через Наинну, так называлась речка, стояла водяная мельница, а чуть подальше были видны женщины, стирающие белье. Еще дальше, где река становилась полнотелой, и уже не могла называться речкой, виднелись рыбацкие лодки. А на горизонте черной лентой тянулся дурно славный Оторофельд.

Путешественники спустились с холма и вошли в город. Идя по узким улочкам, они оглядывались в поисках постоянного двора. От Митриума этот город отличался сильно. Здесь было чисто, не было пьяниц, вусмерть надравшихся эля, и валявшихся в грязи пятаком вниз. Здесь не пахло отхожими местами, лошадиным навозом и прочими неаппетитными ароматами. Дома стояли ровные, чистые и добротные. Йорвин подумал про себя, что недурно было бы поселиться здесь... когда-нибудь. Наконец, Сиртама указал на вывеску с весьма броским названием "Вечное сияние". На вывеске была нарисована звезда с восемью лучами и красиво выгравированная буква "А".

Когда Сиртама и Йорвин вошли в таверну, их поразила чистота и просторность этого заведения. Таверна вполне оправдывала свое название. Народу было достаточно, и свободных столиков было два. Всего их было семь. В углу по диагонали от двери стояло что — то вроде сцены, а на сцене стоял высокий, красивый, чистый и опрятный молодой человек. Одет он был в превосходный пурпурно — белый камзол, зеленые суконные штаны, ботинки из заячьей кожи и вишневого цвета шляпу с загнутыми полями и салатовым плюмажем. В руках бард держал великолепную лютню, которая издавала поистине божественные звуки. Эта музыка заставляла забыть про все беды и несчастья, и отправляла душу в высокий полет выше облаков. Все другие барды, которых Йорвину доводилось слушать в Митриуме, после этих чудесных музыкальных переливов казались бездарными фанфаронами и хриплыми горлопанами. В обычных харчевнях музыкой служат нецензурная брань, грубые солдафонские анекдоты, истеричное ржание, отрывки и прочее непристойное и непотребное. В этом заведении стояла тишина. Ни один цеховик или крестьянин не смел прервать дивную музыку мастера — барда. Все заслушивались и летали. Сиртама и Йорвин подошли к стойке. За ней стоял человек средних лет, среднего роста, средней комплекции, с добрым лицом и смеющимися глазами. У трактирщика была аккуратная расчесанная борода и волосы.

— День добрый, судари, добро пожаловать в "Вечное сияние"! Я — Агилл, хозяин. Чем могу вам помочь?

— Здравствуйте, уважаемый, нам бы комнату, желательно попросторнее. И еще скромный обед, будьте любезны.

— Будет сделано. А пока, господа, насладитесь искусством мастера Мавротия. Он приехал к нам вчера с двухдневной гастролью, а завтра, к сожалению, покидает наш город. — Агилл удалился, а Йорвин с монахом заняли столик, что был поближе к сцене. Бард бил пальцами по струнам и пел:

Я вчера полюбил другую.

И прошу, отпусти меня.

Все мы влюбляемся вслепую.

Любовь зрячей никогда не была.

Но отринув печали и муки,
Может быть, встретишь ты завтра того,
Кто согреет рукой твои руки,
И всем сердцем полюбишь его.

Песня кончилась, благодарные слушатели зааплодировали и заулюлюкали. В футлярчик для лютни со всех сторон полетели монеты: медные, серебряные, золотые — кто что мог себе позволить. Йорвин и Сиртама тоже не остались в стороне, и кинули музыканту по серебряной монете. А люди не успокаивались и требовали продолжения концерта. Музыкант поклонился, "подмел" шляпой пол сцены и благодарно закивал.

— Благодарю вас. Но следующая песня будет последней на сегодня. Это баллада о короле — воеводе Саркисе. — Бард провел пальцами по струнам и запел:

Капли стали падали с неба.
От туч рано стало темно.
С севера дули могучие ветры,
Но в бой шел отряд все равно.

Тех витязей вел, не страшась урагана,
Сам Саркис, великий герой.
Тот, кто при жизни легендой стал славной.
Чью волю не сломишь мечом.

Эльтифиат, вероломный и хитрый
Две ратные силы гнал там.
Люди шли маршем по мокрой земле,
И туча шла по небесам.

У певца был уникальный голос диапазоном в четыре октавы, который звучал то нежно, то жестко и низко там, где это было необходимо. После недолгого проигрыша зазвучал припев.

В дали унеслось затишье мира.
Грозам разразиться вновь время пришло.
Героям не страшен холод могилы.
Жизнь или смерть, кровь иль вино.

Потихоньку в таверну стало прибывать все больше народу, и к моменту, когда Мавротий допел припев, свободных мест за столиками не осталось.

Били в щиты мечи из булата.
Стрелы пронзали и землю, и латы.
Красной от крови стала земля,
И телами покрыта стала она.

Бой завершился лишь поздней ночью,
Когда уж сражаться не было мочи.
Узрев, что все войско лежит возле скал,
Эльтифиат поражение признал.

Но если признал, то не значит смирился,
Короля — воеводу он сжить захотел
Помощью мага он заручился,
И ему короля он убить повелел.

Мощью огромной тот маг обладал.
Пальцев щелчком он горы сдвигал.
И силой своей он грозе повелел
Обратить победителя в пепел и тлен.

Молнии удар был беспощаден,
Мгновенно прервал Саркису жизнь.
А Эльтифиат, будь он трижды неладен,
Через год был проказой отправлен за ним.

И через тысячу лет не смолкают баллады
Во славу героям, в насмешку врагам.
Но время приходит для новых деяний,
Благих, иль не очень, решать это нам.

Из далей вернулось цветение мира.
Грозы отгремели, их время прошло.
Пусть нас не печалят героев могилы,
Сегодня в их честь мы вкушаем вино.

Таверна, переполненная людьми, взорвалась аплодисментами. Вот, что значит люди, стосковавшиеся по искусству. Некоторые, живущие неподалеку, специально вышли из дома, чтобы поглазеть на живого музыканта. Мавротий снова откланялся.

— Спасибо, друзья! Желаю вам не терять и не теряться. Любите и будьте любимы, — Бард выгреб из футлярчика деньги, положил на их место лютню, спрыгнул со сцены и удалился вверх по лестнице в свои покои.

Народ стал расходиться, гулко обсуждая выступление, а Йорвину и Сиртаме подали обед: тарелку ухи из окуня, краюху еще теплого хлеба. На второе — омлет с беконом и приправами. От алкогольных напитков странники отказались. Вместо этого им принесли кувшинчик козьего молока. Сиртама ахнул. Они заказали СКРОМНЫЙ обед, а не обед для зажиточной крестьянской семьи. Но трактирщик его успокоил, пообещав, что возьмет за обед, ужин и постель всего три серебряных неция и девять медных цзанг.

После обеда настроение резко улучшилось, и стало расположено к досужему времяпрепровождению. Сиртама стосковался по книжечтению, и решил отправиться на поиски библиотеки или книжной лавки. Йорвин же обнаружил у себя назойливую, как рой

помойных мух, потребность сходить в баню.

Пожилой прохожий указал дорогу к двухэтажному деревянному зданию. Внутри пахло отваром банных трав, пихтой и пивом. Йорвин заплатил баннику за отдельную парильню (опять же из-за знака на руке), и уединился в ней. Ушаты с ароматной горячей водой без следа смыли с него не только дорожный пот, но и печали по поводу прошлого и треволения за будущее. Йорвин почувствовал прилив энергии. И эта энергия была совсем не похожа на энергию притока ярости. Это была позитивная энергия созидания. Воистину, баня обладает чудесной силой исцеления тела и духа. После бани тело стало гладким и приятным, а волосы — мягкими и шелковистыми. Эх, вот бы все недуги мира могли исцеляться также легко и приятно!

Вонь.

Внезапно в бане страшно завоняло. Воняло гниющей плотью, трупом, оставленным на мостовой под солнцем. Воняло так, что Йорвина затошнило. Он быстро оделся, причесался и вышел в коридор. Другие посетители тоже были обеспокоены неприятными запахами и выливали свое негодование на хозяина. Бедный банник, ему не позавидуешь.

Только было Йорвин подошел к двери как вся стена с оглушительным грохотом разлетелась на тысячи кусков разной величины. Йорвина вместе с двумя случайными людьми отбросило волной к противоположной стене. В образовавшейся дыре стояла фигура в черном рваном балахоне. Из под капюшона выглядывал череп страшной нелицы с острыми хищными зубами. На "лице" этого страшилища не было даже намека на плоть и кожу. Именно это существо источало эту жуткую вонь, от которой, казалось, нос вот — вот сморщится и провалится. Одного из посетителей острым осколком бревна проткнуло насквозь, еще одного засыпало более крупными обломками. Йорвину повезло больше. Он стряхнул деревянное крошево со своих ног, встал, и обнаружил в своем предплечье небольшой осколок, выдернул его, брызнула кровь. Голова "стенокрушителя" дернулась в сторону брызнувшей струйки, а затем снова обратилась на Йорвина. "А-а-а, так вот, что ему нужно, моя кровь. Хрен он ее получит!" — подумал Йорвин и пнул носком сапога мусор, засыпав кровь. "Рваному балахону" это не понравилось. Он поднял руку, вслед за его мановением длинный острый осколок поднялся и уставился острым концом в сторону Йорвина. Тот едва успел упасть на пол до того, как осколок, пролетев над ним, врезался в стену, разлетевшись на щепки.

Йорвин побежал. Оружия у него при себе не было. Он оставил его в таверне. Осталось только бежать. Йорвин взбежал на второй этаж и вломился в первую попавшуюся дверь. Это оказался женский зал. Визг поднялся такой! Йорвин ринулся к двери в противоположном конце зала. Сзади снова раздался грохот. Дверь в женский зал разделила судьбу двери на первом этаже. Визг усилился настолько, что мог бы полностью заглушить боевой оркестр митриумских "Полуденных звезд". "Ого!" — подумалось Йорвину, когда он на бегу разглядел несколько округлых форм. Дверь с треском вылетела, когда Йорвин врезался в нее плечом. Взлетев по лестнице, он оказался на крыше.

На крыше было два пути отхода: Налево, вдоль реки или прямо, вглубь города, улицу по правую руку было не перепрыгнуть. Йорвин решил бежать по крышам вдоль реки. Через улочку, даже такую маленькую, как здесь, ему вряд ли удалось бы перепрыгнуть, даже зацепившись руками за край кровли. А до здания слева было недалеко. Йорвин побежал осторожно, пригнувшись и касаясь руками кровли, чтобы не соскользнуть. Перепрыгнул на соседнее здание, и тут появился его преследователь, проделав еще одну солидную дыру в

потолке. Кажется, его совсем не беспокоила возможность свалиться, и он также невозмутимо гнался за своей жертвой, как и по ровной и устойчивой поверхности. А Йорвин уже прыгнул на следующее здание, ухватившись руками за край крыши. Подтянулся и закинул ногу наверх, выпрямился и улыбнулся своему преследователю. Йорвин показал "балахону" неприличный жест, поманил пальцем и рванул дальше. Спрыгнув на следующий дом, он чуть не проломил дощатый настил, но тот выдержал вес Йорвина, тем не менее, угрожающе скрипел и трещал, пока парень двигался по нему. Осталось последнее здание. Дальше городской массив заканчивался. Йорвин оглянулся, "рванный балахон" не только забрался на крышу того высокого здания, но уже спускался с нее. "Срань!" — вырвалось у Йорвина. Дальше бежать было некуда. Либо прыгать вниз, либо броситься с распростертыми объятьями навстречу смердящему страховидлу. Йорвин счел, что первая из зол — меньшая. "Балахон" вновь поднял руку, флюгер на краю со звоном оторвался от гнезда, в котором сидел. Флюгер имел форму змеи, пронзенной стрелой (наверняка принадлежал лавке алхимика), и острие этой самой стрелы направилось как раз в сторону Йорвина. Юноша разогнался и прыгнул в реку. Флюгер, запущенный колдуном пролетел в пол — локтя от Йорвина, лишь зацепив полу плаща.

Удар об воду оказался еще более жестким, чем ожидал Йорвин. Воздух вырвался из его легких, как будто его выбили колотушкой. Верх и низ смешались, а в ноздри ударило неприятное ощущение воды, попавшей не туда. Более того, на Йорвине была кольчуга, завещанная ему Торвальдом, которую он носил под рубахой как вторую кожу. И сейчас эта "вторая кожа" беспощадно тянула его на дно. Вода была холодной, а течение сильным. Отчаянные попытки Йорвина добраться до воздуха захлебнулись. Юноша пошел ко дну.

Кто — то сильно надавил на грудь, изо рта недоутопленника брызнула вода, а легкие взорвались кашлем. Йорвин оглядел спасителя. Рядом стоял на коленях Сиртама, мокрый с головы до пят.

— Сиртама... кхе-кхе-кха... как ты меня... кхе-кхе... — закашлялся Йорвин

— Люди зашумели, засуетились, я вышел посмотреть. Возле бани собралась толпа зевак, там что-то произошло. Я расспросил несколько человек, одна женщина рассказала мне о гонке по крышам, дескать, большой человек убегал от тощего колдуна в капюшоне прямо по крышам, а потом прыгнул в реку. Ну, я и побежал вдогонку. Надо сказать, повезло, что заметил твои ноги, торчащие из воды. Думаю, дальше ты сам все знаешь.

— Спасибо... кхе-кхе... опять, — Сиртама кивнул.

— Есть мысли, кто за тобой гнался?

— Нет, — помотал головой Йорвин. — Но сдается мне, этот — из той же коды, что разорила Холрен.

— Значит, все-таки их целью был ты. Мы должны немедленно отправляться дальше. В городе опасно, тебя ищут. Хотя теперь уже наверняка считают мертвым и мы не должны давать им возможности усомниться в этом. Город для нас закрыт.

— Но как же... кхе, как же наши вещи, оружие?

— Придется оставить. Тойшен я всегда ношу с собой, кинжал, я думаю, у тебя тоже всегда при себе. Прорвемся. Без еды тоже не останемся. Как только доберемся до леса, можно будет грибов да ягод поискать.

— Отцовский меч выкидываю, — опустил голову Йорвин — Прости меня, старик.

— Может быть, вернется к тебе твой меч. Земля круглая. Все равно, я думаю, он тебе больше не понадобится.

— Земля круглая? Ха-ха! В жизни такого бреда не слыхивал. Землю держат три титана, а те стоят на огромной ящерице, — Лицо монаха на мгновение сделалось кислым, но потом его глаза вновь засмеялись,

— А на чем стоит эта черепаха? — спросил он со странной миной на лице.

— Она стоит на... Я не... Да ни на чем она не стоит. Она летает в... межзвездном пространстве.

— А почему тогда не видно гор, за лесом, а?

— Туманы войны загораживают, — без раздумий ответил Йорвин. Сиртама Искренне рассмеялся.

Дорога в Оторофельд была малохожа и неторена, правда не настолько, чтобы затруднять путь. Видать, не было дел у жителей Каввана в лесу уже давно. Йорвин вылил воду из сапог, снял мокрый плащ и повесил на руку. Сиртама тоже снял кимано, и, глядя на его телосложение, Йорвин перестал удивляться, как он сумел выволочь его тушу из воды. Монах вовсе не был перегружен мышцами, скорее даже он был худ, но зато был поджарым и рельефным. Йорвин подумал, что монаху ничего не стоит зашвырнуть его обратно в реку. На счастье промокших путников еще летнее солнце грело достаточно хорошо, и до того, как зашло за горизонт, успело высушить одежду, что была на путниках, и даже немного просушить верхнюю одежду, которую пришлось снять. Когда же они добрались до границы леса, было уже совсем темно. Сиртама скомандовал привал, и решил войти в лес только после рассвета. «В этом лесу» — сказал он, — «Человеку нужно находиться, по возможности, как можно меньше. Это не его территория». Спать пришлось на голой земле. Сиртама, казалось, был подготовлен к чему угодно, но вот Йорвину пришлось несладко. Земля, несмотря на жаркий день, очень быстро остыла, а в спину впивались то камни, то корни. Поэтому он решил в эту ночь бдить первым. Монах не возражал. Йорвин разжег костер, разложил вокруг него мокрую одежду и принялся ее высушивать. Сиртама улегся спать.

Как только солнце поднялось, Сиртама затоптал костер. Йорвин собрался проверить вещи, но обнаружил, что собирать нечего, и вновь горько покачал головой. В желудке было пусто как в голове у портового рабочего, но есть было нечего. Сиртама выполнял в качестве зарядки отжимания на руках, смотря ногами вверх, в то время, как Йорвин оттачивал свой кинжал в перерывах между убийством невидимых врагов. Когда зарядка закончилась, Йорвин и Сиртама облачились в высохшие одежды. Йорвин умело высушил их, ничего не пропалив, только разве что одежды пропахли дымом. Не самый лучший расклад, если идешь в лес, где живут тысячи существ, готовых разорвать тебя и сожрать твои потроха.

Итак, путники вошли в Оторофельд. Их глаза не сразу привыкли к сумраку леса. Лес был действительно сумрачным. Недаром некоторые его так называют. Лес был преимущественно сосновым, но встречались и березы, и вязы, и ели. Хвоя местных сосен была настолько густой и обширной, что практически полностью перекрывала солнечный свет, погружая все, что находится под ней в густой полумрак. Все в этом полумраке казалось иссиня — черным, мрачным, одноцветным. Люди, отягощенные знаниями, особенно в среде чародеев и волшебников, распространяли мнение, будто на Оторофельде лежит тяжкое проклятье. Однако достоверных источников касательно этого вопроса не осталось, так как произошло это, по видимому, в настолько незапамятные времена, что и местные обитатели не скажут, когда именно.

Чем глубже путники углублялись в лес, тем душнее становилось. Воздух в лесу застыл, загустел и отяжелел. Йорвину это как-то не особо мешало, но вот Сиртаме, как ни странно, пришлось тяжелее. Он стал часто вздыхать, на лбу заблестели капли пота. Он даже сомкнул свой тойшен, и опирался на него как на трость. Казалось годы, от которых он убегал всю жизнь, в конце концов нагнали его, бросились ему на шею и придавили своим весом. Лес был нем. Или только прикидывался немым, глуша свои, и усиливая звуки, издаваемые незваными гостями. Каждый шорох и каждый вздох казались оглушительными. Мнилось, будто лес пристально наблюдает на ними, приглядывается и прислушивается. Все вокруг было вроде бы узнаваемым; деревья, растения, насекомые, но каким-то другим. Темнее, злее, более гнетущим, более отталкивающим. Лес был однообразен и темен, темен и однообразен. Тропа, ведущая через лес, вилась и вилась нескончаемо. Йорвин потерял счет времени. По его разумению они шли уже целый день, и ждал сгущения сумерек. Но на самом деле едва перевалило за полдень. Желудок Йорвина вновь затребовал насыщения, и Йорвин обратился к монаху;

— Сиртама давай сделаем привал. Мы уже почти сутки ничего не...

— Тс-с-с, я что-то слышу, — прервал его Сиртама. На лице монаха было написано напряжение и беспокойство. Что-то было не так. Внезапно Сиртама скомандовал:

— На дерево, живо! — Йорвин, привыкший слушать команды специалиста по выживанию беспрекословно, обшарил глазами близлежащую территорию. Его взор остановился на маленькой, по сравнению со своими сестрами, сосенке. Тем не менее, Йорвину потребовалось подпрыгнуть, чтобы дотянуться до нижних ветвей. Он обхватил ногами ствол, отпустил одну руку и ухватился за другую ветку, повыше. Сиртама же выбрал старую, уже начавшую усыхать, осину. Он карабкался по ней как кот, уверенными движениями перебираясь с ветки на ветку. Когда оба путешественника закрепились на своих позициях, Йорвин наконец слышал топот, который так напугал Сиртаму. Из кустов огромного папоротника на тропу выскочило существо, сильно недовольное тем, что его пытаются обвести вокруг пальца потенциальные жертвы. Зверь рычал, пуская слюни, и глядя на разместившихся на деревьях людей злыми и голодными глазами.

Йорвин сразу узнал зверя, чьей шкурой был услан пол у него дома. Вульфберга, жемчужину фауны Оторофельда можно было бы принять за обычного черного медведя с головой, гривой и лапами волка, а также метловидным волчьим хвостом. Этот медведь был

проворнее, свирепее своего косолапого брата, и что самое важное — отличался умом и сообразительностью, превосходящей способности некоторых людей. А потому был почти идеальным охотником. Единственным его недостатком было грузное тело, издававшее в лесной тиши слишком много шума.

Зверь снова зарычал, нахохлился, и повертев хвостом прыгнул, ухватился зубами за одну из нижних ветвей сосны. Та не выдержала его веса и они оба с хрустом и грохотом рухнули на землю. Побродив с минуту меж стволов, зверь собрался с силами и с разбегу врезался в сосенку Йорвина задней частью шеи, наклонив голову. Удар был настолько сильным, что все дерево содрогнулось, а с веток посыпалась хвоя. Зверь повторил прием, затем еще раз. Видимо, вульфберг таким образом пытался стряхнуть Йорвина с дерева. Но Йорвин не стал дожидаться, пока зверь стряхнет его себе в пасть, достал кинжал, и после очередного удара сам прыгнул на шею полумедведю. По его расчету после того, как хищник протаранит ствол, он некоторое время находится в состоянии легкого оглушения. И в этот момент он уязвим для внезапной атаки сверху. Расчет оказался верным. Вульфберг не ожидал такого от своего обеда, и кинжал Йорвина, с хрустом проткнув шкуру, застрял между шейными позвонками зверя. Йорвин потратил несколько секунд и приложил немалое физическое усилие, чтобы вытащить кинжал и ударить вульфберга еще и еще раз. Даже смертельно раненый хищник способен нанести врагу смертельный удар прежде, чем испустить дух, но придавленный весом Йорвина зверь бы настолько ошеломлен нападением, что умер прежде, чем сработал его животный рефлекс.

Маленький костерок горел слабо, и то и дело затухал. Казалось, древесина Оторофельда не желала гореть, да и сам огонь был очень тусклым и нежарким. Тем не менее, Йорвин и Сиртама сумели-таки не только поддержать огонь, но даже поджарить на нем мясо убитого зверя. Мясо вульфберга плохо жевалось, было не особо приятным на вкус, а жир хищника вообще источал такую мерзкую вонь, что будь Йорвин дома, у него на двое суток отпало бы желание есть что-либо. Но сейчас юноша был голоден до крайности, и мелкие недостатки пищи его мало волновали. Известно доподлинно, что голодному человеку (действительно очень голодному) сгодятся в пищу хоть гвозди, были бы зубы их разжевать.

Когда запас хвороста начал иссякать, Сиртама поднялся:

— Пойду еще веток насобираю, мой кусок не прожарился, а хворост кончается, — сказал он.

— А я пойду грибов да ягод поищу. Закусить. А то какое-то мясо жестковатое.

— Останься. Поддерживай огонь. Сходишь, когда я вернусь, — Йорвин пожал плечами и стал шепуршить угли дальше.

Сиртама отошел за хворостом достаточно недалеко от костра, и все время следил за ним, дабы не потерять из виду. В семи шагах от него кипел жизнью огромный муравейник размером с небольшую крестьянскую хижину, который населяли огромные, почти с ладонь, муравьи. Пока Сиртама собирал хворост, он перестал обращать внимания на муравьев, а вот они на Сиртаму — не перестали. Муравьи Оторофельда не только крупнее своих меньших братьев, но и стократ агрессивнее. Они фанатично защищают свою территорию и свою матку от любых потенциальных угроз, будь то заяц, лисица или вульфберг. Сиртама, пока собирал хворост, не заметил, как вторгся на их территорию. Несколько муравьев вскарабкались по его штанине, залезли под рубаху и... От неожиданности и боли Сиртама даже вскрикнул, но потом понял в чем дело, рассорил хворост и стал бежать прочь от муравейника, попутно отрывая муравьев, впившихся ему в кожу. Укусы обычных муравьев

очень неприятны, но у этих ребят жвала еще острее, а яд сильнее. Сиртама бежал и не смотрел под ноги, когда к нему, забыв о запрете, подбежал, обеспокоенный Йорвин. Сиртама споткнулся о корень и чуть не упал, задев сапогом круглую шипастую шляпку белого, с черными пятнами, гриба. Внезапно этот маленький грибок выпустил огромный клуб белого дыма, в котором утонул и Сиртама, и подбежавший к нему Йорвин. Когда дым рассеялся, они оба лежали без сознания.

Йорвин очнулся, лежа лицом на холодной земле, во рту был неприятный кислотно-землянистый привкус. Его руки были связаны за спиной. Узел был добротный, и веревка была не менее надежная. Даже крепкие руки кузнеца не смогли из нее освободиться. Единственное, что у него получилось — это перекинуть руки вперед, подобрав ноги. Попытки распутать Сиртаму тоже не увенчались успехом, слишком уж мудреный узел придумали их заточители. Они с Сиртамой находились в яме глубиной около двенадцати футов. Яму накрывала бревенчатая крышка, но не до конца, обеспечивая пленникам минимум света и максимум воздуха. Через зазор яму освещал красный свет факелов. Скорее всего, уже наступила ночь. Йорвин встал, размял затекшие ноги и шею. Сиртама тоже подал признаки жизни. Читая немой вопрос на лице Йорвина, он глубоко вздохнул и заговорил:

— Скверны наши дела. Угораздило попасть в плен к морферимам... По моей вине. Боюсь Йорвин, твое обучение закончится, даже не начавшись.

— Кто это тут помирать собрался, ты что ли? Рано тебе, да и мне пока не время.

— Восхищаюсь твоим оптимизмом, но боюсь, в нем нет смысла. Нам не сбежать. Даже если мы выберемся из этой ямы, нас моментально расстреляют лучники, которых вокруг больше ста пятидесяти на квадратную милю. Тем более, нас поместили наверняка где-то неподалеку от центра их полиса. Чтобы поутру их вожак лично отвел нас к плахе.

— Не имеет значения, я не собираюсь подышать здесь! — зарычал Йорвин. — Мы должны бежать.

— Оченно не советую, — что-то пропищало сверху. Оба резко подняли глаза. Через зазор на них бирюзовыми глазами смотрел силуэт маленького существа с лисьими ушками и пушистым хвостиком. Маленький морферим разглядывал людей с выражением крайнего и до зуда в пятках искреннего любопытства. И говорило это существо на отчетливом всеобщем, хоть и с тяжелым акцентом. — Вы человеки, так?

— Люди, — прогудел Йорвин.

— Ай, да. Я забыла. Когда вас много — вы люди, а когда по одному — человеки. Хи-хи, впервые вижу людей. А какие вы лысые-е-е! И хвостов совсем нет. Папа говорит, вы вкусные.

— Эй, эй, малявочка, а кто твой папа? Это он нас сюда упрятал?

— Мой папа — као, отец всему клану, но папой его называю только я и Юрки, а для мамы он — муж, — «Какой уж там муж,» — подумал Йорвин, — И зовут его Оярви. А мою маму зовут Йоухки. Мы с папой, мамой и Юрки живем в самом большом доме в городе. А город наш называется Яаскелайнен. И он большой — в три дневных обхода. Есть еще город Вахванен, он принадлежит сынам Черного Волка. А мы, — Хвостатая девочка гордо выпятила грудь. — Сыны и дочери Серого Лиса.

— Очень рад за вас, — сказал всегда учтивый Сиртама. — Но нам бы хотелось узнать, за какие преступления нас сюда поместили, и что с нами собираются сделать в скором времени?

— Ой, я не знаю. Убьют, наверное. Просто потому, что вы челове... люди. Хотя лично я

в вас ничегошеньки плохого не вижу. С вами очень приятно поболтать. Даже приятнее, чем с некоторыми морфериам. Вы ведь правда ничего злого не замышляете?

— Ничего, мы лишь мимо идем. Наша цель — северная окраина вашего леса. У нас и в мыслях не было чинить беспокойство твоему народу и твоему папе. Можешь так ему и передать. Меня зовут Сиртама, а это — Йорвин.

— Мой папа не знает, что я сейчас здесь. А если узнает... то накажет. Если он будет с вами говорить, скажите ему, что я не приходила, ладно? А я замолвлю за вас словечко. Ладненько?

— Угу, — дружно кивнули люди, не вдаваясь в подробности.

— Ну, все, мне надо бежать домой, а то мама хватится.

— Постой, прекрасное лесное дитя, как твое имя? — спросил Сиртама

— Зуали, — услышали Йорвин с Сиртамой.

— Дочь, ну как ты можешь быть такой неразумной и безответственной, тебе же уже двенадцать! — воскликнул предводитель клана Серого Лиса, као Оярви. Это был морферим почтенного для людей возраста, шестидесяти трех лет, однако по меркам морферимов — это очень даже средний возраст. Оярви был очень умным и мудрым правителем, возможно даже лучше своего деда. Отец Оярви, Сами был, мягко говоря, не для правления рожденным, и вместо того, чтобы заниматься управлением, проводил сутки напролет на обсерваторной башне, разглядывая дневное и ночное небо, и делая какие — то заметки угольком на бересте. Он, несомненно, сделал огромный вклад в развитие астрологической и метеорологической науки морферимов, но из населения Яаскелайнена его почти никто не видел. Все свои государственные дела он доверил своему другу детства, Паси. Оярви унаследовал место отца после его смерти в восемьдесят семь лет, когда тот не вернулся на ночь с башни домой в ту ночь, когда над Оторофельдом шел сильный дождь и несся холодный ветер. Пожилой, но не старый као Сами подхватил пневмонию и скончался. Оярви унаследовал его должность в двадцать восемь лет, но почти сразу зарекомендовал себя как мудрого и надежного правителя, несмотря на юные лета. Сейчас же, дозревший до седин, као Оярви являл собой образец благочестия и целомудрия для правящего класса, хотя многие из жителей Яаскелайнена отмечали, что их као сильно себе на уме.

Он с укором смотрел на свою дочку, Зуали, а та стояла, опутив мордашку и, молча, ждала продолжения грозы. Она ни слова не сказала отцу о визите к пленникам, он сам догадался. Оярви безошибочно мог определить, когда его пытаются надуть, обсчитать или скрыть проступок, а уж обличить родную дочь для него ничего не стоило. Он считывал неуверенность, страх, опаску и сомнения в глазах, в движениях век, рук, лап, хвостов, улавливал мельчайшую дрожь в голосе. Оставалось только понять, какой проступок совершило то или иное лицо.

Повторяю, чем ты думала? Головой, — тихо ответила Зуали. У тебя из этого места хвостик растет. Но разве связанные и посаженные в яму человеки могут быть опасными? Даже связанная рысь кусается, дочка. Ну ладно, так и быть, я перестану сердиться, если ты скажешь что-нибудь хорошее в свое оправдание. О чем вы там говорили? — Зуали с надеждой подняла глаза. Ну, ничего плохого они не говорили, — сказала она. — Глупые только они очень, сбегать собирались. Они сказали, что направляются к северной окраине леса. А вот зачем — не сказали, — Оярви провел мохнатой рукой по сидящей черной гриве, и в задумчивости отвернулся. — Пап, они вовсе не такие, как о них вы с мамой нам

рассказывали. У них растет на голове шерсть, как у нас. У них по два глаза, как у нас, и щоп... щупальцев на подбородках нет. Морды приплюснутые — это да. Что же делать, что же с ними делать? — Тихо бормотал вождь, повернувшись лицом к углу комнаты. Его одолевали сомнения. Он очень не хотел расстраивать любимую дочь, но с другой стороны, нельзя же распахивать объятия чужакам, особенно людям на фоне событий их последенего появления в Оторофельде. — Ах, знаю. Через два дня состоится ежегодная церемония посвящения юношей в воины. Надеюсь, никто не будет против, если в этом году мы немного отойдем от традиционных рамок обычая, и позволим им драться не друг против друга, а с чужаками. Ты хочешь, чтобы неотесанные дуболомы порвали их на куски? Нет, я не согласна. Они хорошие, — Глаза Зуали заблестели, отец повернулся к ней, опустил на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне и тихо сказал: Не понимаю, Зу, что движет тобой, любопытство или доброта, но я готов пойти тебе навстречу. Турнир пройдет без кровопролитий. А по окончании турнира я отпущу их на все четыре стороны. Но помни, если у этого поступка будут плохие последствия — огромные беды обрушатся на нашу семью. Ты точно готова за них поручиться? Без раздумий и всем сердцем! — выпалила Зуали.

Йорвин и Сиртама сидели в канаве и ждали, когда же их прикончат. Прошел длинный как жизнь эльфа день, сумеречный и темный, как обычно в этих местах. Затем наступила не менее длинная ночь, настолько темная, что даже огонь факелов был не в силах разогнать такой густой мрак. Затем цикл повторился, и пленники поняли, что так просто не отделаются. На рассвете третьего дня крышка их темницы отодвинулась и пленникам был сброшен канат и заостренный камень. Они разрезали путы и выбрались наружу. Вокруг них собрались морферимы — двулапые гуманоиды, наполовину — люди, наполовину — лисы. Нижняя часть их тела принадлежала целиком семейству псовых — прыгучие когтистые лапы и пушистые хвосты позволяли морферимам бегать быстрее ветра на четвереньках, а также лисьи морды, с развитыми обонятельными рецепторами делали их идеальными охотниками. Торс морферима имел человеческое строение. Тела мужчин — морферимов украшала крепкая мускулатура, а женщины морферимов были стройны и изящны. На пятипалых ладонях, как и на всей поверхности тела, росла гладкая шерсть, а на пальцах росли длинные и черные ногти. Головы всех морферимов украшали пышные и длинные шевелюры, которые были того же цвета, что и расцветка шерсти на всем теле. Умные глаза смотрели прямо и уверенно. Рост морферимов был средним — от пяти до шести футов. Исключения были редки.

Один из морферимов подошел к Йорвину. В руках у него было копьё с острием из отточенного камня, а за спиной висел длинный лук и колчан, полный стрел. Точно так же были вооружены и остальные члены отряда.

— Заточку, — Произнес морферим бархатным, чуть подсиповатым голосом и вытянул вперед руку, раскрыв ладонь. Йорвин, чуть помедлив, без особого желания отдал камень.

— За мной, — также спокойно и бесстрастно сказал солдат, развернулся и зашагал куда — то. Йорвину и Сиртаме ничего не оставалось, кроме как проследовать за ним.

Они, безусловно, находились в глубине огромного поселения морферимов. По обе стороны от дороги стояли дома. Дома были простого с виду строения — бревенчатые каркасы обтянутые несколькими слоями кожи. Дома строились не только на земле, но и на деревьях. Деревья, находящиеся в городской черте были особенно высокими и толстыми, и не было ни одного дерева, которое не размещало на себе хотя бы один дом. Между домами

была организована целая сеть подвесных коммуникаций, состоящих из канатов и канатных мостов, которые все время активно использовались. Из окон, построенных на верхотуре домов, а также с подвесных мостов на людей смотрели как на диковинку местные зеваки. Улица, по которой шагал конвой, была прямой и широкой. В нее впадали как притоки более узкие улочки. Вдоль дороги были расставлены ночные факела, а также с крыши на крышу над улицей на специальной веревке были развешаны фонари, которые зажигались по ночам.

Наконец, дорога кончилась, и конвой оказался на центральной площади. Посреди площади стоял огромный дом, трехэтажный, более основательный и крепкий, чем остальные. Дом этот, несомненно, принадлежал вождю и его семье. На пороге стоял ни кто иной — сам вождь. Он был осанистым, крепко сложенным морферимом шести футов ростом, с глубокими и ясными глазами, серыми, как зимнее небо перед закатом. Цвет шерсти был темным, но не черным. Густая длинная грива с заметной проседью была перехвачена сзади лентой. Одет он был как воин, в кожаную броню. На спине у него была накидка из медвежьей шкуры, с наплечниками из лап зверя. Этот атрибут не был декоративным элементом одежды, он подчеркивал главенствующее положение вождя среди своего народа. Конвой остановился на расстоянии восьми шагов от ступеней, на которых стоял верховный морферим и сделал два шага в разные стороны, взяв пленников в полукруг. Вождь сошел на землю и подошел к Йорвину почти вплотную. Глубоким взглядом темных глаз снизу вверх вождь окинул Йорвина, задержавшись лишь на его голубых глазах. Затем он подошел к Сиртаме и их глаза встретились почти на одном уровне.

— Так, значит, вы направляетесь на север? — осведомился вождь.

— Это ты у нас по глазам прочел? — изумился Йорвин.

— Нет. Мне это дочь рассказала. Но по глазам я могу определить правдивость ее слов.

— Ну и как, прошли мы твою проверку?

— Если бы ответы на все вопросы отражались в глазах... — вождь повернулся спиной и солдат слева от Йорвина крепче сжал древко копья. — И все-таки мне крайне любопытно, что понадобилось двум людям на северной окраине Оторофельда? Ответьте, если не секрет.

— Я боюсь, это секрет, — сказал Сиртама. Вождь снова вцепился в него взглядом, будто усомнившись в том, что увидел там ранее.

— То, что вы отказываете мне в ответе на прямой вопрос, говорит не в вашу пользу. Боюсь, в таком случае я не смогу просто взять и отпустить вас. Тем не менее, я соглашусь пойти вам навстречу при одном условии...

— Назови же его! — нетерпеливо заворчал, прервав напряженную паузу, Йорвин,

— Я возьму с вас одну услугу, так сказать... таксу по страховке... вашей свободы. Кажется, так у вас говорят. Вы примете участие в нашем ежегодном турнире посвящения мальчиков в мужи. В турнире участвуют оба клана морфериамо. Турнир командный, его цель — вывести противников из строя. Та команда, которая будет стоять на ногах, когда их противники будут не в состоянии продолжать бой, побеждает. И я хочу, чтобы в этом году юноши дрались не друг против друга, а против вас, чужаков. Короче говоря, проявите себя на арене, и я обещаю вам свободу. Договорились? — Йорвин с Сиртамой переглянулись.

— Это был... риторический вопрос? — поднял брови Йорвин.

— Какой вопрос? — не понял вождь.

Города Яаскелайнен и Вахванен располагались на расстоянии примерно около мили друг от друга, а между ними стояла арена для ежегодных турниров. Зона боя была ограждена

коляями, толстыми, но отлично отточенными. Арена была огромная и предполагала вместить в себя более пяти тысяч зрителей. Трибуны были разделены так, чтобы кланы располагались друг напротив друга. Например, морферим клана Сынов Лиса не допускался на территорию Сынов Волка и наоборот. Такая жесткая сортировка обусловлена предотвращением возможности межклановых связей во имя поддержания чистоты крови. У морферимов этот закон был на уровне святых. И если солдаты замечали уединенную разнополую пару из разных кланов — расстреливали без предупреждения.

Трибуны были заполнены, и гвалт стоял невообразимый. Йорвина и Сиртаму вывели на арену первыми. Напротив ворот, из которых они вышли, на трибуне располагалась двойная аркада с переборкой. На правой стороне расположился вождь Ояярви со своей семьей. Сам Ояярви сидел на самом большом кресле, устланном шкурой лесного барса. Барс Оторофельда, как впрочем, и все остальные животные этого леса, страдал гипертрофированной акселерацией организма и был почти вдвое больше своего брата из других краев. Его рыжая жена Йоухки сидела по правую руку от него, а по левую сидели дети — уже знакомая беленькая Зуали и ее брат, Юрки, темношерстный, как его отец. На левой стороне аркады на таком же кресле восседал вождь Сынов Черного Волка, дао Вальттери. Семьи при нем не было. Вальттери был само воплощение свирепости. Огромный, восьми футов ростом полуволок — получеловек, был настолько перегружен мышцами, что его голова казалась просто крошечной. На этой крошечной голове размещались два маленьких свирепых черных глаза. На левом глазу у него был шрам от брови до угла рта, оставленный чьей — то когтистой пятерней, скорее всего в драке с такими же морферимами. Длинная черная грива его была собрана в толстую косу. Вальттери сидел молча, подперши морду локтем. Ояярви поднялся с кресла, поднял руку, требуя тишины, и заговорил:

— Братья! Сестры! Родичи! Сегодня день воистину особый. Четверо наших сильнейших парней сразятся за право стать воинами. Но я не просто так сказал, что день особый. В этом зимовье драться они будут не между собой, как принято, а с этими чужеземцами, дерзнувшими вторгнуться на нашу землю. Да простит меня Праматерь за это попущение, но я расцениваю это как знак. Знак грядущих перемен. Но чтобы перемены были к лучшему, нельзя забывать об уроках прошлого. Так давайте в этом зимовье вспомним бой три тысячи восьмого и устроим небольшую его инсценировку. Да начнется битва за родину! — Рев и вопли с трибун вновь разразились подобно урагану, так, что с сосен посыпалась хвоя. — Итак, дети мои. Начнем же турнир!

Дао Вальттери, не двигаясь с места, скупно кивнул, давая свое согласие на начало турнира. Решетка под вождями поднялась, из нее вышли двое морферимов из клана Серого Лиса. Один из них был бурого цвета шерсти, другой — медно рыжего. Морды у морферимов на людской глаз были почти одинаковые. Впрочем, на людской глаз все морферимы были одинаковые. Друг друга же они различали так же как люди, а цвет шерсти имел для них не больше веса, чем цвет волос у людей.

Морферимы взяли с козел боевые шести, и приняв боевую стойку, медленно двинулись навстречу противникам. Йорвин с Сиртамой сделали то же самое. Без предисловий рыжий напал на Сиртаму. Удар был молниеносен, но тем не менее, Сиртама без труда его парировал. Далее на монаха с бешеной скоростью посыпался град ударов, но ни один не достиг цели. Йорвину тоже было некогда наблюдать за их поединком. Его противник нанес ему быстрый удар в плечо, на который Йорвин просто не успел среагировать. Этот удар был такой сильный, что Йорвина аж отшвырнуло на два шага. Он попытался ответить ударом на

удар, но его шест лишь со свистом рассек воздух, в то время, как на его спину обрушился ураган. В бешенстве Йорвин нанес удар в пируэте, но его противник, легко парировав его, разорвал дистанцию. Ничего вокруг себя не видя от боли и бешенства, Йорвин стал размахивать шестом как деревянным мечом, разя воздух размашистыми и сокрушительными махами. Вдруг, оглушительный треск возвратил его из состояния боевого исступления. Его противник, поняв, что от очередной атаки не сможет уклониться, понадеялся парировать последний удар, но он оказался настолько силен, что шест морферима ударил его же чуть повыше глаз. Оружие в руках обоих противников разломилось надвое. У Йорвина шест разломился от невероятно сильного удара, а у бурого лиса — от столкновения с его головой. Морферим упал на песок арены, раскрыв пасть и выкатив язык. Со лба на землю с рассеченного лба закапала кровь. Сиртама пока не получил ни одного удара от рыжего противника, зато сам нанес порядочно. Хоть морферимов обучали скрывать свою боль от врагов, было заметно, что рыжий едва держится на лапах. Утратив концентрацию, он пропустил добивающий удар ноги в грудь, и повалился рядом со своим собратом. Победители, наконец, смогли выпрямиться и отдышаться. Но это был еще не конец. Оярви поднялся с кресла, и гвалт мгновенно смолк.

— Чужаки показали себя умелыми воинами. Что ж, тем почетнее будет одержать над ними верх. Проигран бой, но не война.

Вождь сел, а из-под решетки вышел серебристый морферим — лис и черный морферим из клана Черного волка. Все сыны и дочери этого клана имели неизменно темный цвет шерсти. Человеческий глаз был способен различить их лишь по росту и специфическим прическам, кои морферимы делали с восхищающим мастерством.

Серебристый взял с козел свой шест, и с хриплым ревом кинулся на Сиртаму. Но за мгновение до того, как поразить монаха, что — то выбило из его рук оружие, а он сам рухнул мордой в песок. Поднявшись, он увидел, что человек, как ни в чем не бывало, стоит в двух шагах от него и держит в руках оба шеста — свой и его.

Полуволк увидел, что у его противника оружие сломано, и предпочел сойтись с ним в рукопашной. Они поравнялись и посмотрели друг другу в глаза. Они с Йорвином были почти одинакового роста. Вдруг, морферим схватил Йорвина за грудки, поднял над головой, используя свою невероятную силу, и швырнул Йорвина на песок как связку хвороста. Поднявшись на четвереньки, Йорвин бросился ему под ноги, с невероятным усилием оторвал его лапы от земли и опрокинул на спину. Юноша, уразумев, что его оппонент гораздо сильнее его, не теряя ни секунды, пока противник очухается, набросился на него и начал изо всей силы бить морферима по глазам, ушам и носу. Не успел он нанести и трех ударов, как был отброшен прочь. На этот раз хвостатый громила пошел в атаку. Правило «не бей лежачего» определенно здесь не работало. Морферим вознамерился одним ударом локтя переломать Йорвину все ребра, но он оказался проворнее, в последний момент перекатившись в сторону. Каким-то чудом в его руку лег обломок шеста, и Йорвин, недолго думая, обрушил его на голову противнику. Обломок от силы удара разлетелся в щепки, а морферим, дико завыв, откатился прочь, держась за правый глаз. Похоже, острая щепка шеста в глазу причиняла ему сильную боль. Пока хвостатый здоровяк протирает глаз, Йорвин поднялся и, зайдя морфериму за спину, что было силы сдавил в сгибе локтя его толстую шею, стремясь пережать место, где у людей находится сонная артерия. У морферимов она находилась там же. Полуволк сначала оказывал яростное сопротивление, пытался добраться до Йорвина и вырваться, но тот держал крепко. Руки морферима бились в тщетных попытках

снять голову Йорвину с плеч, и даже сильно расцарапали ему бровь, оставив две глубокие царапины. Наконец, мохнатый великан начал мякнуть, в движениях стала проступать кисельность, и, в конце концов, его руки безвольно опустились как плети. Чтобы окончательно «вырубить» его, Йорвин с размаху опустил свой кувалдоподобный кулак ему на череп.

Серебристый цвет шерсти морферима, смешавшись с пылью арены, стал грязно — серым. Всколоченная грива постоянно лезла в глаза и загораживала обзор. Сиртама же стоял твердо. Взгляд его был неизменно прям и спокоен, и лишь едва заметная капелька пота скользила по его виску. Соперники снова обменялись ударами. Удар — блок. Удар — блок. Удар — хруст! Удар, пришедшийся на пальцы морферима, сжимавшие шест негромко хрустнули, но оба бойца это почувствовали. Морферим выронил шест и дико завыл, схватившись за кисть. Два пальца, указательный и средний были сломаны и смотрели в разные стороны.

— Ар-г-р-р, я убью тебя, человеке! — заревел он, и изрыгнул какое — то древнее проклятие морферимов как плевков.

— Все кончено — сдавайся, я не хочу тебя больше калечить, — ответил Сиртама.

— Оставь свою милость малолетним ворюгам из ваших помойных городов! — зашипел морферим и поднял здоровой рукой свой шест. Он попытался поразить Сиртаму одной рукой, но удары его были медлительны и Сиртама легко уклонялся от них. Его же удары были стремительны подобно молнии и сильны как удар тарана. Одним ударом снизу по челюсти Сиртама покончил с морферимом.

Но вождь не унимался. Он определенно хотел их видеть побежденными. Вновь решетка под ним поднялась, выпуская всех оставшихся бойцов. На этот раз на арену против Сиртамы и Йорвина вышли аж трое противников. Причем, двое из них были бугаи из волчьего клана. Двое братьев, судя по похожим прическам, переглянулись, и один из них указал пальцем на Йорвина, и, ткнув своему родичу из лисьего клана на Сиртаму, уверенной походкой зашагали к Йорвину. Морферим — лис бросился на Сиртаму и стал оттеснять его к шипастой ограде, в то время как здоровяки из клана Волка прогрессивно урабатывали Йорвина. Против двух таких противников Йорвину было не выстоять. Их меньший брат из клана Лиса не давал Сиртаме прийти ему на помощь, не нападая, но ожесточенно отбиваясь ото всех попыток миновать его. В их совместных действиях невооруженным глазом прослеживалась тактика. Очень скоро Йорвин лежал на песке без чувств, а Сиртама был вынужден сражаться с тремя противниками, просто подавлявшими его напором, числом и свежими силами. Но каким бы ни был Сиртама хорошим бойцом, он очень скоро был свален на песок, избитый, как и Йорвин.

Бой был окончен для Йорвина с Сиртамой. Победоносное трио покинуло арену. Один из морферимов держался за выбитый клык. С поля боя уносили побитых и покалеченных, чтобы выпустить свежих бойцов для нового поединка. Йорвин довольно быстро пришел в себя и попытался подняться, правда получилось у него не сразу. Все — таки у народа Черного Волка была очень тяжелая рука. Но со второй попытки он — таки сумел подняться и выпрямиться. Вождь клана Серого Лиса поднялся, чтобы произнести финальную речь:

— Братья! Сестры! Родичи! Могучие противники были повержены. Восславим же наших новых воинов! В их честь сегодня вечером мы устроим пир. Пока же продолжим наш турнир. А что касается вас, люди, вы свободны и можете покинуть наши земли, когда вам заблагорассудится, — Йорвин, держась рукой за сломанные ребра, кивнул в знак

благодарности, повернулся, чтобы уйти, но сделал два шага, упал ничком без сознания.

— Что? — взревел Вальттери, который до этого момента сохранял молчание, и вообще производил впечатление немого, — Отпустить этих... Этих? — от возмущения вождь аж подскочил, — Оярви, ты спятил?

— Я собираюсь сделать лишь то, что должно. Я не нахожу в них ни вины, ни угрозы, тем более они только что нам услужили. Те бойцы, которых сегодня унесли на носилках, станут только сильнее к следующему зимовью. Поэтому они нам не враги.

— Не враги? Тебе самому не смешно от того, что ты несешь? Люди расползаются по земле как чума, вырубают леса, иссушают реки, вторгаются на земли наших отцов и дедов. По-твоему на это способны друзья?

— А я и не говорил, что они — друзья! — Оярви тоже начал повышать голос. — Но я не допущу, чтобы за грехи целого народа расплачивались безвинные его представители.

— Безвинные? Ты смеешься? Они у тебя на глазах вмяли в землю четверых наших. Двое из них покалечены. По-твоему они безвинны, раз способны на такое? Ох, нет. Дай только им возможность, они позовут свою братию и камня на камне здесь не оставят. В отличие от тебя, я имел дело с людьми, и они умеют мстить за обиды не хуже нас с вами, а ты только что заставил их плясать под свою дудку на посмешище толпе. Я бы этого не забыл, и сомневаюсь, что они забудут. Поэтому я прикажу от них избавиться. Их лица я натяну на камень и повешу у себя дома, а их мясо скормлю беднякам.

— Только через мой искалеченный труп, — сквозь зубы прошипел као и кулаки его сжались.

— Ну что ж, будь по — твоему, — на морде дао Вальттери появилось некое подобие ухмылки. Кажется, вождь Черных ждал именно такого расклада. Он снял с себя все регалии и спрыгнул на арену, — Уладим это, как велит наш обычай. Никакого оружия и выживает только один.

Као тоже снял с себя накидку, манжеты и затянул потуже кушак.

— Оярви, что ты делаешь? — воскликнула его жена, Йоухки. — Он же убьет тебя! Ты не должен приносить себя в жертву, ради каких-то людей. У тебя семья, у тебя дети, ты не можешь вот так просто лишиться их отца. Умоляю тебя, одумайся, одумайся, пока не поздно. Зазря себя погубишь!

— Значит, такова судьба, — тихо произнес Оярви, после чего обнял жену и детей и спустился на арену к Вальттери.

Вальттери был в полтора раза выше его и вдвое шире. И, разумеется, был намного сильнее Оярви физически. Зато тот был быстрее и проворнее грузного полуволка, на что, собственно, и рассчитывал. Первым делом, Оярви бросился с разбегу в ноги Вальттери, стараясь сбить его наземь, но дао прямо на лету поймал его и что было силы, швырнул через себя. Немало ошарашенный Оярви не заметил, как Вальттери подошел сзади, схватил его за хвост и лапу, и швырнул на трибуну для вождей, где они только что сидели. Проломив собой ограждение, као чуть не застрял в нем, но свалился на землю, оставив после себя приличную пробоину. Жена и дети не могли смотреть на это. Они сидели, закрыв глаза ладонями и дрожа от страха. Могучий дао подошел к лежащему као, схватил и поднял его над головой, а затем что было силы обрушил на колени. Все собравшиеся думали, что после такого уже не встать, но проходит десяток ударов сердца, а затем еще один, и ухмылка с морды Вальттери, который уже думал, что с Оярви покончено, начала сползать.

Вождь клана Серого Лиса отличался кошачьей живучестью, несмотря на то, что его

предки принадлежали семейству псовых. И в тот момент, когда Вальттери, уже праздную победу, собрался его прикончить, као Оярви быстро поднялся. Он все время был в сознании, и копил силы для дальнейшего боя. Но нельзя сказать, что это далось ему легко. Поврежденная спина сильно болела и као заметно хромал. Вальттери начал приходить в бешенство. Этот спектакль с танцами начал ему сильно надоедать. Он решил одним махом покончить с Оярви. Быстро, красиво и кроваво.

Вальтерри побежал навстречу Оярви, намереваясь насадить его на колья на глазах у его семьи и обоих племен. Он уже представлял себе окровавленный кол, торчащий у као из груди, но в последний миг, когда от Оярви его отделяло два шага, Оярви с силой оттолкнувшись от земли, бросился под ноги дао, и тот, споткнувшись, налетел прямо на кол, на который собирался насадить соперника. Пронзенный Вальттери зарычал, но рык очень скоро превратился в булькающий хрип, а затем стих. Дао Вальттери, бывший вождь клана Сынов Черного Волка, обвис на колу.

С трибун Сынов Лиса обрушились овации. Их вождь только что доказал, что он воистину первый в клане. Йоухки лила слезы счастья, а дети с визгом восторга прыгали по всей трибуне. Сторона Сынов Волка хранила угрюмое молчание. Хоть Вальттери и не был хорошим предводителем, но он как — никак он был вождем. Теперь, до избрания нового в племени будет твориться анархия безвластия, а вождя найдут нескоро. У Вальттери не было семьи. Он всю свою жизнь посвятил воинскому искусству. Но как воин ли он умер — спорный вопрос.

Йорвин лежал на койке из черного дуба на соломенном матрасе в лечилище Яаскелайнена. Когда Он очнулся, его перекладывали с телеги на койку трое морферимок — лекарок. Койка была ему мала, но жаловаться он не стал. Сиртама очнулся чуть позднее, и поняв, что бой закончился, и что их отпустят, как только они встанут на ноги, улегся спать дальше. Сиртама лежал на такой же койке справа от Йорвина и тихонько посапывал. Наступила ночь, но Йорвин не спал. Он смотрел в потолок и думал, сколько еще людей видели этот чудо — город? Пожалуй, таких «счастливец» можно пересчитать по пальцам... одной руки.

В палате они были одни. Морферимы, с которыми они бились утром, лежали в соседней палате, откуда доносился негромкий гомон. Вдруг, дверь в палату открылась, и вошел као Оярви. Он шел, прихрамывая, держа в правой руке трость, а левая была на перевязи. Еще перевязана была травмированная спина, оттого он и хромал. Йорвин резко повернул голову в его сторону. Светильник осветил его лицо. Под левым глазом виднелся синяк, на подбородке ссадина, на лбу две глубокие рваные раны. У Йорвина также было перевязано вывихнутое предплечье.

Као подошел к Йорвину и присел на соседнюю койку.

— Ого, вождь, что с тобой, с вульффергом подрался? — спросил Йорвин

— Не совсем с вульффергом, но около того. Вы с твоим другом пропустили большое веселье. Мы с дао Вальттери поспорили о том, что делать с вашими головами. Он хотел их отрубить, а я настоял, что вы их унесете на своих плечах. К сожалению, спор урегулировать мирно не удалось.

— И ты надрал ему хвост? — Оярви кивнул. — Ого! Да ты крут, в нем же два тебя! Не расскажешь, в чем твой секрет?

— Ну, у нас есть поговорка, чем больше сук, тем громче падает.

- Хорошая поговорка, — засмеялся Йорвин. — Надо будет запомнить, — Оярви тоже улыбнулся углом рта. — Видать, теперь мы твои должники, вождь...
- Меня зовут Оярви. Као Оярви. Као — титул верховного морфериамо в клане Сынов Серого Лиса, — Лицо Йорвина аж суксило от такого имени.
- Ояй..? Ну и имена же у вас, однако. А меня зовут Йорв...
- Йорвин и Сиртама. Да, я знаю. Зуали мне сказала. Мне ваши имена кажутся не менее странными, — Оба рассмеялись. — А по поводу долгов... Сочтемся, быть может. Не на этом свете, так на том.
- Да, и еще кое-что, вождь... Као...
- Ну?
- Не дадите нам немного еды в дорогу?
- Дадим. Когда вы уйдете?
- Завтра утром.
- Что ж, договорились, пойду, распоряжусь.
- Йорвин протянул вождю ладонь, надеясь, что он ее пожмет, но као, не знакомый с обычаем людей, лишь посмотрел на нее непонимающим взглядом.
- У людей принято, когда они о чем-то договариваются, мирятся, или просто здороваются, жать друг другу руки. Вроде выражения... уважения и благосклонности, — Оярви подумал, почесал затылок и сжал правую руку Йорвина так, что даже его крепкие пальцы захрустели. Йорвин отметил про себя, что у као были нечеловечески сильные ладони. Впрочем, ничего удивительного.
- М-да, — протянул Оярви, — как у нас говорят, растешь, пока не повзрослеешь, а учишься, пока не умрешь.
- Золотые слова... Ой! — схватился Йорвин за ушибленные ребра. — Доброй ночи, вождь.
- Взаимно, — ответил он, взял свою трость, и хромя, вышел из палаты.

На следующее утро Йорвин проснулся посвежевшим. Ушибы и синяки почти не беспокоили. Даже сломанные ребра не слишком досаждали. Вывихнутая рука в состоянии покоя никак не давала о себе знать. Правда, ничего тяжелого он ей поднять все равно не мог. Сиртама тоже встал, как ни в чем не бывало. Выходит, черный дуб очень полезен при травмах, да и не только.

Као Ояярви сдержал слово. На выходе из города их встретил посыльный, который вернул им их небогатый скарб, и дал немного припасов: Морковь, орехи, сушеные грибы, немного кроличьей солонины и вяленого леща, а еще большой мех с водой. Путешественники были вполне довольны, и, передав вождю последний привет, вышли за городскую стену в указанном солдатом направлении северо-востока.

Пока Йорвин с Сиртамой, не отыскали тропу, на которой у них случился инцидент, прошел не один час, но они таки нашли ее, и далее Сиртама вновь вступил в роль проводника. Тропа вела все на север, и вскоре, лес стал редеть, пока не уперся в подножие гор Серой гряды. Сквозь дыры в кронах наконец-то стало виднеться небо. Тропа вела в гору и скрывалась в небольшом ущельице. В этом ущельице, которое вначале казалось настолько узким, что не пропустит и двух лошадей, идущих рядом, но в глубине становилось все шире, по склонам стекали горные ручьи и не смолкал водяной гул. Выйдя из ущелья, тропа стала виться змеей, огибая горы, поднимаясь и опускаясь.

Йорвин впервые видел горы. И впредь решил для себя, что никакие горы более не назовет высокими. Горы Серой Гряды уходили в такие заоблачные выси, что, казалось, их снежные вершины упрутся прямо в небо.

Медленно, но верно, Солнце опустилось за горизонт, и путники были вынуждены сделать остановку. После ночей в Оторофельде ночи под открытым небом стали для них похожи на грозовой полдень, но, несмотря на это Йорвин лег спать, а Сиртама остался на карауле. После они сменились. Сиртама встал, как только луч восходящего Солнца опустился на верхушку ели, под которой они устроились. Путешественники перекусили орехами, сушеной рыбой, попили воды и продолжили путь.

Сиртама сказал, что ужинать они будут сегодня в обществе его учеников и братьев по вере. И он не обманул. Обогнув очередную гору, Йорвин увидел цель его назначения. Святая святых монахов и его приют на ближайшие десятилетия.

Тропа кончалась у самой горы, начиналась выложенная из булыжника дорога, по которой могла бы проехать небольшая конница. Эта дорога вилась спиралью вокруг горы и кончалась у порогов замка, что Сиртама именовал как свой священный дом и храм. Этот замок был выдолблен из самой горы в настолько незапамятные времена, что единицы из ныне живущих бессмертных могли бы поведать, когда это было. И замок этот построили не люди. Гномы тоже не имели отношения к его возведению. Храм сегодняшних монахов когда-то был древней цитаделью могущественных эльфийских магов. Но что стало с ними и куда они делись, не знал даже Сиртама.

Когда путники восходили по дороге наверх, с башен замка раздалось серебряное пение колоколов. Сиртама просиял, сказав, что дозорные его узнали и таким образом приветствуют, одновременно разнося по всему храму весть о том, что он вернулся. Когда

Сиртама и Йорвин наконец поднялись, ворота храма были распахнуты, и за ними уже собралась ликующая толпа храмовников. Среди монахов были и женщины. И монахи и монахини были самых разных возрастов. От юных и румяных до седовласых старцев. Все были одеты одинаково, женщины, и те мужчины, у которых были длинные волосы, собирали их в необычный хвост на затылке. У некоторых волосы были длиннее и перехвачены несколькими разноцветными лентами по всей длине. На лентах были золотыми чернилами выведены иероглифические письмена на непонятном языке. Йорвин, конечно догадался, что на кедонейском, откуда Сиртама родом. У молодых монахов волосы были короче, и лент на них было меньше. Эти ленты обозначали дан, то есть уровень монаха в постижении философии Табо и его боевого искусства. По достижении девятого дана, монах объявлялся самудокаем, то есть просветленным, и мог при желании, остричь волосы. Самудокай также становился наставником для младших монахов и мог выбирать их на свое усмотрение.

Из толпы вышел невысокий полный мужчина с солидной залысиной на макушке и семью лентами на волосах. Монах обратился к Сиртаме:

— Самудокай, вы вернулись, о, слава Табо! Мы уже думали, что не увидим вас. А кто это с вами?

— Здравствуй, Крадин, здравствуйте братья и сестры, — Громко проговорил Сиртама. Никогда в голосе монаха Йорвин не чувствовал такой торжественности и счастья. — Я вернулся по воле Табо, и вернулся не один. В наших рядах снова пополнение. Это Йорвин, и отныне мы его будем называть брат Йорвин, — по толпе монахов прокатился одобряющий гул. — Я же вернулся насовсем, и больше вас не покину. Странствий с меня довольно. — Радостный гул снова раздался во дворе храма.

— Какое счастье. Ах, что это с вами, неужели звери вас так..? — воскликнул Крадин, заметив на лице прибывших следы побоев.

— Увы, Тайная тропа более не безопасна. Владения морферимов распространились и на ту часть леса, по которой она проходит. Вечером я вам расскажу. А пока приготовьте нам трапезную, и выдайте одежды храма брату Йорвину.

В жизни Йорвина наступила новая глава. Его посвятили в монахи. Начался его долгий путь к осознанию Истины Табо и собственной души. На родине Йорвина никогда не задумывались о наличии каких бы то ни было богов кроме Илтриса, и все неурядицы списывали на его волю. Но теперь Йорвину открылась иная религия, и религия эта гласила о Добре как о величайшей Истине, и о Любви как о величайшей энергии, способной на все.

Утро в храме для Йорвина и остальных монахов начиналось физическим самосовершенствованием и постижением техники Таг — Табо. После Йорвин учился читать, а научившись, стал изучать все исторические хроники и все философские и научные трактаты, которые хранились в храмовой библиотеке. По вечерам Йорвин слушал лекции Сиртамы о природе высших Энергий и законах их действия в Бытии Вселенной. Перед тем как идти спать, Йорвин ходил на колокольную башню и слушал звуки засыпающего мира, и самого себя, пытаясь постичь свою сущность, ибо она была для него самой великой тайной.

И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Прошло тридцать пять лет.

Звуки жизни в храме Облачный Странник притихли после захода солнца. Йорвин вновь вышел на колокольню, дабы вновь полюбоваться закатом, послушать молчание природы и голоса своего внутреннего «Я».

Уже тридцать пять лет он изо дня в день повторяет все физические и духовные упражнения, которым научил его Сиртама. Недавно ему исполнилось пятьдесят пять лет, однако нельзя сказать, что за это время он состарился хотя бы на один день. Хотя нельзя утверждать, что он не изменился совсем. Былой крепкий юноша-кузнец исчез. На его месте оказался худой долговязый мужчина. Жилистый и поджарый. Черты его лица стали более резкими и возрастными, исчезли юношеская пухлощекость и румянец, Острый подбородок стал еще более острым, особенно когда он улыбался. Взгляд его стал прямой и спокойный, как у Сиртамы. Длинный, до пояса хвост по всей длине украшали восемь разноцветных лент, что говорило о его высоком дане и долгих тренировок. Но ни седины, ни морщин, ни каких либо иных признаков старения он не являл, что не могли не замечать братья и сестры. Их Йорвин традиционно держал на расстоянии, проклиная про себя свое клеймо. В душе он страстно мечтал от него избавиться и стать нормальным человеком. Свое нестарение беспокоило его не меньше, чем остальных, но в отличие от них Йорвин догадывался, в чем его причина.

Однажды в библиотеке Йорвину попалась книга эльфийского ученого Иргенна аль-Ксеваля «Драконы. Их природа и история». В этой книге было сказано, что когда из упавшего на землю астероида вывалился первый эльф, когда грубый камень обрел душу и назвал себя гномом, когда примат выпрямился и стал человеком, драконы уже существовали, имели свой язык и культуру, и были могущественнейшей расой Эрдероса. Драконы были источниками магической энергии и управляли ей. Позднее они потеряли этот дар. Все драконы носили в себе силу одной из стихий, и являлись неисчерпаемым источником связанной с этим элементом магии.

Драконы наладили дружбу с новой расой эльфов, в которой обнаружили необычайный талант к магическому искусству, и стали их учить управлять этой стихийной силой. Но эльфы злоупотребили великодушием драконов и никак не могли насытиться знанием, которое те им давали. В один прекрасный день они решили, что их учителя научили их всему, что знали сами. С тех пор эльфы видели в драконах лишь помеху и конкуренцию. В тайном сговоре они начали одного за другим убивать тех, кто недавно были их учителями и красть яйца не родившихся еще драконов для опытов. Эльфы убивали быстро, и без следов. Численность драконов стала стремительно сокращаться. Ужас и отчаяние охватили великую расу. На Последнем совете драконы приняли отчаянный шаг — принять облик прогрессирующих в развитии и численности людей и запечатать свою истинную силу глубоко внутри, отказавшись от способности творить магию, чтобы даже эльфы не могли ее обнаружить. Лишь в час смертельной опасности дракон мог воззвать ко своей истинной природе и принять свой собственный облик, чтобы защищаться. Лишь сильнейшие представители драконьей расы отказались от этой меры. Их были единицы.

Сложный обряд превратил драконов в людей, и те рассеялись по всему свету как капля крови в озере. Некогда могущественнейшая раса Эрдероса и поныне скрывается в городах

людей, лишённая былой силы, но ее искры никогда не затухают.

Вдохновленный этим знанием, Йорвин стал искать эту силу внутри себя постоянными тренировками. Мало кто из людей может смотреть себе в душу как в колодезь, но монахи специально учились этому. Двадцать лет ушло у Йорвина, чтобы проникнуть в те глубины, где таилась его сила. И раз за разом она лишь ускользала от него. Но в этот день Йорвин был полон сил и уверенности в себе. У него было прекрасное приподнятое настроение, которым хотелось поделиться со всем миром. Уголек, который тлел где-то под слоем тяжелых воспоминаний и отмерших тревог вновь одарил Йорвина своим жаром. Но в этот раз жар этот не обжигал Йорвина, а наоборот, просился впитаться его.

Ощущение, которое познал Йорвин сложно сравнить с чем-либо. Ему хотелось во весь голос смеяться и реветь как извергающийся вулкан, хотелось обнять весь мир, и в то же время, страшно зачесались кулаки. Захотелось свернуть горы и обрушить небо.

Повинуясь непонятному наитию, Йорвин резко поднялся, разбежался и с безумным смехом прыгнул с башни в пропасть. В полете Йорвину показалось, что мир сжимается, становится меньше. И вдруг Йорвин заметил, что его руки когтисты и покрыты чешуей, а не рукавами кимано. А сам он не падает, а парит, ловя потоки воздуха и рассекая ветер как ножом чем-то вроде... крыльев.

Йорвин ощущал каждую клетку своего тела как никогда. А за спиной он чувствовал две новые части тела, и в них, как и во всем теле, чувствовалась невообразимая, невероятная сила. Взмах могучих крыльев — и вот он уже в восьмистах футах над землей, еще три — и в двух тысячах. Храм внизу стал крошечным, но горы вокруг все еще возвышались и уходили в небо. Йорвин никак не мог насытиться высотой и взлетал все выше и выше. И вот, наконец, поравнялся с покрытой снегом вершиной самой низкой из обозримых гор. Дракон, не сбавляя скорости, врезался в белое снежное покрывало белой вершины. Чешуя не выпускала тепло, поэтому снег не охлаждал, а лишь напоминал песок под вечерним летним солнцем.

Хоть гора и была невысока рядом со своими сестрами, но даже на такой высоте было трудно дышать. Йорвин вскоре почувствовал, что воздух не хочет попадать к нему в легкие каждый вздох давался с трудом и в глазах начало расплываться. Пришлось спускаться.

Йорвину еще предстояло научиться тормозить и приземляться, но пока хотелось только лететь и лететь, пытаясь дотянуться до пределов скорости. Та скорость, которую мог развить Йорвин потрясла его самого, он едва успевал уворачиваться от то и дело появлявшихся на пути склонов, а свист в ушах был пронзительнее лязга мечей.

Наконец, Йорвин решил спуститься и пройтись по земле. При первой попытке затормозить, он чуть не свалился в пропасть, но с третьей попытки торможение и приземление дались ему. Он мог стоять на двух лапах также легко, как и на ногах, а крылья на земле рефлекторно свернулись в компактный вид, и не затрудняли движений.

Йорвин был уже далеко от храма, и не опасался ненужных глаз и ушей. Сдерживать огонь внутри было уже не в мочь, и набрав в легкие побольше воздуха, Йорвин поднял голову к небу и изверг струю белого пламени, которое было выше высочайших деревьев вокруг, горячее подземных горнов гномов, и уступало, пожалуй, лишь солнцу. Затем во весь голос издал оглушительный и протяжный рев, который ураганом прокатился по подлескам и долинам на мили вокруг. Правило «не кричи в горах» наглухо забылось, ибо какой крик мог потревожить эти непоколебимые вершины?

Птицы в ужасе разлетелись в разные стороны, а отзвук эха еще много раз возвращался к источнику. Йорвин, весьма довольный эффектом своего «выступления», решил отправиться

в обратный путь.

К моменту, когда Йорвин вернулся к храму, луна взошла высоко и светила ярко, а потому Йорвин опасался подлетать слишком близко. Когда до обители Табо осталось лишь обогнуть гору, Йорвин приземлился. Нельзя сказать, что приземление было мягким. Он рухнул прямо на молодую ель и чуть не свернул себе шею, но тут же вскочил, стряхнул с крыльев мох и опавшую хвою, и подумал, что хочет снова стать человеком. Но не успел он докрутить в голове эту мысль, как мир снова стал увеличиваться, растекаться и удлиняться, крылья вросли обратно, исчезли рога и чешуя, пропал хвост и гребень. Он стал тем же Йорвином, каким был всю жизнь, только немного голым.

Меньше всего ему хотелось попасться кому-либо на глаза, но по счастью, этого можно было не опасаться. Мало кто за пределами храма знал о его существовании, и монахи это знали. А потому никаких ночных дозоров, как в обычных крепостях людей, здесь не велось. Весь храм спал по ночам.

Первым долгом Йорвин заскочил в банную залу. После превращения он был весь покрыт каким-то мерзким скользким потом, к которому прилипло то, на что он приземлился в лесу. Налив в чан воды, он нагрел в камине булыжников, и опускал их в воду, таким образом нагревая ее. Он брал камни специальными щипцами, как вдруг они выскользнули из потной ладони. Булыжник вместе со щипцами упал на пол, издав оглушительный шум, отдавшийся в ушах Йорвина как колокольный звон. От неожиданности он чуть не упал, проехавшись ладонью и запястьем по раскаленным докрасна камням. Однако, никакого ожога на ладони не осталось. Он даже не почувствовал, как проехался по горячим камням. Осторожно, указательным пальцем он снова коснулся фونهاщего от температуры булыжника, но снова не обжегся. Хмыкнув, он взял камень в ладонь и сжал, но опять ничего, кроме тепла, не почувствовал. Повертев камень на ладони, Йорвин опустил его в воду. Та зашипела.

Нагрев воду, как показалось Йорвину, достаточно, он положил последний камень на место, и проходя мимо зеркала, отчего — то смутился. Снова что-то было не так. Приглядевшись, он увидел, что смотрит на мир не своими глазами, а может и своими, но не теми, что раньше. Как и раньше, его глаза были небесной голубизны, но зрачок был вертикальным!

Проморгавшись, он опять посмотрел в зеркало, и не увидел изменений. И тут сердце Йорвина ушло в пятки настолько, что ударилось об пол. «Обратная метаморфоза прошла не полностью» — подумал он, — «Теперь так легко не скроешь, что я не человек. Придется уходить из храма».

Помывшись и одевшись, Йорвин направился за советом к единственному человеку, которому доверял безраздельно, которому был готов открыть все, не задумываясь о последствиях. К Сиртаме.

Он тихо распахнул двустворчатую дверь, и уже входя, ударился головой об косяк. Обычно двери храма совсем не маленькие и Йорвин без проблем в них проходит, но дверь в покои верховного самудока была особая, и на фут ниже остальных и на два шире. Покои Сиртамы были наверняка унаследованы он какого — нибудь магистра темных искусств. Большая комната с двумя окнами, казалось, была излишне просторна. В ней размещались два книжных шкафа, стол, на котором были разложены книги, свитки, чернильницы и подставки для перьев. Напротив двери стоял продолговатый тахт, на котором и возлежал Сиртама. В углу стоял киот со статуэткой. Статуэтка была выполнена в форме человека в белом саване, с золотистыми и светящимися как солнце волосами и бородой. Табо, отец Любви, был

старательно воссоздан талантливым скульптором и смотрел на всех светящимися добротой глазами, что было передано творцом с потрясающим мастерством.

Стук удара разбудил спящего на тахте монаха. Сиртама открыл глаза, но поначалу не узнал вошедшего. Покои освещались лишь стоявшей на подоконнике лампадой, которая не разгоняла темноту, а лишь освещала саму себя.

— Кто это? А-а, Йорвин, это ты, — Старые глаза начали привыкать к темноте.

В отличие от Йорвина, который ввиду своей принадлежности расе драконов был награжден неограниченной молодостью, Сиртаму годы не пощадили. Монах осунулся и сгорбился, блестящие глаза стали усталыми и рассеянными, а спокойное лицо покрылось глубокими морщинами. Тем не менее, будучи в возрасте за девяносто, Сиртама был все еще активен, не забывал о ежедневных физических и духовных тренировках, и до сих пор мог одолеть в рукопашном бою практически любого человека. Сиртама лично наставлял Йорвина в процессе его обучения, привил ему уважение к дисциплине, порядку и любовь к ближнему, не говоря уже о вере.

— Я полагаю, ты пришел с чем — то очень важным, что не может подождать до утра?

— Прости, мастер, но разговор действительно очень срочный, — Тихо проговорил Йорвин, — И очень серьезный, — Йорвин сел на тахт с краю, держась от Сиртамы на некотором расстоянии.

— Принцип учеников Табо гласит, что чтобы познать и полюбить ближнего, нужно сначала принять и полюбить себя, но то, что придется принять мне... несколько обескураживает. То, что я, будучи уже в почтенных летах практически не изменился с момента нашей встречи... — Йорвин с трудом подбирал слова, — Скажу прямо, душа у меня совсем не человеческая, да и я сам не человек. Сегодня во время вечерней практики во мне что-то открылось. Я превратился в огромного монстра, и я... я... У меня выросли крылья и я летал. Понимаю, это звучит невероятно, но... — Йорвин встал и взял со столика свечу, зажег ее от лампады и поднес к лицу так, чтобы были хорошо видны глаза, — Я не человек, я дракон. И, кажется, огонь на меня не действует, — Йорвин провел ладонью над пламенем свечи несколько раз, не моргнув и глазом. Сиртама не только не выразил и капли удивления, но даже и заулыбался.

— Как же я рад, что дожил до этого момента. Честно говоря, я давно это знаю, и я лишь ждал, когда ты мне в этом признаешься сам. То, что ты открыл свою сущность и обуздал ее, говорит о том, что я научил тебя всему, чему имело смысл тебя научить. Твое обучение завершено, ты можешь принять титул самудокай и отправиться в мир, неся свет Табо вместе со своей великой силой. И я не могу предать словами как я рад этому. Как я рад осознать, что направил самого дракона на путь любви! Знать, что он меня не подведет, и что ему уготованы великие свершения.

— Я не подведу тебя, мастер, но мне хотелось бы знать, что мне делать прямо сейчас? Как отреагируют остальные на то, что я... вот такой?

— Каким бы ты ни был, ты их брат. И ты первый дракон, ступающий по земле в свете Табо. В любом случае, ты в состоянии решить сам, на какой путь ступить дальше. Отныне ты не нуждаешься в чьих — либо советах. Титул самудокая твой. Я знаю, что ты применишь его мудро.

— Тогда, — Йорвин поставил свечу на стол. — Я отправлюсь сегодня же.

— Прежде чем ты уйдешь, расскажи мне, что стало с твоей деревней на самом деле.

Он знал. Он все время знал. От этой мысли у Йорвина по спине прошел холодок. Интересно, насколько давно? Возможно, еще до того, как Йорвин стал монахом. Но выпытывать это он не стал, лишь рассказал все, как было. Про то, как он превратился в огромного монстра. Про колдуна и его армию, и про то, как он их все зверски убил. Закончил он свой рассказ тем, что поведал, как обуздал своего внутреннего монстра и как потрясюще выглядит земля выше птичьего полета.

Сиртама слушал его с легкой улыбкой и явным интересом, но со временем веки старого монаха стали тяжелеть, что не укрылось от Йорвина, и он наскоро подытожил рассказ.

— ... ну и вот теперь я здесь с тобой. Ты все знаешь, а мне пора в путь, — Йорвин поднялся, вслед за ним встал и Сиртама.

— Наклонись, — попросил он. Йорвин повиновался. Сиртама поцеловал его в лоб и сказал: — Да прибудет с тобой благословение, где бы ты ни находился, — Йорвин еще раз склонил голову в поклоне, положила руку на сердце, и молча удалился.

Спешным шагом он добрался до своих покоев, скинул с себя храмовое кимано и облачился в утепленное походное, с просторными рукавами, накинул непромокаемый дорожный плащ, надел черные клепаные перчатки без пальцев и окованные железом ботинки. Затем со свистом слетел по винтовой лестнице в подвалы, где хранились, съестные и не только, припасы монахов и старые вещи Йорвина — кинжал собственной работы и драгоценная кольчуга Торвальда. В кладовке царил мрак, но глазам Йорвина это нисколько не мешало. Теперь он видел в темноте ничуть не хуже, чем при свете дня. Найдя заветный сундук, Йорвин почти с трепетом открыл его и лицо его просияло. Стальная кольчуга блестела как новая. Несмотря на то, через что ей пришлось пройти, и сколько лет она лежала в сундуке неприкаянной, каждое колечко и каждая пластинка выглядели как новые, и на них не было ни пятнышка ржавчины. Как в прежние времена, Йорвин надел ее под кимано и спрятал под бандажом. Кинжал, подумав, убрал в сумку, за пояс сунул тойшен. Йорвин застегнул плащ и обмотал шею кашне. Все таки в конце месяца Первых Морозов в этой полосе было отнюдь не лето. Выйдя на порог, он глубоко вздохнул и зашагал прочь вниз по дороге. И еще до того, как наступило утро, в храме стихли звуки его шагов.

Вождь Оярви и его жена безмятежно спали, когда вдруг раздался оглушительный удар в дверь их опочивальни. Незвестный высадил дверь, буквально сорвав ее с косяка вместе с петлями.

— Кто там? Чего тебе надо? — Оярви быстро встал с постели и прислонился спиной к стене, заведя руку за спину в поисках тайной ниши, где лежало оружие.

— Твоя голова, — равнодушно прозвучало в ответ. Йоухки застонала от страха и зажалась в угол.

— Юрки, Зуали! На помощь, дети! — закричал као.

— Зря надрываешься, — засмеялся неизвестный. — Их уже вынесли вперед лапами.

Убийца твердым шагом двинулся к вождю. Свет фонарей с улицы осветил фигуру невероятно огромную и широкоплечую. Ворвавшийся был такого роста, что голова его находилась прямо под потолком и не освещалась вовсе. Найдя заветную нишу, Оярви достал кинжал и кинулся на убийцу. Тот перехватил руку с кинжалом и вывернул ее так, что кинжал выпал из нее. Другой рукой убийца оттолкнул вождя обратно к стене. Душегуб застал Оярви врасплох, тем более несравненно превосходил его по массе и силе. Он быстро поднял с пола кинжал, сделанный из камня, отлично отшлифованный и острый как зуб речной акулы. Повертев кинжал на ладони, убийца вонзил его в грудь као. Оярви, не издав ни звука, осел на пол. Убийца схватил тело и выбросил в окно. Затем настал черед его жены. Йоухки заплакала еще громче и в панике замахала руками. Убийца схватил ее за руку и рывком поставил на ноги. Другой рукой схватил за голову и свернул шею. Тело нежно уложил на постель. Подойдя к окну, убийца выглянул в него и поднял руку с раскрытой ладонью. Его братья из клана Черного Волка сделали свое дело и дожидались лишь этого сигнала, чтобы раствориться в ночи, из которой вышли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Холодный дождь лил как из ведра, временами оборачиваясь мокрым снегом. От воды не защищала даже густая крона соснового леса. Двое солдат из дозорнопатрульного отряда Яаскелайнена, неся службу, в это время обходили город. Это были двое из шестидесяти девяти дозорных, что еженощно патрулируют за городскими стенами, охраняя жителей города от ночных хищников и других опасностей. Дозорные были вооружены копьями и луками. Один из них держал в руках факел. Оба были в кожаных накидках с капюшонами, из под которых выглядывали черные носы. Между солдатами велась беседа:

— Я его тысячу раз просил, а он все одно, — говорил один.

— Что одно? — спросил второй.

— Мол, в этом нет чести.

— Почему?

— Не знаю. Попробуй, пойми его. На зайцей ходит, на лосей ходит, даже на вульферга пойдет — не задумается. А на волка — нет. И не заставишь.

— Но ведь он-то тоже исконн. На исконна нельзя ходить. Это действительно не по-нашему.

— Дело не в исконне. Он отвечает это на любой вопрос. Что ни спроси — не по чести. А волки шастают стаями, и если из нас кто на стаю напорется — несдобровать. Это Сынов

Черного волки не трогают, а нас — грызут.

— В следующий отгул заходи ко мне — сходим с тобой на волка. А ты слышал, као Ояярви убили?

— Да ну! Кто?

— Да болтают, что дети егоные и убили. Приперлись среди ночи к ним в спальню. Юрки отца зарезал и в окно выкинул, а Зуали, стерва эта, матери шею свернула. Прямо в постели. О, как.

— Правда? Что-то не больно мне в это верится. Дети всегда любили и отца, и мать. Не могли они их убить. Другим эти смерти понадобились, точно тебе говорю, — между собеседниками ненадолго повисла тяжелая пауза. — И кто же теперь займет место као? Детей ведь не пустят теперь.

— Вроде был у Ояярви то ли брат, то ли племянник. Он, наверно, и будет новым вождем... Стой! Кто там?

Быстрее, чем разряд молнии достигает земли, дозорные выхватили луки и вложили в них стрелы. Там, где дозорный разглядел какое-то движение, что-то зашуршало.

— А ну выходи, а ни то разукрашу твою тушу стрелами, — Оба дозорных поняли, что там не зверь. Зверя бы они услышали и почувствовали задолго до того, как он показался бы. Тот, с кем они столкнулись, умел двигаться почти бесшумно, и фактически сливался с природой, но допустил-таки ошибку, из-за чего был раскрыт.

— Не выйдешь на счет два — стреляем. Раз...

— Стойте, стойте, я выхожу. Выхожу, не стреляйте, — Заговорили из зарослей.

Дозорные сперва, решили, что это какой — нибудь заплутавший ловчий из клана Черного волка, но быстро поняли, что ошиблись. Из-за кустов на свет факела вышел некто долговязый, но уж очень худой и узкий в плечах. Да и одет он был крайне странно для этих мест. На нем было какое — то странное одеяние до колен, с капюшоном вышитыми на правом краю полы иероглифами, странные мешковидные штаны и такая же куртка, окаймленная ярким, броским поясом. Вместо могучих лап из под одеяния торчали два тонких прутика, завернутые в обвисшие тряпки. А из-под капюшона не выглядывало черного носа. На плече у него висела мешкообразная сумка.

— Кто ты такой? — спросил один из дозорных, — Человеч что ли?

— Если вас это успокоит, то да, можете считать меня человеком, — Солдаты переглянулись, безмолвно спрашивая друг друга «и что бы это значило?», затем один из них чуть ослабил тетиву и заговорил:

— Что-то человечки к нам зачастили. Сорок лет назад больше половины нашего народа не знала, как вы и выглядите, а теперь о вас разные истории слагают да сказки. То тут, то там болтают... всякое.

— Например..? — осведомился незнакомец.

— Ну, мол, вы призраки из пустынных земель и жрете своих детишек...

— Бу! — внезапно зашипел незнакомец. Оба дозорный вздрогнули. Незнакомец засмеялся.

— Кое — в - чем и они правы, — отсмеявшись сказал он.

— Клянусь Великой Праматерью, — произнес один из дозорных. — Все это как-то неожиданно. И что нам с ним делать?

— Не знаю. Отведем — ка его к лисану, а уж он разберется.

— Эй, ты, человек, без резких движений, ясно? Сейчас ты пройдешь с нами к лисану

Кагори. Ему ты расскажешь все, что он у тебя спросит. Иди за Диттоли медленно... и верно, чтоб я видел твои руки. Давай, пошел.

Один из дозорных убрал лук, вместо него взял в руки копье и повел «человеча» в сторону Яаскелайнена. Второй прикрывал его, идя сзади с луком наготове.

— Эй, человек, а имя у тебя какое-нибудь есть? — спросил проводник

— Йорвин, — спокойно прозвучало в ответ. Йорвин не успел услышать разговора о том, что као Оярви, его хороший знакомый был убит, а потому шел с легким сердцем уверенным шагом.

Через полчаса Йорвина привели в Яаскелайнен. Сразу за городской стеной стояло бревенчатое здание казарм стражи с призмобразной дозорной вышкой, куда Йорвина и потащили. В здании казармы Йорвина остановили, и один из дозорных отправился наверх по лестнице. Винтовая лестница вышки была крута для людей, но морферимам так было удобнее. С верхотуры вниз спускался канат для быстрого спуска. Канат зашевелился, с вышки спустился лисан. Следом — дозорный, отправившийся за ним. Лисан был в меховом пальто без рукавов и в капюшоне с ушами навывпуск.

— Что? Человек? Что-то вы к нам зачастили, — сказал лисан Кагорри.

— Да, мне это уже... говорили, — бросив косой взгляд на своих провожатых, сказал Йорвин.

— Лисан, что нам делать с ним? — спросил дозорный Диттоли

— Насчет людей от као приказов не поступало, — лисан почесался в замешательстве, — Пошли, отведем тебя к као. Он решит. А сейчас давай сюда руки. Нам не нужны неожиданности, правда? — Йорвин спокойно позволил связать себе руки за спиной. Он знал, что связанные руки не помешают ему, даже если дело повернется круто.

Йорвина повели в центр города, как и тридцать пять лет назад. Через некоторое время он начал узнавать места. С тех пор ничего особо не изменилось, разве что зевак практически не было в это ночное время. Последний поворот — и они пришли к дому, где жил као Оярви. Один из солдат отправился внутрь. Через некоторое время он вернулся, но вместе с ним вышел не Оярви. Вместо него на пришедших презрительно смотрел какой-то рыжий морферим, одетый в одни шорты и жилетку. Следом за ним вышли двое дуболомов из Клана Черного волка и встали по обе стороны от него.

— Человек? — спросил рыжий мерзким высокомерным голосом. — Один безшерстный. Вы хотите сказать, что подняли меня из-за одного сраного человека?

— А я смотрю у вашего као характер, — протянул Йорвин, глядя на лисана. — А где Оярви? — Рыжий као собрался было рывкнуть на Йорвина, но увидев его лицо, оторопел, как громом пораженный. Его глаза чуть не выкатывались, а пасть отвисла.

— Ты... — воскликнул он наконец, указывая на Йорвина трясущимся пальцем. — Я помню тебя, лысый ублюдок. Тогда на турнире... какого хрена тебе опять здесь надо? — Рыжий сквернословил еще довольно долго, пока Йорвин не взревел:

— Заткнись! Я хочу знать, где Оярви, Зуали и Юрки! — На улице повисла мертвая тишина. Все присутствующие, в том числе и сам новый као оторопели от такой наглости.

— Хочешь знать где Оярви и его дети, — наконец заговорил рыжий, и, судя по голосу, Йорвину удалось сбить с него спесь, — Что ж, скажу, это не тайна. Мертв твой Оярви. Убит. А знаешь кем? Детьми. Юрки и Зуали оказались не такими уж хорошими детишками, — као гаденько хохотнул.

— Я не верю! — качнул головой Йорвин, срываясь на крик.

— А мне плевать, веришь ты или нет. Если хочешь, спроси сам. Эй, псы, отведите его к остальным. А утром всю троицу прилюдно казним, — затем рыжий повернулся к Кагорри. — Спасибо тебе, лисан... что не прикончил его сразу, придурок. Свободен, — Лисан многозначительно посмотрел на рыжего, но не сказал ни слова. Он склонил голову и вместе с солдатами удалился восвояси.

Двое морферимов — волков отобрали у Йорвина сумку с тойшеном и кинули рыжему. Тот, порывшись в сумке, выкинул все съестное, кремень, веревку, латки и прочее, остановившись на кинжале. Похоже, оружие из стали произвело на него сильное впечатление. Он восхищенно повертел в руках лезвие, понюхал его, даже попробовал лизнуть, а потом заткнул за пояс. Тойшен он швырнул одному из своих телохранителей, видимо, не найдя в нем ничего особенного, и, предоставляя громиле инициативу экзекуции. Здоровяк подобрал тойшен, а затем двое схватили Йорвина под руки и, подняв над землей, поволокли прочь. Оба возвышались над Йорвином почти на голову.

Йорвин за все время, пока его вели, не издал ни звука, а только бросал острые взгляды вокруг. Двое ведущих его, думали, что все у них под контролем, но на самом деле все было далеко наоборот. Йорвина привели к тому месту, где содержали вождеубийц, Зуали и Юрки.

Когда они пришли на место, где держали пленных и провинившихся, Йорвина поставили на ноги. Это было то же самое место, где когда-то держали его самого. Тяжеленная крышка отделяла заключенных от свободы, и лишь небольшой зазор открывал им вид на то, чего их лишили. Один из морферимов взялся за тойшен. Одного взгляда на то, как он держит оружие, Йорвину хватило, чтобы узнать все, чего можно от него ожидать. Йорвин повернулся к другому и улыбнулся ему:

— Право, спасибо, что привели меня к ним. Один я бы их не нашел, — сказал Йорвин, освобождаясь от пут.

— Чего? — промычал первый громилы.

— Сейчас объясню, — Йорвин картинно бросил в грязь пустую веревку и отряхнулся.

— Да ты... — только и успел сказать первый, как Йорвин схватил его за морду и нагнул, а затем ударил с колена ему в живот.

Удар был такой силы, что морферима аж подбросило, а затем он беспомощно повалился в грязь, свернувшись в клубок, и хрипло рыча. Повернувшись ко второму, который держал тойшен, Йорвин расслабился и опустил руки. Морферим попытался нанести удар, но он так и не достиг цели. Вместо этого вторая половина тойшена ударила ему промеж глаз. Морферим зашатался, как пьяный, смешно хлопая глазами, из которых наверняка снопами валили искры. Йорвин вынул тойшен из обмякшей руки, а затем добил противника апперкотом. Тот свалился, где стоял.

Сунув оружие за пояс, Йорвин схватился за крышку ямы и в глубине его существа вновь проснулась искорка необоримого неукротимого всепоглощающего пламени. Руки налились небывалой силой. Здоровая крышка из толстых бревен слетела как соломенная и укатилась колесом в проулок. Йорвин с удивлением посмотрел на свои руки. С ладоней тонкой струйкой поднимался черный дым. Морферим, которого Йорвин ударил коленом, начал отходить, и пытался встать. Йорвин не дал ему такой возможности, от души отвесив ему пинка. Бедолага улетел как мешок с перьями, по дороге сшибив низенький тын.

— Хо-хо! — воскликнул Йорвин. Подойдя к яме, он присел на корточки. — Не думали, что мы с вами когда-нибудь поменяемся местами? Как вы там, отцеубийцы?

— Йорвин?!

— Это не мы!

— Потом расскажете, давайте выбираться отсюда, — Йорвин протянул им руки и поманил, чтобы они хватались. Они подпрыгнули и ухватились за руки Йорвина. Тот вытащил их как щенят. Дети као Оярви очень изменились с последней их встречи. Зуали из маленькой и любопытной ушасто — хвостатой морферимской девочки превратилась в изящную деву — воительницу со всеми атрибутами, с длинной и густой светлой шевелюрой, которая кончалась толстой косой. Юрки из скромного и молчаливого папиного сына перерос в почти квадратного детину шести футов ростом, с длинными, до лопаток, и прямыми черными волосами.

— Кто ты такой? — спросил он, — У людей не может быть такой силы.

— Все вопросы, когда выберемся из города. Здесь нам никто не верит.

— И как ты собираешься выбираться? — спросил Юрки, — повсюду часовые.

— А вот как. Вон там, и там, — Йорвин указал в двух направлениях. — Ближайшие часовые. Их я отвлеку на себя, а в это время ваша задача — незаметно подкрасться к ним и нейтрализовать. Завладеть их оружием, а дальше все будет быстро. Я побегу по центральной улице, а вы будете прикрывать меня из теней и трупоб.

— Но тебя же убьют, — воскликнула Зуали, — Ты знаешь, какие у нас лучники?

— Знаю, потому и полагаюсь на вас, — Йорвин криво улыбнулся. — За меня не беспокойтесь. Меня не так просто застрелить.

Сказано — сделано. Через минуту Йорвин шагал по центральной улице прогулочным шагом, с руками за спиной и насвистывал песенку барда Мавротия, искоса поглядывая на дозорных, и наблюдая, сколько внимания ему удалось привлечь. Один из часовых протер глаза: «Человек! Без охраны! НА СВОБОДЕ!!!» Этих мыслей, пронесшихся в его сознании подобно шквалу, хватило, чтобы стрела сама вложилась в лук и спустилась тетива. Но стрела пронеслась буквально в паре дюймов от головы Йорвина. Тот непринужденным движением увернулся от нее, а затем, будто ничего не замечая, пошел дальше. Вторая стрела также не достигла цели. И вот, со второй дозорной вышки полетели стрелы. Первая, как и другие, не достигла цели буквально чуть-чуть. Йорвин видел, как спускается тетива, как стрела дрожит в воздухе, и слышал, как вибрирует, рассекая воздух. В такие экстремальные минуты драконий мозг Йорвина разгонялся настолько, что весь мир вокруг для него замедлялся, все двигалось как будто сквозь кисель. Следующая стрела оказалась проворнее своей предшественницы. Йорвин заметил ее, когда уклониться было уже практически невозможно. Но в этот момент сработали его сверхчеловеческие рефлексy. Стрела остановилась буквально в мизинце от глаза Йорвина. Он поймал ее на лету. Даже на таком расстоянии Йорвин почувствовал, как пахнуло страхом с обеих вышек. Кажется, оба стрелка поняли, что тот, кто ловит их стрелы на лету, не человек. Потрясенные до глубины души они не заметили, как смерть неслышной поступью подкралась к ним сзади.

Йорвин услышал булькающий хрип солдата, которому Юрки сломал гортань, и стук тела, упавшего с высоты, откуда Зуали сбросила свою жертву. Не подавая вида, Йорвин дождался, пока они спустятся, а затем побежал. Он бежал быстрее самого быстрого человека, но, тем не менее, не сомневался, что Юрки и Зуали не отстанут от него. Навстречу полетели стрелы, Йорвин ловко уворачивался он них, пока стрелки сами не падали от коварных стрел своих братьев. Наконец, вдали стали видны ворота из города. Постепенно дорогу к свободе стали перекрывать два ряда копейщиков. Вдруг вслед за Йорвином по воздуху потянулся шлейф из черной золы и дыма. Дым и зола исходили от самого Йорвина, а

его глаза блестели в темноте как сапфиры, обьятые синим пламенем. Солдаты, стоящие перед воротами, увидев это, перепугались, и едва не кинулись врассыпную. Йорвин лишь набирал скорость, и уже мог потягаться ей с молодой ланью. В передних рядах копейщиков стали бродить мыслишки: «Почему он не останавливается?», «Почему лучники до сих пор его не сбили?»

Копейщики ощерились. Йорвин достиг предела соей скорости, когда до живой стены осталась буквально пара шагов, и подобно пушечному ядру гномов со всей скоростью врезался в ряды, загородивших ему дорогу, разнеся их, как цунами разносит рыбацкие лодки. Тела морферимов разлетелись во все стороны как набивные куклы. Йорвин, не потеряв скорости врезался в закрытые ворота, отломив огромный кусок от одной створки, и снес ее с петель. Затем из переулков с обеих сторон от дороги вылетели Юрки и Зуали, расстреливая тех, кто еще стоял на ногах. Никто боле не перегораживал им дорогу к отступлению. Все трое растворились в ночном лесу.

Йорвин проснулся оттого, что его кто-то тряс. Он нехотя разлепил глаза и увидел два округлых плода, раскачивающихся влево — вправо прямо у него перед носом. «О!»- подумал он, — «Зуали выросла... И в нужных местах».

— Йорвин, не спи! Просыпайся, да просыпайся ты, ты ранен.

— Серьезно? — спросил Йорвин. — Ой, глядишь ты, и правда, — Пониже левого бедра действительно была широкая и глубокая борозда от морферимского копья. Хоть прошло уже почти три часа с тех пор, как они выбрались из города, рана не успела запечься. Отчасти благодаря тому, что постоянное движение мешало крови сворачиваться.

— Тебя нужно срочно перевязать, иначе ты истечешь кровью, — Зуали схватила своими острыми зубами штаны и оторвала от них солидный кусок, затем туго перевязала Йорвину пораненную ногу.

— А-а-а-а!... Спасибо, — простонал Йорвин.

— Не за что. Это меньшее, чем я могу отблагодарить тебя за то, что ты вытащил нас из той ямы. Удивительно, что ты вообще выжил после того... этого.

Они сидели возле костерка на обширной лесной проплешине. В пятидесяти ярдах не росло ни деревца, ни кустика. Юрки решил устроить здесь ночлег, когда счел, что они уже достаточно далеко от Яаскелайнена. Дождь со снегом закончился, и в лесу, наконец, наступила тишина.

— Действительно, — Юрки поднял с земли сосновую веточку. — Если бы не ты, то поутру нас бы публично казнили за измену роду, — сказал он, бросая ветку в огонь, — Мы у тебя в долгу, и если ты позволишь, то мы будем сопровождать тебя до тех пор, пока не вернем тебе долг.

— То, что я замышляю, смертельно опасно как для вас, так и для меня. А я не хочу, чтобы последствия моей неудачи выносили другие. Это личное, и вам совсем не обязательно участвовать. Я многое могу, но я не всемогущ. Даже на сегодняшний «прорыв» я бы не решился, если бы не она, — Зуали посмотрела на Йорвина. Он развязал кимано, в свете костра засверкала стальная кольчуга.

— О, Великая праматерь, что это? — воскликнула Зуали. — Что за чудесный материал так сверкает? И такой твердый... Это какой — нибудь особый вид глины, да?

— Нет, дурочка, — засмеялся Йорвин, — Сиди в своем лесу, и не такие обыкновенные чудеса мимо глаз пропустишь. Это сталь. Есть такой камень, называется железо, который,

если его хорошенько нагреть, становится пластичным, как мокрая глина. В таком состоянии из него хоть оружие, хоть памятник слепить можно. Лишь руки нужны умелые. Мой же отец раздобыл вещество, способное еще больше укрепить сталь. После легирования ее хромом сталь становится еще прочнее и не ржавеет. Ну, то бишь не гниет. И есл... Ой, что-то меня заносит. В общем, это застывшая смесь сверхпрочных веществ, которая становится пластичной при нагревании, и из нее можно сделать вот такую вещь.

— Ах, и у кого такие умелые руки, которые создали такую чудо — рубашку?

— У моего отца, Торвальда. Были. Его убили. Теперь мой долг найти того, кто это сделал, и, глядя в глаза спросить, Зачем.

— Благодородное дело, — сказал Юрки. — Я с радостью тебе помогу. Всем, чем смогу, — Юрки сунул руку за пазуху, и достал какую-то вещицу, длиной со средний палец, похожую на рог какого-то животного, — А это мне подарил мой отец. Мне тогда было шесть лет, — Юрки приложил вещицу ко рту и подул в нее. Маленькая белая дудочка запела мелодичнее любой птицы, завораживая больше, чем бой колоколов храма Облачный Странник. У Йорвина перед глазами встал пейзаж утренних гор, долины Морхем, озаряемой солнцем, выглянувшим из-за грозовой тучи, а также пейзажи, которых он никогда не видел — солнечные города юга и бескрайняя водная гладь, на которой светом выложена дорога к восходящему солнцу. Наконец, Юрки закончил играть. — Отец говорил, что любовь, ненависть, стремление к лучшему и желание мстить за обиды отличают нас от животных, а вовсе не то, едим ли мы с пола, или с тарелки, — Йорвин заправил за ухо вырвавшуюся из хвоста прядь волос.

— И все — таки я пока не услышал, что же стало с вашим отцом? И где в этой истории светитесь вы?

— Я помню, как проснулся среди ночи, услышав грохот и крик Зу, а потом меня ударили чем-то по голове, и очнулся я уже в яме. И Зу была в ней тоже. Потом кто — то наверху сказал нам, что наши родители мертвы, и нам недолго осталось. Что все думают на нас, и нас ждет линчевание.

— М-да, ну и урод ваш новый као, — скривился Йорвин.

— Новый као? Кто он? Ты его видел?

— Да, видел. Перед тем, как отвести меня к вам, меня привели к нему. Ну и мерзкий тип. Рыжий такой...

— Рыжий говоришь? — Юрки посмотрел на Йорвина так, что ему на секунду стало не по себе. — Бэйзи, значит. Вот мразь! Он давненько на нас косо поглядывает. Только и ждал, видать, момента.

— Кто такой этот Бэйзи? — спросил Йорвин.

— Двоюродный брат. Ну да, начинаю понимать. Он с детства якшался со шпаной из Черных Волков. И он нанял тамошних громил сделать грязную работу, а затем повесил ее на нас.

— Неужели Черные Волки станут убивать вождя из другого клана? Зачем им это?

— Поверь, Йорв, добровольцев много. Многие до сих пор помнят, как отец убил дас Вальгтери на турнире тридцать пять лет назад. И у них чешутся руки. Вальгтери был кумиром для многих мутных личностей. А клан Черных Волков вообще очень злопамятен.

— Ну, тогда я пойду обратно и потолкую с ним.

— Нет, нет, что ты! Так нельзя. Во-первых, совершить справедливость и восстановить честь семьи это мой долг, а не твой. Как на меня будут смотреть родичи, если за меня это

сделает какой-то мясник? Без обид, Йорв. Во-вторых, хоть Бэйзи и сволочь, но он као, и на его стороне все вооруженные силы города. Кем ты себя считаешь, если думаешь, что можешь в одиночку выстоять против нескольких сотен вооруженных морфериамо?

— Нет, ты не понял. Я не собираюсь его убивать. Я не мясник. Я — дракон — глядя Юрки в глаза, ответил Йорвин.

— А, дракон. Как? Серьезно? — Юрки наострил уши. Зуали замерла.

— Тебя это удивляет, после всего того, что с нами произошло?

— Ну... да. Мы-то думали, что драконы — это просто миф, легенда в лучшем случае.

— Ха-ха, небось, то же самое вы думали про людей до нашего с Сиртамой появления?

— Нет, нет. Существование людей, и в огромных количествах — давно установленный факт. Лет двести назад к нам вторглись люди. Хотели занять нашу территорию, да ничего у них не вышло. На них были такие же, как у тебя кольцованные рубахи, длинные ножи и круглые доски, за которыми они прятались от наших стрел, но все равно это им не помогло.

— А-а-а, так вот, почему вы без церемоний бросили нас в яму тогда.

— Ну да, в принципе. Из-за этого, но...

— Но разве драконы не огромные крылатые существа, извергающие огонь? — перебила брата Зуали

— Ну да, я могу стать огромным и крылатым, и извергать огонь.

— Ух ты! Покажешь?

— Ага, а заодно, повалю десяток-другой деревьев, и еще полста спалю. Тогда мы точно привлечем к себе кучу внимания, — Зуали понятиливо кивнула, что-то бормоча себе под нос.

— Итак, как мы это сделаем? Есть предложения относительно плана действий? Как мы проникнем обратно в город? — На минуту повисло молчание.

— Отвлечем стражу, а затем по-тихому проникнем внутрь, — предложила Зуали.

— А чем ты их отвлечешь? — спросил Юрки. Снова повисла тишина.

— Я знаю как, — Наконец выпалил Йорвин. — Раз не удастся отвлечь стражников, то почему бы не стать стражниками? — все подняли на Йорвина глаза. Он прочитал в них «продолжай», — Город охраняется не только внутри, но и снаружи. Яаскелайнен обходят дозорные так? — оба морферима кивнули, — Они ходят по парам. Если их отвлечь, то нейтрализовать их — дело техники. Затем вы отбираете у них форму, и ведете меня в город, якобы вы поймали меня, и ведете... куда надо короче. Зуали лучше прикинуться парнем потому, что в городе наверняка знают, что сбежавшие были братом и сестрой. Можно вызвать подозрения. И лучше помалкивай, поняла? — Зуали кивнула.

— А если нам удастся добраться до дома, — продолжил Юрки. — То дальше можно будет не прятаться. Я вызову Бэйзи на поединок. Никто не будет вправе мне отказать.

— Хороший план, — сказала Зуали.

— Ну, раз с планом разобрались, то давайте уже...шпа-а-ашь, — Зевнул Йорвин, после чего мгновенно свалился. Зуали и Юрки поняли, что даже таким могущественным существам, как драконы, иногда нужен отдых.

Среди деревьев вновь замелькал Яаскелайнен. Двое морферимов и один дракон в человеческом облике затаились недалеко от городских стен и стали ждать. Долго ждать не пришлось. Уже через пять минут показались дозорные.

Йорвин, находившийся в пяти шагах от Юрки, подал ему знак поиграть на дудочке. Юрки сделал то, что скомандовал Йорвин. Услышав трель дудочки, дозорные мгновенно встрепнулись и вооружились. Юрки снова заиграл. Дозорные двинулись на звук с заряженными луками наперевес. Один из них натянул тетиву и направил наконечник стрелы на куст дикого шиповника, за которым, как ему казалось, сидел неприятель. Вдруг из-за сосны слева выглянула мускулистая черная рука Юрки, схватила нерадивого лучника за горло и с силой приложила затылком об ствол. Второй обернулся, и из-за папоротника выскочила длинная рука Йорвина, схватила солдата за шиворот и затащила в папоротник, где глухой удар по черепу вырубил второго дозорного.

— Ладно, это было несложно, — негромко произнес Йорвин. — Теперь вы двое переодеваетесь в их шмотки и ведете меня «в плен».

— И долго они будут без сознания? — спросила Зуали.

— Думаю, достаточно, — ответил Юрки, снимая с солдата капюшон и кирасу.

— Друзья, а вы не могли бы... — попросила Зуали.

— Ладно, ладно, — Ответили оба, синхронно отворачиваясь.

Через некоторое время переодетые Юрки и Зуали подвели связанного Йорвина к воротам. Юрки выглядел вполне убедительно, старательно изображая солдатскую походку. С Зуали все было менее оптимистично. Солдатские шаровары на ней прямо-таки висели, удерживаясь лишь на хвосте и на бедрах, которые, как назло, не по-солдатски покачивались. Йорвин старательно изображал ушибленного по голове, болтая ей из стороны в сторону, и еле волоча ноги. Когда они подошли к воротам сверху их окликнули:

— Дозорные, кого вы привели?

— Человек. Тот, самый, который сбежал, — ответил Юрки.

— Тот самый? И как вам удалось его утихомирить?

— Чудом. Будь я один, предстали бы перед Праматерью.

— Это точно. Заходите, — ворота медленно отворили. Лжедозорные вошли в город. Им навстречу вышел очень высокий бурый морферим.

— Я вижу только одного. А в докладе о побеге фигурировали еще двое предателей. Где остальные?

— Мы не знаем. Он напал на нас в одиночку, — Юрки нахлобучил капюшон подальше на глаза. — Простите, кару, не имею чести. Обычно пленными распоряжается лисан Кагорри.

— Я Аччи, заместитель Кагорри. У него сегодня заслуженный отгул. Жена у него рожает, — Аччи присмотрелся к Йорвину. — Моргает чертяка. Очухался! — С этими словами Аччи долбанул Йорвина по голове древком копья. Его голова на этот раз обвисла по-настоящему.

— Магги! — крикнул Аччи в сторону казармы. Дверь открылась, на пороге показался солдат. — Тащи мешок и веревку, самую толстую, что есть.

Через некоторое время солдат вернулся с мешком и толстой веревкой, которой, казалось, можно только бревна обвязывать. Тем не менее, Юрки справился со связыванием Йорвина по рукам и ногам и надел ему на голову мешок.

— Теперь делаем так, — сказал Аччи, — Несете этого в яму, потом на полусогнутых сюда. Соберем отряд и прочедем территорию, отыщем еще двоих. Все понятно?

— Так точно, — ответил Юрки, Зуали кивнула.

— А он не маленький. Точно справитесь? — Спросил Аччи, видя, с каким трудом Зуали поднимает ноги Йорвина.

— Справимся, — выдохнул Юрки.

Для Зуали это оказалось поистине испытанием на прочность. Мало того, что Йорвин был невероятно тяжел, но еще донимали вечно сползающие штаны, которые приходилось то и дело поправлять.

Через два поворота было принято решение поступить так, как велел Аччи, то есть оставить Йорвина в яме и пойти дальше без него, мотивируя это тем, что Йорвина яма все равно не удержит, когда он очнется. А вызывать подозрения у наблюдающих дозорных пока рановато.

Перед тем, как спустить Йорвина в яму, Зуали развязала ему руки и ноги и опоясалась веревкой в качестве ремня. Затем оба «дозорных», как ни в чем не бывало, двинулись патрульным шагом через город. Прохожие, спеша по своим делам, не обращали на Юрки и Зуали никакого внимания, поэтому у постовых тоже не было причин для беспокойства. Чем глубже они входили в город, тем больше морферимов становилось на улицах, что было им только на руку. Со временем они затерялись в толпе и без проблем добрались до центральной площади.

Добравшись до дома, Юрки сорвал с головы капюшон, бросил его на землю и закричал во весь голос:

— Бэйзи! А ну-ка выметайся из моего дома! Слышишь? — Сиплые крики Юрки привлекли к себе внимание не только зевак, но и стражников. Один из них кивнул своим соратникам пойти посмотреть, в чем дело.

— Бэйзи!!! — Еще громче крикнул Юрки. — Если ты сейчас же не выйдешь, я сам тебя оттуда выгашу.

Стражники, привлеченные криками Юрки, похоже, разобрались, что тот, кто вызывает каю подобным образом, вряд ли из городской стражи, несмотря на одежду. Четверо достали копыя, еще двое достали луки. Юрки и Зуали даже не заметили, как были окружены.

— Застыть, оба! — громко прозвучал приказ. Юрки медленно повернулся к говорившему, и увидел с десятков натянутых луков, смотрящих наконечниками стрел ему в грудь. Два острия копыя замерли в мизинце от шеи его сестры, смиренно поднявшей руки.

— Преступник всегда возвращается на место преступления, так, Юрки? — спросил десятник. Юрки промолчал.

— Вы не имеете права нас арестовывать, — заговорила Зуали. — Мы вызываем Бэйзи на судный поединок Чести.

— Судный поединок проходит один на один. И я сомневаюсь, что твой брат спрячется за спиной сестры. Так что тебя мы брать можем. Советую не дергаться. — С этими словами, десятник отдал приказ солдатам.

— Вы взяли Зуали, теперь подайте мне Бэйзи, — сурово прогудел Юрки.

— Я тебе не ужин, чтобы меня подавать, — в дверях дома Оярви показался Бэйзи в

накидке као.

— Снимай эту накидку. Ты недостойн даже держать ее в руках. Снимай и иди сюда. Подавать твою тушу на блюде я буду после.

Бэйзи изобразил что-то вроде ухмылки и медленно зашагал по ступеням. На ходу он неторопливо снял накидку и отдал слуге. Затем также нарочито неспешно снял рубаху. Оба противника не сводили глаз друг с друга, очевидно, размышляя, каким образом лучше прикончить врага. Наконец оба бойца замерли друг напротив друга. Юрки был покрупнее Бэйзи и более крепкого телосложения. Бэйзи поднял руки, сжав ладони в кулаки. Юрки поступил также. Бойцы соприкоснулись кулаками в знак честности Судного поединка и уважения друг к другу как к сопернику. Народ стал отступать, образуя почти правильный круг. Судный поединок чести начался.

Бэйзи первым пошел в атаку. Его удары были очень быстрыми и меткими, но, тем не менее, он быстро выдыхался и был вынужден переходить из атакующей стойки в оборонительную. Юрки наоборот, бил с отдачей и наповал. Два удара в цель — хук и апперкот, и Бэйзи оказался на земле. Удары Юрки были сокрушительными для человека, но даже самый тщедушный из морферимов может похвастать невероятной выносливостью. Уже через мгновенье Бэйзи снова был на ногах. Снова бойцы закружились в схватке. Бэйзи снова пошел в атаку, нанося молниеносные удары, но Юрки уже был подготовлен и приноровился уклоняться и блокировать большинство ударов, перепрыгивать через голову противника и перекатываться по земле. Бэйзи попытался свалить Юрки ударом по лапам, но то ли Бэйзи не хватило практичности, то ли этот удар был слишком медлительным, но Юрки увернулся, и сам Бэйзи снова оказался на земле. Лежа, он попытался оттолкнуть Юрки лапами на как можно дальше, чтобы разорвать дистанцию и успеть снова занять оборонительную стойку прежде, чем получит порцию ударов. Но и этот маневр не удался. Юрки поймал Бэйзи за обе лапы, перехватил их поосновательнее, и применил прием, который у людей называется «катапульта», запустив Бэйзи через себя в то, что стояло у себя за спиной. С громким воплем Бэйзи врезался головой в колонну, подпиравшую крышу над входом. Череп Бэйзи проверил бревно на прочность. Оно оказалось прочнее. Бэйзи повис на бревне, вытряхивая из глаз искры, и, пытаясь твердо встать на обе лапы. Он уже с трудом дышал, вывалив язык, и наверняка осознавая, что эту битву ему не выиграть. Вдруг из толпы кто-то с криком кинул к ногам Бэйзи тот самый кинжал Йорвина, который Бэйзи сутки назад отнял у него. Оглушенность Бэйзи как отошла на второй план. Он бросился на кинжал, и вскочил, держа его в руке. С ревом он бросился на Юрки. Это уже было грубое нарушение правил, но Бэйзи это не волновало. Истерично размахивая кинжалом, Бэйзи порезал Юрки запястье.

В этот момент появился Йорвин. Раздвигая одной рукой народ, а другой, держась за шишку на лбу, Йорвин вышел в первый ряд. Один из солдат стражи попытался на него напасть, но, получив промеж глаз, лег на месте. Больше на Йорвина никто не нападал. Все были увлечены поединком.

Юрки удалось поймать Бэйзи за руку, когда он чуть не проткнул Юрки живот. Юрки заломал руку Бэйзи о свое плечо — ладонь Бэйзи болезненно дернулась и выронила кинжал. Ударом локтя Юрки оттолкнул Бэйзи и поднял с земли кинжал. Бэйзи не удержался на ногах и упал. Грозный вид Юрки с кинжалом в руке сбил с него последнюю спесь.

— Стой! Постой, брат, не убивай меня. Я все тебе объясню. Я убил их. Я давно хотел их смерти. Всю жизнь я жил в твоей тени, и мне было мало того, что я имел. Я хотел власти, но знал, что я — последняя кандидатура на должность као, — Бэйзи затрясло. И голос его

задрожал. — Прости меня брат. Можешь делать со мной все, что хочешь. Посадить в яму, выгнать из города, только прошу, не убивай.

— В отличие от тебя, я не братоубийца, — Заговорил Юрки, опуская кинжал. — Нет у меня желания марать о тебя руки. Ты падаль. Мне искренне жаль, что такие ходят по нашей земле, но еще больше жаль, что когда-то я считал тебя членом нашей семьи. У тебя было все, что пожелаешь — достаток, влияние, множество друзей. Танни любила тебя, а что ты с ней сделал? Ты убил ее только из-за простого домысла. А теперь ты убил дядю с теткой. И нас с Зуали ты хотел убить. Чего такого грандиозного дала тебе накидка као, чтобы ради нее идти на все это? — Бэйзи смолчал, тяжело дыша, и глядя в землю. Народ, собравшийся вокруг, загомонил. Морферимы затрясли кулаками и прочим, что было в руках. Сказать, что недовольству толпы не было предела, значит не сказать ничего.

— Я не убью тебя, пусть род решит твою участь, — Заключил Юрки, указывая на толпу у себя за спиной. Затем без предупреждения метнул кинжал в Йорвина, скрестившего на груди руки. Тот отреагировал мгновенно. Поймал кинжал и благодарно кивнул Юрки. Солдаты, удерживавшие Зуали, опомнились, и попрятали оружие. Та стряхнула со своего плеча чужую руку, поправила шаровары, и отошла к Йорвину. Юрки развернулся и взошел по ступеням на порог отчего дома. Йорвин и Зуали присоединились к нему. Бэйзи оказался окружен сотней взбешенных морферимов, которых никто не посмел останавливать. Вскоре по площади прокатились душераздирающие крики Бэйзи, которому жители Яаскелайнена учинили зверский самосуд. Когда вопли Бэйзи стихли, морферимы снова загалдели и заулюлюкали, но на этот раз радостно. Они кричали: «Да здравствует као Юрки!», потрясая над головами оторванными конечностями рыжего предателя, свистя и улюлюкая. Но у нового као был долг не только перед собственным народом. Йорвин ждал помощи от него и от его сестры.

Всего пару часов назад Юрки, Зуали и Йорвин выступили с речью перед всем народом Серого Лиса с речью, касательно их ухода на неопределенный срок. Юрки во всеуслышание объявил имя наместника и распорядился, что если ему не суждено будет вернуться, то сын прокуратора станет полноправным као и будет передавать этот титул своим сыновьям. Разумеется, радости эти известия не вызвали, но, к счастью, народ Серого Лиса с уважением относился к понятиям чужого долга и чести, оттого принял эти новости смиренно.

Теперь, когда Юрки отлучился по своим делам, Йорвин сидел в гостиной дома као, любуясь пламенем самого красивого в Яаскелайнене камина, в блаженном бездельи. Он сидел, покачиваясь на стуле, закинув ноги на кедровый стол. В руке он держал крупный спелый плод репы, от которой отрезал ломтики своим заветным кинжалом, и с хрустом разжевывал. За окном смеркалось, и с улицы в комнату попадал свет ночных фонарей. Там, на той стороне, как ни в чем не бывало, суетился лесной народ, и в сердце Йорвина закралась тоска по человеческим лицам, каждое из которых рассказывало свою историю. В его голове вставали образы детей, играющих на мостовой, добрых стариков, улыбающихся беззубыми ртами, красивых девушек и удалых парней. Но все они были где-то там, в сотнях миль отсюда.

Йорвин не хотел спать, но почему-то его вдруг сморила дрема. Реальность, в которой он находился, вдруг стала незаметно сменяться другой. В этой новой реальности Йорвин не был прикован к телу, а был бесплотным духом, парящим над землей на высоте птичьего полета. Перед его бесплотными глазами начала стремительно разворачиваться история. То, что он годами вычитывал в храмовых исторических хрониках, теперь обрело новый, более красочный и объемный облик.

Сначала Йорвин наблюдал за первобытной человеческой общиной тундр Гестории. На его глазах люди, обмотанные шкурами животных, суетились как муравьи. Йорвина поразили высокие, мускулистые, бородатые мужчины, которые, вооружившись дубинами и копьями с каменными, как у морферимов, наконечниками, загоняли огромного мамонта. Он также восхитился стройной и гордой статью женщин того времени. Кто знает, быть может, и их потомки сохранили достоинства предков.

Далее перед глазами Йорвина предстали коренастые жители подгорных недр, которые в это же время уже овладели техникойковки железа и простейших механизмов. Когда человек активно занимался собирательством и убивал животных камнем да дубиной, в подгорных тоннелях гномов уже горели горны и стучали молоты.

Взор Йорвина переметнулся на древних эльфов. Рядом восседали и драконы, которые появились прежде них всех, и сейчас находились в апогее своего могущества. Огромные, статные, гордые и могущественные драконы наставляли эльфов тонкостям и премудростям магии. И с высоты взора Йорвина эльфы выглядели как дети, которым взрослый на примере настоящей лопаты показывает, как обращаться с совочком. Драконы пока не знают, что пригревают змей.

Ветры перемен зашумели в древесных кронах, и Йорвин перенесся на пятнадцать тысяч лет вперед. На этом периоде человеческая раса разделилась на четыре Великие народности — Суаран, Мидшнит, Норлим и Кедонэй. У каждой был свой язык и своя культура.

Жители Суарана — темнокожие, черноглазые люди с орлиными чертами лица и гордой осанкой. Они облюбовали пустыни на юго-востоке Эрдероса и осели там. Их культура считается самой мрачной и жестокой. Пирамидальные храмы из гранита и минареты до небес не встретишь больше нигде. В стылых глубинах пирамид они проводят ритуальные жертвоприношения таинственному и могущественному Скилосу. Этот жестокий бог обожает жертв женского пола или несовершеннолетних. Суаранцы считают, что чем дольше жертва будет биться в агонии, истекая кровью, тем больше будет удовлетворен великий Скилос, и тем более благосклонен он будет.

Прямо посередине сегодняшней карты мира располагалось государство Мидшнит — сердце людской цивилизации. Эта страна достигла расцвета после того, как ввязалась в войну эльфов с гномами, разразившуюся по вине гномского короля Нустафельдрина, который позволил себе сально пошутить про грудь сестры короля эльфов во время дипломатического визита в их столицу — Альвиал. Гномы при всей их оружейной мощи оказались в меньшинстве и невыгодном стратегическом положении. Король Мидшнита, Нидомир предложил гномам военную поддержку. По завершению этой войны, которая длилась год и восемь месяцев, эльфам была выплачена немалая по тем временам контрибуция, отчасти за счет бюджета Нидомира. Надо ли говорить, что после этого был заключен первый межрасовый политический союз. Он назывался «Дружба вечная, пока зеленеют луга и высятся горы». И до сих пор этот союз крепче, чем гномья сталь. Оба экземпляра этого союза хранятся в золотой раме в тронных залах дворцов в столицах обоих королевств — в Гунгорне и Тартаве. При поддержке гномов, Мидшнит сделал огромный шаг в индустриальном развитии. Уже на следующий год Мидшнит начал колониальную войну по захвату южных земель у коренных жителей — орков. Орки — огромные зеленокожие человекоподобные существа восьми футов ростом, ужасающей физической силы. Эта раса, о которой до этого не знал цивилизованный мир, дала людям такой отпор, что, несмотря на численное превосходство и передовое вооружение, война с орками закончилась лишь через двадцать один год. Мидшнит колонизировал юго — западные территории, но какой ценой! Армия Нидомира сократилась на треть. Военные расходы были так велики, что Мидшнит залез в долги, которые выплачивал сорок лет. Больше с тех пор и до прихода к власти императора Торака в истории Мидшнита не было ни одной войны.

Норлим — родина высоких и сильных людей с белоснежной кожей. Согласно преданиям, именно их предки, снежные обезьяны являются прародителями человеческой расы. По мнению Мидшнитцев, норлимы являлись варварами. По ярости, с которой они защищают свои земли, с ними могут тягаться разве что орки. Десятилетия норлимы делили границу с кочевниками с крайнего севера. Конфликт этот длился поколение за поколением, но в конце концов, когда пролитой кровью можно было заполнить море, кочевники свернули шатры и ушли восвояси. С тех пор о них ничего не было слышно, разве что путешественник, отправлявшийся в те снежные пустоши, не возвращался. Тем не менее, агрессивно защищая свои границы, Норлим никогда не посягал на чужие. В странах, с которыми он граничит, Норлим ассоциируют с наковальней, валяющейся на дороге. Лежит себе, никого не трогает, разве что обходить приходится. Но поднять и оттащить — дашь грош. Большую часть территории, на которой жили норлимы, унаследовали их потомки, и назвали Гесторией. Их языческая культура, почитающая силу меча и руки, в некоторых уделах сохранилась с тех времен практически без изменений.

Кедонэй — самое таинственное из всех людских государств. Закрытая ото всех

остальных стран Шадогарским горным хребтом, эта развивалась своим собственным путем. Ее история уходит корнями чуть ли не глубже норлимской. Непонятно, откуда они взялись, и кем были их предки. Совершенно ясно, что кедонейцы отличаются от остальных людей. В первую очередь внешними чертами. Также, у них свои, неповторимый по богатству и сложности язык и письменность, состоящая из более ста тысяч иероглифов. Старинные физические и духовные практики, а также боевое искусство Таг — Табо позднее прославили Кедоней на весь мир. Любой мирный путешественник, сумевший преодолеть туманные горные выси, мог обучиться этой технике в городке Юльсэ, находящемся рядом с монастырем. Всего за пару месяцев можно овладеть азами этого искусства. Полное обучение занимает куда больше времени. Десять лет — вот это уже кое-что. Адепт Таг — Табо, отучившийся десять лет, и прошедший экзамен, мог называться мастером. Философия кедонейцев, а также их боевое искусство построено на основном принципе табоизма, что Бог есть Добро. А Добро должно быть без предрассудков и с кулаками. Примечательной чертой Кедонэя является то, что в его истории никогда не было гражданских войн. Географическое положение защищает его от иноземных посягательств, и ничто не указывает на то, что Кедонэй когда-либо предпримет их сам.

Период относительной стабильности продлился еще девятьсот лет и завершился рождением в Мидшните принца Торака. С детства принц жил мечтами объединить Эрдерос под эгидой единого государя. Он сутки напролет проводил в библиотеке, изучая историю мировых войн. Анализировал стратегические недостатки проигравших и приемы победителей. Однажды он обратился к отцу с предложением пойти войной на соседние государства. Но отец ответил твердым отказом. Тем более, то рвение, с которым Торак настаивал на начале войны, разозлило его отца, и у них случилась ссора. Торак воспринял ее так остро, что подготовил заговор. Ему не терпелось покорить мир, а отец был для него помехой. И вот однажды за ужином король погибает жертвой заговора от смертельного яда. Но при дворе была распущена весть, что король подавился рыбьей костью.

Не успели похоронить старого короля, как Торак идет войной на Суаран. Эта война не была долгой. Юго-восток был покорен за семь месяцев. Но Мидшнит запомнил эту войну как полную ужаса. Суаран защищался изо всех сил, пуская в ход все, чем был славен его народ. На полях боя свирепствовали чудовища, призванные из самых глубин преисподней. По ночам на шатры неприятеля суаранские колдуны спускали плотоядных мух, сеющих проказу и неизлечимый тиф. После взятия Суарана солдат умерло больше, чем погибло в сражениях.

Оправившись от захвата Суарана, Торак, нарекший себя императором, идет войной на непреклонный Норлим. Зная, какая молва ходит об этом народе, император Торак решает вышибить клин клином. В этой войне на поле боя выходят рабы — орки. Их боевая мощь, и животное жизнелюбие, вкупе с оружейной мощью людей императора помогли им прорваться вглубь страны и захватить столицу Норлима — Мьёлхайм. Но жертвы были огромными даже со стороны орков. Непрерывающиеся сражения длились почти год. Битвы полыхали за каждую деревню, холмик, речушку, за каждую улицу, но в конце концов, Империя водрузила свой флаг в сердце Мьёлхайма. С этой даты также берет начало Новое Летоисчисление.

Окрыленный победами, Торак продолжает движение на северо-восток, осваивая ранее дикие земли. Его путь заводит его в непролазные глуши, наполненные зверьем невероятного размера, а также совершенно невиданными тварями. А в самой глубине этого жуткого леса

люди императора обнаружили неизвестную доселе расу полу — людей, полу — зверей. Лесные жители встретили людей чрезвычайно враждебно, засыпая летящими из ниоткуда стрелами и несокрушимыми воинами, сметающим все на своем пути. Никакой численный перевес не мешал людям находить там свою смерть, пока однажды в голову к одному талантливому генералу не пришла беспрецедентная мысль: «Не можешь победить — возглавь». Вместо того, чтобы ломиться к ним с мечом и щитом — пойти на мирный контакт с дарами. Этот ход сработал. Лесные нелюди опустили оружие и даже согласились выслушать. Они назвались Морфериам. У них был примитивный язык, переговоры велись с трудом. Посланцы императора попросили разрешения исследовать лесные земли и оставить в поселениях своих людей, зная, что им ничто не угрожает. Морфериам согласились, но при условии, что люди оставят оружие за стенами поселений. В обмен люди подарили морфериам (как они их называли) формулу стекловарения, домостроения, железные инструменты и имперский язык, который довольно быстро распространился среди обоих звериных кланов, став вторым народным.

Пока людская Империя развивалась и процветала, то в не людских цивилизациях все было не так безоблачно. Один из самых могущественных драконов, из тех, кто занимался наставлением эльфов, Кайлур из Вакхрисалу имел неосторожность поведать им о еще некоторых видах магии, помимо природной. Это была запретная магия Света и Тьмы. Разумеется, запретный плод сладок. У эльфов возник непередаваемый интерес именно к этой области магического знания, но как они ни уговаривали драконов поведать им больше, им не удалось добиться от них ни слова.

Бросив тщетные попытки выведать у драконов вожаемое знание, эльфы поставили себе цель, во что бы то ни стало научиться магии Света и Тьмы. Отныне драконы больше не были их покровителями и учителями. С этих пор эльфы смотрели на них искоса и с презрением. В их коварных умах зрели планы достичь невероятного могущества и возвыситься над всеми расами Эрдероса. В том числе и над драконами. Несмотря ни на что.

Эльфы разослали своих лучших чародеев в дальние дикие земли проводить испытания новых магических формул, призванных ослабить или вовсе погубить даже самых могущественных из живых существ. Последствия этих экспериментов до сих пор выносят те, кому не посчастливилось родиться в тех краях. Те же кто остался в обители драконов, тоже сложа руки не сидели. Ежедневно, под покровом мрака проникали они в древний драконий Зал Знаний. Страхась шорохов и теней, они исследовали древние скрижали, на которых драконы отобрали всю мудрость, накопленную за неисчислимыя века своего существования. Зал Знаний был самым величественным и самым обширным из всех хранилищ знаний, когда-либо существовавших в этом мире. По меркам смертных, не один земной срок занял поиск сокровенных записей в Зале Знаний. Но, в конце концов, эльфы добрались до вожаемого.

Даже овладев всеми видами магии, эльфы были слабее драконов, которые пока не знают, что эльфы точат на них не только зуб, но и нож. Точилом для этого ножа стали сведения о том, как подчинить живое существо силе света или тьмы. Эльфы недолго думали, как обратить это себе на пользу. Все так же тайно, эльфы стали проникать в жилища драконов, в их святая святых, где дожидались своего часа еще не вылупившиеся из яиц дракончики. Похищая яйца, эльфы без жалости убивали драконов или дракониц, заставших их за этим преступлением. Далее, проводя сложные и длительные ритуалы, эльфы делали яйца либо черными как сам мрак, либо сияющими как солнце. Детеныши, вылупившиеся из

этих «измененных» яиц были всем сердцем преданы своим создателям. Выросшие на идеях превосходства над всеми остальными расами кроме них самих и «эльфов — породителей», драконы Света и Тьмы были идеальным аргументом, чтобы отправить «изначальных» драконов в небытие.

В истории драконов началась кровавая полоса, названная Веком Гибельных Лучей и Теней. Драконы Света и Тьмы, обученные эльфами, начали методичное и безжалостное истребление истинных драконов как расу. Днем драконов истребляли сотни свирепых драконов света, слепящих своим светом перед тем, как убить жертву. Но и ночью драконам стихий было не спрятаться, так как на охоту выходили драконы Тьмы, дети ночи.

С таким террором драконам сталкиваться еще не приходилось. Великий ужас поселился в их сердцах и надежда на спасение таяла. Последние триста драконов собрались на последний совет. На нем был поднят вопрос, что делать. Драконы были в панике и чуть не перегрызли друг друга, но тем не менее, смогли прийти почти к единогласному решению. Было решено раствориться среди смертных мира сего как слеза в океане. Объединенными усилиями драконов был создан артефакт, Рог Даннигала, дающий дракону человеческий облик, и запирающий в нем его силу. В облике человека дракон лишался своих магических сил, за исключением ситуаций, когда его жизнь оказывалась под угрозой. С другой стороны дракона невозможно было отследить эльфу. Только другому дракону, и то, если они столкнутся нос к носу. От драконьего оставался лишь рунический отпечаток на теле, означающий принадлежность дракона к той или иной стихии.

К тому же действие Рога не имело обратного эффекта. Четверо драконов отказались от этой меры. Только те, кто не без причины считался сильнейшими в роду драконов. Среди них был и великий Кайлур Красный, хранитель артефакта.

Эльфы провозгласили себя победителями, но радоваться им пришлось недолго. Увлечение запретными таинствами и мистериями оставило на них несмыслимый отпечаток. Вскоре необратимые изменения затронули их внешний облик. Те эльфы, что посвятили себя созданию драконов света сами стали на них похожи. У них посветлели волосы и кожа. Глаза стали либо небесно голубыми, либо салатно зелеными. В довершение, магия Света стала им лучше подчиняться. Тем же, кто работал над драконами Тьмы, повезло меньше. Пигмент их кожи стал пепельно-серого цвета, волосы и кровь почернели. Глаза стали желтыми и светящимися в темноте. А то мастерство, с которым они управлялись с магией тьмы и разрушения, стало пугать их светлых братьев. Судя по всему, магия, которая не зря зовется запретной, вышла из под их контроля. Род эльфов разделился на два лагеря, и они более не могли жить вместе на одной территории. Тьма пропитала темноэльфов насквозь. Внушал тревогу всегда мрачный вид, темнота в мыслях. Темных эльфов боялись. А там где есть страх, поблизости бродит презрение.

Темные эльфы вместе со своими драконами ушли из Элораса. Сразу после этого светлые эльфы подняли его в воздух и оградили эту землю Багровой Завесой. Так, что никто не мог ее пересечь и остаться в живых. Темные отправились в изгнание. Их сопровождали драконы, которые выполнили то, что от них требовалось, и теперь стали никому не нужны. А темные эльфы, в свою очередь, стали неуклонно терять свой авторитет в их глазах.

И эльфов и драконов гнали из всех городов людей и гномов. Не давали даже заpastись едой и переночевать на конюшне или в хлеву. Тогда темные драконы сами накинудись на своих породителей. Единственное, что они испытывали теперь это ненависть. Ненависть к эльфам, драконам, и всем смертным созданиям. По Эрдеросу прокатилась волна налетов

драконов Тьмы. И это было поистине самая ужасная беда за всю историю Империи людей. Драконы нападали на города десятками. Разрушали крепости, сжигали черным пламенем дома, жестоко убивали людей, разрывали на куски или съедали всех на своем пути. Покидая разрушенный город, они оставляли после себя лишь руины, смерть и тишину.

Спасаясь от ярости темных драконов, эльфы тьмы бросились в рассыпную. Не найдя места на Эрдеросе, часть темных эльфов сели на корабли в северных портах и отправились на поиски земли, которая их примет. Их поиски длились недолго. Уже через несколько дней плавания на пути кораблей появилась земля, покрытая снегом и льдом. Эльфы исследовали эту землю. Как оказалось, это был не новый материк, а всего лишь остров пятнадцати лиг в диаметре. Но под коркой льда эльфы обнаружили вход в пещеру огромного размера. Настолько огромную, что в ней мог поместиться крупный город, или несколько маленьких. Посередине этой пещеры текла подземная горячая река. Поэтому в этой пещере была очень даже высокая температура. Достаточно высокая, чтобы ходить в легкой одежде, несмотря на бушующую на поверхности вечную мерзлоту.

Темным эльфам понравилось это место. Так понравилось, что они осели здесь, и очень быстро при помощи своих научных и магических знаний воздвигли город целиком из камня. Они назвали его Дарготал. В настоящие дни он является одним из самых прекрасных мест в мире. В своей архитектуре он имеет немало сходств с Альвиалом светлого Элораса. Но и отличается он него своей мрачной и печальной красотой.

Другая часть эльфов бежала на юг и скрылась делях непроходимых джунглей Сомакрита. Многие погибли под натиском враждебной флоры и фауны. Но после долгих скитаний выжившие встретили того, кого не ожидали увидеть. В сомакритской глуши жил старый Маликамджес. Дракон — отшельник, ведавший стихией земли. Эльфы спросили его, нет ли способа очиститься от тьмы, на что Маликамджес предложил им свою кровь. Слепленные отчаянием, эльфы приняли этот дар без вопросов и колебаний. Мучительная метаморфоза выжгла всю черноту, однако кровь Маликамджеса возымела свой собственный эффект. Отравленные кровью дракона, эльфы стали вдвое крупнее и сильнее, чем были до этого, но возможности творить магию лишились окончательно. Вдобавок, их кожный пигмент приобрел ядовито-зеленый цвет, что их категорически не устраивало. Мучительно разочарованные эльфы пришли в неопишемую ярость и в ее порыве разорвали старого дракона на части. Перед смертью Маликамджес успел проклясть эльфов никогда не найти выхода из джунглей. Будучи связанными проклятьем, эльфы так и не смогли найти выхода из джунглей еще сто сорок восемь лет, до прихода короля Нидомира со своим воинством. Воинствующий король не поймет, с кем столкнулся, и назовет этих неистовых диких созданий орками из-за низкого грудного рыка «О-р-р-р-рк-х», с которым они идут в атаку, вооруженные дубинами размером с иного пехотинца.

Когда часть темных эльфы покинули на кораблях материк, драконы Тьмы, пресытившиеся разрушениями и убийствами практически беззащитных перед ними людей, решили заняться своими создателями. Пролетая над островом, на котором они поселились, драконы обнаружили следы эльфов, но не обнаружили их самих. Решив, что эльфов тут нет и быть не может, драконы полетели дальше, на запад, но взяли южнее.

Через некоторое время драконы достигли новых берегов. Но на них не было ни одного признака присутствия эльфов. Вместо них на этой земле драконы обнаружили племя варваров, воины которого носили бараньи рога на сыромятных шлемах. Эти варвары преклонились перед драконами Тьмы как перед богами, и от них узнали о существовании

другой земли, богатой мехами и женщинами. Вождь этого племени попросил благословения и наставления у «богоподобных» существ. Неохотно драконы согласились научить их воевать и под руководством «богов», варвары овладели премудростями сталеварения и судостроения. Через четыреста лет драконьего покровительства варвары решились пересечь пролив, позднее названный Борвудским в честь мореплавателя, первым ступившего на земли варваров чейнов и вернувшегося с докладом. Итак, варвары сели на свои посудины и поплыли в том направлении, с которого прилетели драконы. Сами же они облюбовали темную расщелину в горе, расщепленной каким-то катаклизмом, и исчезли в ней.

В это время в Империи, все еще слабой после террора драконов Тьмы, прошла волна восстаний рабов. В этот временной промежуток императором был Йорвин Храбрый или Йорвин Великий, который отличился своими боевыми заслугами во время подавления этих восстаний. Он же упразднил закон о недозволении императору участвовать в битве лично.

Не успел Йорвин подавить все восстания, как с запада на берега Империи высадились варвары — чейны и начали кровавые грабежи. Так мир узнал о существовании земли за пределами Эрдероса. Свирепые варвары под предводительством Гарзулы Пилозубого на удивление успешно пробили себе дорогу на юго-восток. В битве при Джункшоне орда чейнов разбила Имперский легион, убила императора и осадила столицу — Тартаву. Эти события, датирующиеся тысяча девяноста восьмым годом по Н. Л. положили конец агонии Империи, простоявшей, к сожалению, не так уж долго.

Территории, входившие в ее состав, разделились на четыре крупных государства и пять маленьких королевств. В каждом из них было выработано свое законодательство, имеющее общие черты с законодательством Йорвина. Три из этих государств отказались от рабовладельческого строя и перешли к феодальному. Браннланд сохранил все союзнические договоры с гномами Объединенного Подгорного Королевства, оставив во главе нового государства наместника — гнома до той поры, пока Верховный Консулат не созовет совет, на котором изберут нового короля. Уже в следующем году удалось выставить чейнов из Джункшона и Тартавы, а затем рассеять орду Пилозубого, погрязшую в разврате и пьянстве.

Консулат медлил, и многие крупные феодалы начали роптать. Их отнюдь не прельщала перспектива быть подвластными правителю, кого больше беспокоят дела подземные, нежели судьбы тех, кто живет на поверхности. Пригрозив наместнику Кизельдельфу переворотом, лорды потребовали от него независимости. Скрипя зубами, Кизельдельф уступил, но политическое и индустриальное покровительство гномов свободные феодалы потеряли. Имея под боком пример того, как делать не надо, дворяне независимых графств немедленно созвали синод, где избрали королем наиболее достойного. Новое государство нарекли Глимкар.

На руинах Империи осталось темное пятно. Земли, которые ни один из королей не хотел принимать под свое крыло. Огромный участок суши отравленный древними проклятиями тех, о ком уже не помнят, остался безхозным. Земли туманов и болот. Земли мифов и легенд, о которых вещают лишь шопотом. Небельфлек, где каждый мальчишка мечтает побывать, но ни один здравомыслящий не пожелает жить, навсегда остался на обочине истории, привлекая лишь безмозглых искателей приключений и бесстрашных авантюристов.

При поддержке гномов, в тысяча сотом году король Браннланда, Вигор Первый, организует колониальное плавание на северо-запад и захватывает полупустой остров, с которого приплыли чейны и нарекает его Чейнстарком. С этих времен и до сих пор

политическая картина на Эрдеросе остается без изменений.

Снова перед глазами Йорвина как песчаный вихрь пронесли два века, и он перенесся в свое родное время, в начало месяца первых сугробов года тысяча триста пятнадцатого по Новому Летоисчислению. Полет свой он начал с восточных берегов Кедонэя, не знавшего порабошающего касания Империи. Он увидел и восхитился великолепной архитектурой кедонэйских дворцов с причудливыми изгибающимися кровлями, понаблюдал за тренировкой воинов в масках с устрашающим оскалом, сражающихся тонкими и длинными, чуть изогнутыми мечами, и кажется, даже почувствовал притягательный аромат блюд восточной кухни, но вдруг развернулся в сторону запада и полетел быстрее звука. Под ним промелькнули Шадогарские горы, известные глубиной своих ущелий и простерлись леса, чуть покрытые снегом лесные дебри, которые к северу редели, а далее вновь густели, но это были уже темные леса Оторофельда, скрывающие самые мрачные тайны природы. Посреди этого леса как два огромных муравейника расположились города Яаскелайнен и Вахванен. Йорвин опустился так низко, что ему больше не приходилось смотреть сквозь гущу оторофельдской хвои. Вдруг Йорвином овладел какой-то детский интерес, а может ли он посмотреть на самого себя? Он опустился на землю и по изгибам улиц медленно (то есть относительно медленно) поплыл в сторону центра. Прохожие с криками бросались от него в стороны. «Неужели они меня видят?» — подумал Йорвин. Подлетев к дому Юрки, фантом Йорвина заглянул в окно и увидел самого Йорвина. То есть его тело. Бесчувственный Йорвин выглядел как самая обычная марионетка, только без ниточек. Он так и сидел на этом стуле, с ногами на столе, склонив голову вниз и чуть набок, волосы закрывали его лицо, и было видно по колышущимся прядям, что Йорвин спит крепким сном и дышит ровно. Левая рука болталась как плеть, а на полу возле нее лежал кинжал. Правая лежала на животе и сжимала недоеденную репу. Фантом Йорвина беззвучно засмеялся, глядя на свое дрыхнущее тело, и немного подивился длине собственных ног со стороны. Бросив раздумья, фантом проник сквозь окно, и на всей скорости ворвался в тело самого себя.

Йорвин вскочил, чуть не выронив репу, как будто за его спиной ударили в колокол. Он посмотрел в окно. Морферимы на улице были чем-то очень обеспокоены. «А сон ли это был?» — прозвучало в голове Йорвина. И так, как ответить на этот вопрос некому, он решил выкинуть его из головы.

В прихожей усадьбы послышались какие-то звуки. Йорвин потянулся за валяющимся на полу кинжалом и подобрал его двумя пальцами. Через секунду а дверях гостиной показался Юрки. На волосах у него был снег.

— Кажется, наверху метель, — заговорил Юрки. — Снега накопилось столько, что местами он продавливает хвою и падает огромными комками вниз. Как бы кого не завалило.

— Раз такое творится зимой, страшно представить, что будет весной. — Йорвин отрезал еще один ломтик.

— О, да. Весной заплаваем. Несколько недель, без переставу, будет лить так, что все мытые ходить будем, — Йорвин кивнул, разрезая репу.

— А сколько тебя не было? Знать бы время.

— Время? День, — ответил Юрки, взглянув в окно.

— Понятно, — произнес Йорвин и вздохнул. — Ты все сделал, что хотел?

— Да. Иоли согласен, ведь я его друг и као. Я объяснил ему все положение дел. Сказал, что от него потребую и что допущу. Думаю, из него получится хороший эскра. Еще я распорядился подготовить нам провизию, оружие и одежду в соответствии с твоими

указаниями. А на обратном пути заскочил на курган к отцу и маме, — Юрки повесил меховую накидку на крючок и уселся в хозяйское кресло с отверстием для хвоста, рядом с камином. — Послушай, не раскачивайся ты лучше на этом стуле, а то мало ли, с твоими-то размерами.

— С моими размерами полный порядок, — На одной ноте пробубнил Йорвин, нажевывая репу.

— Твое дело, но если грохнешься, не вини ни стул, ни меня, — Йорвин кисло посмотрел на Юрки и вернулся к репе.

— А где Зуали? — спросил он.

— Не знаю, как у людей и драконов, но у нас женщины очень любят поболтать с подругами, если долго не виделись. Особенно, если вскоре отправляются в долгое, далекое и опасное странствие, — Йорвин, тихо прыснув, покивал.

— Скоро мы уйдем, и не знаю, вернемся ли. А ты так толком и не рассказал, в чем собственно, дело. Что с тобой сделали те, кого ты ищешь?

— Прости. Я должен был. С моей стороны было бы непростительно не рассказать. — Йорвин перестал резать репу, и тяжело вздохнув, начал свой рассказ. — Это случилось тридцать пять лет назад. Тогда я был кузнецом...

И Йорвин поведал Юрки всю историю. Начиная от страшной находки на месте своей деревни, и до того момента, как попал в руки к морферимам. Разумеется, он умолчал о том, кто такой Сиртама, и куда они направлялись и зачем.

— ... И теперь, покинув свое пристанище в горах, я заблудился в этом лесу. На свое счастье, — добавил он, и тень улыбки скользнула по его лицу.

— Сочувствую тебе, друг. Твоя утрата невосполнима. Тебе пришлось всю жизнь начать сначала. Но позволь спросить, почему ты так долго ждал, прежде, чем отправиться на поиски возмездия.

— Дело тут не в возмездии. Все эти годы я размышлял, сидя в высокой башне, что же я такое, ради чего некоторые готовы уничтожать целые поселения. Я думал, это приблизит меня к пониманию того, кто мой враг. Но познания мои о мире были жестко ограничены, пока я сидел в безопасном укрытии. И я понял, что истину надо отыскать самому. При этом я четко понимаю, что враг мой могущественен и он не остановится, пока я жив. А значит, будут новые жертвы, пролитая кровь и разрушенные жизни. Теперь, когда разум мой остыл, я понял, что готов выступить навстречу своей судьбе. Пробил час покончить с этим. Или погибнуть в борьбе.

— Тогда мы с тобой, друг, — сказал Юрки и протянул Йорвину руку. Тот крепко пожал ее. — Все приготовления сделаны. Когда можно будет выступить?

— Да хоть сейчас, — ответил Йорвин и разрезал пополам остатки репы. — Но не раньше, чем я доем.

Когда ночной мрак Оторофельда сменился утренним полумраком, Йорвин, Юрки и Зуали выступили в свой поход. Многие морферимы вышли проводить своего нового юного као, так скоропостижно сложившего свои полномочия. Морферимы смотрели на Юрки торжественно и печально. Некоторые помнили его совсем маленьким, а теперь были вынуждены с ним проститься. Возможно, навсегда.

— Мой господин! — Раздалось сзади. Юрки и остальные обернулись. За ними со всех ног бежал морферим из клана Черного Волка. Одет он был в жилет на медвежьем меху, дубленые кожаные штаны, сыромятные наручи и плащ из вульферга. Впрочем, подобающе для долгой прогулки в холодном климате. Догнав Юрки, морферим бухнулся на колени.

— Господин Юрки... Мой као... — Заговорил он, задыхаясь. Видимо, бежал издалека и в большой спешке.

— Постой, — остановил его Юрки. — Отдышись, а потом говори.

— Да, мой... — пробормотал морферим, вываливая из пасти язык.

— Постой-постой, друг, я не твой као. Твой повелитель — дао Вахванена.

— Вы не поняли. Я был одним из тех, кто приходил за жизнью вашего отца, — Эти слова вызвали волну, прокатившуюся по толпе провожающих. Волну негодования и гнева. Стражники, также провожавшие Юрки до ворот, ощерили копыя.

— И ты имеешь наглость появляться в моем городе и что-то требовать от меня? Прочь! Лисан, хватай его!

— Нет — нет, выслушайте. Мне очень жаль. Я... Я не думал что мы всерьез будем его убивать. Думал, мы только покажем ему, что с Бэйзи надо считаться. Поверьте, я не хотел его смерти.

— Хочешь сказать, ты убил моего отца, не понимая, что делаешь? — Голос Юрки задрожал. Казалось, он сейчас сорвется.

— Нет! Я пальцем его не трогал. Я только выносил из дома Вашу сестру, чтобы бросить в яму, — Сказав это, морферим сильно ударил себя кулаком в лоб. — Пожалуйста, поверьте. Мне очень жаль. И я всем сердцем хочу загладить свою вину.

— Да? — нарочито изумленно крикнул Юрки. — Хм, и как же?

— Сопровождать вас в вашем походе. И при случае отдать за Вас жизнь.

— И что я, по-твоему, должен ответить? Да, иди с нами, убийца моего отца! Иди с нами, и быть может у тебя будет возможность перерезать и наши глотки, пока мы спим!

— Я не убийца. И не желаю знать тех, кто сподвиг меня на участие в этом. Если хотите, я назову имя того, кто занес нож на као Оярви.

— Назови, — сказал Юрки, но уже спокойно.

— Моронни, — Почти прошептал морферим, с надеждой глядя на Юрки. Тот кивнул лисану Кагорри, и он отправился в Вахванен на поиски убийцы, прихватив несколько солдат.

— Ты знаешь, — Юрки сложил на груди руки, — Мой отец умел определять лжецов и мухляков одним взглядом. К сожалению, я не унаследовал этой способности. То, что ты так смело сдал своего подельника вызывает у меня немалые сомнения относительно тебя. Поэтому, я спрошу у других, стоит ли тебе верить. Сестра, что ты думаешь? — Зуали, отродясь не видевшая такого всплеска эмоций у брата, обомлела на месте, и теперь, будучи

не в силах отвести взгляд от горящих глаз Юрки, совсем растерялась.

— Я... э-э-э... да, — пробормотала она.

— Хм, а ты, Йорвин, что думаешь?

— Ты знаешь... — подбоченился Йорвин, — Людям, да и не только людям, свойственно совершать ошибки. И я глубоко верю, что нет такого преступления, за которое нельзя дать хотя бы один шанс на искупление. Конечно, я не утверждаю, что мы можем ему безоговорочно верить, но тем не менее... В общем, я не против, — В глазах морферима появилась искорка надежды.

— Мои друзья тебе верят, так что поверю и я. То есть постараюсь поверить. А ты постарайся оправдать наше доверие. Как твое имя?

— Эйнари, господин, — Радостно сообщил морферим.

— Знай Эйнари, твоя просьба услышана и принята, — Сказав это, Юрки повернулся к толпе. — Но не думайте, что преступление останется безнаказанным, — Юрки достал один из своих клинков, искусно выточенных из куска камня, и отрезал у Эйнари его длинные волосы, заплетенные в косу, которая кончалась огромным узлом.

— Теперь, — Юрки убрал оружие в ножны, — Ты можешь считать себя условно прощенным, Эйнари, сын Черного Волка, — Эйнари смотрел на валяющуюся в луже косу отстраненным непонимающим взглядом. Казалось, он не верил в то, что только что с ним случилось. Волосы для морфериам священны. Они считаются индикатором прожитых лет и накопленного жизненного опыта. Мудрейшие и старейшие в клане всегда имеют волосы до земли. Если морфериам совершает преступление против своего рода, то все его заслуги прожитых лет обнуляются. Преступник не может считаться равноправным членом рода. На многие годы он остается несмышленным дитенышем, которому нельзя поручить сколько-нибудь ответственное дело или доверить сколько-нибудь ценную тайну, даже если он понесет наказание за свои проступки.

— Как тебе угодно, — поникшим голосом произнес Эйнари.

— В путь! — скомандовал Юрки, и свита отправилась дальше, увеличившись на одного члена.

— Мы отправляемся в опасное путешествие, — заговорил Юрки с Эйнари. — И наверняка нам придется не один раз убивать. А у тебя, как я погляжу, нет никакого оружия.

— Я не воин и не охотник, — ответил тот. — И оружия у меня нет. В крайнем случае, я вступлю в битву голыми руками, и загорожу вас своей грудью от враждебных стрел.

— А чем ты занимался до того, как встал на кривую тропинку?

— Я был строителем, — ответил Эйнари и умолк.

— Не особо полагайтесь на свое оружие, — Йорвин оглядел ножны Юрки профессиональным взглядом, — Для ваших краев оно, может, и сгодится, но за пределами этого леса от него будет мало толку. В мире, где правит сталь, камень быстро проиграет битву. При первой возможности я сделаю тебе новые клинки, Юрки.

— Ты можешь? — Спросила Зуали.

— Я же был кузнецом, — повторил Йорвин, косо стрельнув глазами на Зуали.

Зуали взяла самый большой тюк с поклажей, и глядя, как она тяжело поправляет ремень на плече, Эйнари не выдержал:

— Госпожа, позволь понести твою суму. Я вижу, тебе тяжело.

— О, ты так мил! — Растаяла Зуали, вручив Эйнари свою ношу. Эйнари не был самым крупным из своего племени (он был незначительно выше Йорвина), и самым сильным не

был, но с завидной легкостью взвалил огромную для Зуали суму себе на плечо.

— Зу, что у тебя там? — спросил Йорвин.

— Да так. Еда, вода, несколько запасных тетив для лука, плитка для жарки яиц, мешочек латок на случай, если нас кто-нибудь подерет, веревка и другие важные мелочи.

— С тобой не пропадешь, — с улыбкой заметил Йорвин.

На выходе из города отряд обернулся и в последний раз поднял руки на прощание. Ворота города медленно закрылись, и путники отправились через чашу на юг.

Морферимы шли только им ведомыми тропами, которые непривычный глаз Йорвина едва мог заметить. На его удивление, лес был как будто пуст. Спустившись с гор, и войдя в лес, Йорвин всей кожей ощущал движение жизни в Оторофельде, несмотря на то, что многие звери впали в спячку. Сейчас же кроме глухого шелеста хвои над головой и хвоста хвороста под ногами никаких звуков не было. Оторофельд как будто умер. Путешественники шли через лес до самой глубокой ночи, пока даже морферимы не перестали видеть землю под ногами. Йорвин разжег костер, и было решено поставить Эйнари первым на часы. Йорвин, Зуали и Юрки уселись, прислонившись к стволу сосны и друг другу, дабы сберечь тепло. Эйнари сменил Юрки, а затем Йорвин встретил сумеречный рассвет.

Таким образом, Йорвин с морферимами шли через лес на юг шесть суток. Йорвин про себя удивился, насколько же глубоко в лесу находится поселение Юрки. Около полудня седьмого дня перехода, лесная гуща закончилась. В глаза забил белый свет дня. Йорвин успел от него отвыкнуть, а морферимы и вовсе видели его чуть ли не первый раз в жизни, поэтому, выйдя из под тени деревьев, болезненно схватились за глаза. Довольно долго они не могли открыть глаз, не зажмурив их от нестерпимой рези. Йорвин быстрее всех свыкся с новыми условиями, и с довольным видом огляделся. Неудивительно, что морферимам так тяжело, ибо все было белым бело, куда ни кинь взгляд. Землю покрыли свежие сугробы глубиной почти по колено. Над головой простиралось не менее белоснежное небо. Настолько безупречно белое, что отвыкшему от света взору практически невозможно было определить, где пролегает горизонт. Йорвин мог бы и вовсе потерять чувство ориентации, кабы не редкие участки лесополос вдалеке, да кое-где выглядывающая из сугробов жухлая трава.

Когда морферимы привыкли к белоснежному мареву, путники продолжили поход. Теперь вопрос о направлении был адресован Йорвину. Тот, имея некоторое представление о географии здешних краев, выбрал юго-западное направление. Его целью теперь было добраться до дороги, а уже после — до первого крупного города, в котором живет много людей, и ползает много слухов и сплетен. А к городским сплетникам у него было много вопросов.

Йорвину повезло. На дорогу они вышли через пару часов. Но назвать ее дорогой язык едва ли повернется. Скорее, это была проселочная тропка, подзаметенная снегом. И тут только до Йорвина дошло, что он допустил один, но очень значительный просчет в своем плане. Когда скрывшееся за облачной пеленой солнце зайдет, на землю опустится тьма, и они не смогут идти дальше. Разжечь в чистом поле костер среди сугробов они вряд ли смогли бы. Единственный их выход — это попросить ночлега в ближайшем людском селении. Но как отреагирует деревенский крестьянин на явление трех звероподобных существ, пусть разумных и говорящих на всеобщем наречии. Но выбора не было. Если они останутся ночевать под открытым небом, то вряд ли доживут до утра.

Вскоре за деревьями показались столбы дыма от деревенских печей, и силуэты хижин.

Йорвин повеселел, и в то же время выросла тревога. На подходе к хутору Йорвин велел морфериам натянуть как следует капюшоны, чтобы не бросались в глаза их звериные морды, и, по возможности, держать руки в карманах.

Йорвин, сделав как можно более дружелюбную физиономию, обратился к мужику, рубившему дрова, и спросил, что это за селение. Тот посмотрел на него снизу вверх, косо глянул на морферимов, с головы до пят закутанных в меха, и как будто зябко ежившихся, почесал шапку и принялся дальше колоть дрова. Как выяснилось деревенька, в которую забрели Йорвин с морферимами, называлась Двулесьем, так как находилась аккурат между сосновым лесом и смешанным перелеском. Йорвина эти вести обрадовали. Они вышли из Оторофельда западнее, чем он думал, и как раз в шести часах пешего хода от Двулесья находится крупный город Гвантан, немного уступающий Митриуму в размерах. Туда-то и лежит их путь.

Один вопрос был разрешен, остался еще один, не менее важный. Где они будут пережидать грядущую ночь?

Двулесье было небольшой деревенькой. Через нее проходила большая улица, разделяющая деревню надвое. Йорвин выбрал самый большой дом по левую руку и постучал в дверь. Через некоторое время ему открыла женщина лет сорока — сорока пяти с большими серыми глазами. На ней был домашний поношенный сарафан и кухонный фартук. Йорвин приветствовал ее вежливой улыбкой:

— Здравствуй, добрая госпожа. Не найдется ли у тебя в доме места для четырех уставших и замерзших путников. Мы не будем тебя долго беспокоить, и на рассвете уйдем, — Женщина, поняв, что от нее что-то хотят тут же приняла властную позу и подбоченилась.

— Вы знаете... — начала она, глядя Йорвину в лицо, — У меня нет гостевой комнаты и лишних кроватей тоже нет. А если вас еще и кормить придется, то несогласная я. Мне мужа с сыновьями хватает. Я и так кручусь целыми днями как белка в колесе, а если ко мне еще несколько ртов пожалуют, то вконец умом двинусь.

— Нет-нет. Кормить нас не надо. У нас достаточно своих припасов. Нам нужно только теплое место, чтобы переждать ночь.

— Да? — деловито подбоченилась женщина. И тут ее взгляд устремился на Эйнари, стоявшего за правым плечом Йорвина. Женщина заметила чрезмерно волосатые руки прищельца, а самое главное — из-под меховой накидки выглядывали не человеческие ноги, а звериные лапы. Под капюшоном же воздух потягивал здоровый черный нос.

— А-а-а-а! Чудище! — завизжала женщина, со всех ног кинувшись внутрь дома. — Браким! Тащи арбалет! — Браким появился очень быстро. Взявшийся буквально из ниоткуда, по пояс раздетый мужик, с разгона ударил ногой Йорвина в живот. Тот отлетел и упал на землю. Браким же, не медля ни секунды, направил взведенный арбалет на Юрки, ринувшегося на помощь Йорвину. Эйнари, стоял сбоку от Бракима, и тот его не успел заметить. Схватив оружие, он попытался вырвать его из рук Бракима, но тот держал крепко. Заряженный арбалет выстрелил, и болт попал Эйнари в плечо. Тот взвыл от боли и выпустил Бракима. По счастью, у него был самодельный однозарядный арбалет, и теперь он был разряжен. Йорвин поднялся, в мгновение ока подскочил к мужику, сделал несколько очень быстрых ударов пальцами по его нескольким точкам на его торсе, и толкнул ладонью. Браким улетел обратно, в дом, рухнул на пол как мешок с песком, и больше не шевелился.

Испуганная женщина бросилась к лежащему мужу:

— Браким! О, Илтрис Всемогущий, Браким, они что, убили тебя что ли? Браким! — Вдруг испуг женщины сменился гневом, — Ах вы, сволота богопротивная, вы убили моего мужа! Чтоб вас вшами обсыпало! Тьфу!

— Мы не убили его, он парализован. Через несколько часов он придет в себя.

— Убирайтесь отседова! И чтоб мои глаза вас больше не видели! Тьфу!

Плюнув еще раз, женщина гневно хлопнула дверью. К Йорвину эхом вернулась боль от удара в живот, и тут он вспомнил про Эйнари, который уже порывался вытащить болт из своего плеча.

— Не трогай! — Рывкнул на него Йорвин, — Если вытащишь эту штуку, то истечешь кровью.

Йорвин перебежал на другую сторону улицы, и постучал в первый попавшийся дом.

— Откройте, пожалуйста, мой друг ранен, — Некоторое время никто внутри не подавал признаков жизни. Йорвин некоторое время подождал, а затем постучал снова, но громче на этот раз. Вскоре с той стороны раздались неспешные шаркающие шаги. Дверь открыл маленький согбенный старик с тростью.

— Кто-то ранен, говорите? Ну, заходите, — Йорвин заметил, что старик смотрел ему в грудь, возможно, он был слеп. Йорвин призывно махнул рукой остальным, и те зашли в дом. Сам он зашел последним и затворил дверь.

— Ну, рассказывайте, что там случилось с вашим другом? — Старик медленно, прощупывая тростью путь, зашаркал к своему креслу, — Он что, ввязался в потасовку? Я слышал, как там творился какой-то бедлам. Что вы там накуралесили?

— Мы постучали в дом напротив, — Сказал Йорвин. — Попросили приюта на ночь, да только хозяин нас не так понял.

— А, Браким опять буянил, — Старик сел в свое кресло и прокашлялся. — Было дело, слышал я, как он кого-то лицом в навоз окунул. За что не знаю, но орал он долго и сильно. Такой уж у него нрав. Буйный. Я уже семь годов ничего не вижу, зато слух у меня сделался прекрасный.

— Зу, у тебя есть что-нибудь типа жгута? — спросил Юрки.

— Конечно, есть. Сейчас... откопаю.

— побыстрее, если можешь, — сказал Юрки, и что было силы, дернул болт. Эйнари взвыл.

— А вашего друга сильно покоцало. Он аж одичал от боли, — Покачал головой старик. — Нет ничего срамного, в том, что Браким вам наподдавал, хоть вас и больше было. А, кстати, сколько вас тут?

— Четверо, — ответила Зуали, копаясь в своем мешке. Затем извлекла оттуда вязанную из мха детскую рубашку Юрки и разорвала надвое.

— Он, даже как, — снова заговорил старик, — Слышал я, рассказывали, будто Браким медведя голыми руками заборол. Правда это, али нет, но мужик он крепкий.

Связав обрывки рубашки узлом, Зуали обернула повязку вокруг раненого плеча Эйнари и крепко связала. Эйнари застонал.

— Эй, это же моя рубашка была! — очнулся Юрки.

— И жена у него стерва, — добавил старик.

— А ты в нее влезешь? — спросила Зуали брата.

— Э-э... нет.

— Ну тогда зачем она тебе теперь? — Юрки с грустными глазами осел на пол.

— Какие-то у вас голоса странные, — почесал бороду старик. — Вы, часом, не больные?

— Быть может, — поспешил ответить Йорвин. — Мы в дороге уже много дней, и до сих пор не имели удачи погреться у теплого очага. Позволь нам, добрый человек переждать здесь ночь. А завтра мы уйдем.

— Конечно, позволю, — ответил старик, улыбаясь беззубым ртом. — Куда я вас четверых на мороз выкину, да еще и с раненым? Оставайтесь, грейтесь. Меня Борик зовут, а вас?

— Я Йорвин. Со мной пришли Юрки, его сестра, Зуали, и Эйнари, тот, который ранен, — Йорвин нарочно решил умолчать о нечеловечности, собравшейся здесь компании, боясь испугать старого человека.

— Ой, чудные у вас имена. Издалека вы, вестимо?

— В принципе да, и народ там совершенно другой.

— А ты, Йорвин, судя по имени, мой земляк. Вот только говор у тебя не нашенский. Ну да ладно. Давайте перекусим.

С этими словами Борик поднялся и скрылся за печью. Там он разрезал буханку ржаного хлеба на пять кусков. На каждый из них он положил по куску вареного сала. Затем достал из шкафчика кувшин с квасом и разлил по пяти деревянным стаканам.

— Вот, друзья, яствуйте, — с улыбкой сказал он, неся поднос, на котором разместились кушанья.

— Ой, вы же упадете, дайте я вам помогу, — перехватила поднос Зуали и поставила его на столик. Затем принесла старику его трость из-за печи.

— Благодарствую, дочка, — сказал Борик, пододвигая кресло к столику.

Все собравшиеся приступили к трапезе. Йорвин от сала отказался, так как его монашеский пост не позволял ничего мясного и жирного. Вместо этого он поделился салом с раненым. Зато кусок хлеба с квасом съел с удовольствием.

Процесс трапезы происходил под аккомпанемент целого потока звуков, в котором тонуло и чавканье, и хлюпанье опущенных в стакан морд и хруст корок. На морферимов, попробовавших в первый раз квас, было смешно смотреть. Йорвин чуть не подавился, когда увидел, как смешно Юрки подергивает носом и фыркает.

— А вы, друзья, оголодали, — качнул головой Борик, слушая, как морферимы едят.

— Спасибо тебе, хозяин, за хлеб, за соль и за сало. Право не знаю, как тебя и отблагодарить, — сказал Йорвин, когда звуки начали стихать, — Я в толк взять не могу, и как ты один живешь; старый, слепой?

— А с чего ты, Йорвин, взял, что я живу один? У меня есть сын и дочь. Дочь живет через дом, а сын с женой живут на другом конце деревни. Оба ко мне заходят, время от времени, кушанья приносят, прибираются тут, порядок наводят. Бывает, дров наколют. Да воды с колодца принесут. А ты что думал, что я один живу? Хе-хе!

Вдруг Йорвин почувствовал себя, как будто его вот-вот уличат за каким-то неприличным делом, по спине пробежал холодок. Он переглянулся с морферимами. В их глазах было то же самое.

— А по поводу благодарности... — продолжил Борик. — Ничего мне от вас не надо. У меня всего, чего надо, хватает. Помогать другим в трудный час — это вообще главная задача, возложенная на человека Богом. А требовать монету за такой пустяк — фу! Лучше и не растяпять рот на такие темы.

— Совершенно верно, — произнес Йорвин, задумчиво глядя в потолок. — А где твоя жена?

— Старуха моя померла уж одиннадцать годов тому.

— Сочувствую. А от чего?

— От старости. Время ее пришло и... вшить, — Борик сказал это так, будто поведал о мухе, которую пришиб во время очередного похода в нужник.

— Ты скучаешь? — спросил Йорвин

— А то! Не проходит и дня, чтоб я не вспоминал мою Гретку. Но жизнь такая штука. Если не научишься жить без того, что тебе любо, и радоваться тому, что имеешь, будешь мучаться, пока не научишься.

Йорвин смотрел на старика и понял, что восхищается им. Точнее, его непрошибаемо позитивным отношением к жизни, несмотря на многие лишения. Многие люди сетуют на жизнь и клянут судьбу, имея гораздо большее, нежели он. Йорвин давно принял, но только что внял, в чем отличие правды от истины. Борик живет в светлой правде, пренебрегая печальной истиной. Он пережил любимого человека, одряхлел и ослеп, но не утратил жизненной искры, живя тем, что хранит в своем сердце. И Йорвин подумал, что вовсе не обязательно гоняться за истиной. Главное — держаться ее, живя в своей светлой правде.

С наступлением ночи стихли разговоры и все отправились спать. Борик лег в свою кровать, а Йорвин с морферимами расположились вокруг печи. Впервые за несколько дней путники могли более-менее расслабиться. Только Йорвина не покинуло чувство тревоги. И чем глубже ночь, тем больше оно усиливалось. Всю ночь Йорвин проспал с одним открытым глазом. Когда начало светать, вскочил Юрки. Его разбудило то же самое беспокойство, что терзало Йорвина. Юрки и Йорвина печь отделяла от остальных, поэтому они не слышали тихого посапывания мирно спящих. Звонящая тишина давила их со всех сторон.

Тишину нарушил громкий стук в дверь. Похоже, стучали древком какого-то садового инструмента. Все мгновенно вскочили. Йорвин быстрее всех. Он бесшумно подошел к двери и прислушался. С другой стороны раздавались голоса восьми человек, но их вполне могло быть больше.

— Что такое? — испуганно спросил Борик, вставая с кровати.

— Это за нами, — тихо ответил ему Йорвин. — Сидите здесь и не высовывайтесь. Мы сами разберемся. Еще раз спасибо за приют и прощайте.

Йорвин дал сигнал своим быстро и тихо собрать все вещи. Они все сделали, как он велел.

Стук повторился. Но на этот раз стучали не древком, а кулаком.

— Открывай старик! — раздалось с той стороны. — Мы знаем, что енто ты прячешь нелюдей. Отдай их нам, и мы забудем об этом дне.

Йорвин тихо снял засов с двери и поставил поодаль. С той стороны снова застучали. На этот раз сильно, громко и со злобой.

— Отворяй, падла старая, или я тебе эту дверь высажу к черту косматому! Отворяй, говорю!

— Сейчас открою, — ответил Йорвин. Затем взял с пола свою сумку и сильно пнул ногой дверь. Стоявший за ней получил так, что мало ему точно не показалось. Ударом его свалило на землю. Дверь оказалась крепкая. Мало того, что не сломалась, но даже удержалась на петлях.

Стоявшим за дверью, а теперь валяющимся на снегу оказался тот самый Браким. Он

поднялся, страшно ругаясь, и пачкая кровью снег. Кажется, у него был перебит нос.

— Ах, вы сами вышли, — сказал он, поднявшись. В руке у него был здоровенный колун, — Смело, но глупо. Я привел с собой полтора десятка молодцов. Щас мы вас порубим в капусту, в морковку и в сельдерей.

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, — ответил Йорвин. Следом за ним на улицу вышли морферимы.

— Ничего. Щас перепрыгну, — хрустнул шеей Браким. — И гоп и стоп вам покажу.

— Вы хотите нашей смерти, но мы вам не давали на то никакого повода. — Йорвин подошел почти вплотную к Бракиму. Он был здоровым мужиком, но Йорвин возвышался над ним на голову, хоть и был уже в плечах, — Мы лишь проходили мимо, мы шли много дней, и нам понадобился приют. А вы встретили нас вилами, топорами и арбалетами. И, правда. Чего ожидать от людей вроде вас? Вы готовы взять на вилы все, что видите в первый раз, независимо оттого, агрессивно оно или нет. По вашему разумению истина всегда за вами, ведь за вами большинство. Но вам невдомек, что мир велик, что кроме вас есть и другие расы. И у них есть не только свои языки, территории и общество, но еще и менталитет, своя философия и своя история, которая старше и богаче вашей на тысячу лет. Да что я перед вами тут распинаюсь? Вы, наверное, не поняли и половины из того, что я сказал. Расходитесь по домам. Пожалейте свои жизни и свои семьи. Если вы нападете на нас, мы будем защищаться. А это, вы уж поверьте, мы умеем хорошо.

Вдруг из хижины выскочил Борик. Он едва успел надеть штаны, ботинки и шубу.

— А ну-ка убирайтесь отседова, мамкины баловни! И как вам только не стыдно! — Старик кричал, потрясая над головой своей тростью как дубиной, и, наверняка, готовясь пустить ее в ход, — К вам пришли за помощью, согреться попросили, а вы их за это убить хотите? И как вас только земля носит? А ну, проваливайте, или клянусь Илтрисом, я...

Договорить ему не дали. Толстый, рыжий, краснолицый и в стельку пьяный детина огрел старика поленом по голове. Хруст проломленного черепа услышали все.

— Бешеный старый пердун! — Бросил рыжий и плюнул на неподвижное тело Борика, понемногу заливающеее снег своей кровью. Зуали тихо ахнула. На Юрки это произвело эффект удара молнии.

— Ладно нас, но старика-то зачем было убивать? — зарычал он, доставая клинки, — Этот добрый человек вам ничего не сделал. У него даже не было оружия. Забудьте, что Йорвин говорил вам о ваших жизнях и семьях!

Никто и глазом моргнуть не успел, как Юрки подлетел к рыжему и проткнул его каменным клинком насквозь. Йорвин достал из-за пояса тойшен и кинул сумку в сторону.

— О, Табо, надели силой вразумления бич твой, — Прошептал он, берясь за более продолговатую половину, увенчанную стальным набалдашником.

Со всех сторон Йорвина окружили вооруженные вилами, граблями, мотыгами и топорами деревенщины. Но это не было для него проблемной ситуацией. С нечеловеческой скоростью Йорвин обрушил на недругов силу тойшена. Никогда не выдавшие ничего подобного деревенские мужики попросту не могли угадать, откуда на них обрушится удар, и как от него защититься. Боевой стиль Йорвина напоминал безумный динамичный танец. Танец боли и крови.

Юрки справлялся не хуже Йорвина, но в отличие от него, своих противников он щадить не собирался. Одному из напавших он отрубил руку, а затем рассек его от плеча до бедра. Второму проткнул обоими клинками живот, а затем поднял кричащего человека на клинках,

и распорол ему живот поперек. К несчастью для него, он умер не сразу. Упав на землю, он некоторое время пытался засунуть на место вывалившиеся, разрезанные во многих местах кишки. Третий получил тыльной стороной клинка в пах. Когда тот согнулся, выронив оружие, Юрки двумя ударами сзади по шее отрубил его курчавую голову.

Эйнари прижали к стенке двое мужиков. У первого была соха, у второго — коса. Только в качестве оружия они их использовать не умели. Тот, что был с сохой, замахнулся на Эйнари, но тем самым умудрился сломать ставню в окне. От неожиданности оба отвлеклись. В этот момент Эйнари обрушил на голову первому свой тяжелый кулак, а у второго, вцепившись зубами в его запястье, вырвал из рук соху и огрел его ей по спине так, что она сломалась пополам. Но нужного эффекта не случилось, потому что тулуп, в который был одет мужик, погасил весь удар, лишь сбив его на землю. Тогда Эйнари схватил его здоровой рукой за шиворот, и что было силы хватил об бревенчатую стену. Это помогло.

Лук Зуали, выполненный мастерами Яаскелайнена был лучшим оружием дальнего боя, какое только видела земля. Вырезанный из молодого оторофельдского ясеня, с плечами, усиленными лосиными сухожилиями, лук бил далеко и точно. Забравшись на крышу хижины Борика, Зуали расстреливала всех, кто пытался напасть на Йорвина, Юрки или Эйнари сзади. Трое были убиты таким образом, пронзенные стрелами насквозь.

Те, кому повезло попасть под руку Йорвину и остаться в сознании, увидели, какую судьбу приняли их товарищи. Их объял животный ужас, когда они увидели залитый кровью снег и разделанные тела соседей. В панике они разбежались кто куда, оставляя на снегу свои зубы, а некоторые — содержимое своего желудка.

Не убежал один лишь Браким. Получив разок тойшеном по спине, он остался в относительной целости.

— И это была твоя хваленая дружина? — спросил Юрки. В его глазах горела неутоленная жажда крови, — Да ты нас совсем не уважаешь.

— А с чегой-то мне шваль дикую уважать? Таких как вы надо валить. Я начну с тебя, а опосля и твоими дружками займусь.

Чем больше Браким брызгал ядом, тем больше Юрки проникался к нему неким подобием уважения. Ведь Браким мог убежать вместе с остальными, но ему не позволила это сделать не только гордыня. Браким считал себя отличным бойцом, и Юрки решил не убивать его, как всех остальных, а сразиться с ним на равных.

— Можно, я его? — спросил Юрки своих спутников. Все дружно кивнули.

Юрки воткнул один из клинков в сугроб, а другой схватил обеими руками и приготовился.

— Энто что, каменяка? — со смехом поднял брови Браким, затем взревел и кинулся на Юрки с топором.

От первого удара Юрки увернулся, от второго тоже, но это далось ему нелегко. Браким был очень силен, и махал топором с большой для человека скоростью. Затем он пихнул Юрки плечом, и тот потерял равновесие. В этот момент Браким заехал обухом Юрки по лапе, и тот упал на землю, захрипев от боли.

Зуали, ахнув, потянулась за стрелой, но Йорвин схватил ее за руку и помотал головой.

Браким занес топор, чтобы прибить Юрки, но тот парировал удар. Однако клинок Юрки не выдержал этого и сломался, столкнувшись с железным рубилом. Браким захохотал от злорадства и презрения. Воспользовавшись этим, Юрки с силой оттолкнул Бракима обеими лапами. Того унесло, и он чуть не упал. Юрки, оттолкнувшись руками от земли,

одним рывком встал на обе лапы. Из сугроба торчал его второй клинок. Выхватив его, Юрки пошел в атаку. Теперь он знал достаточно о том, в чем силен Браким, а в чем не очень. Юрки наносил удар за ударом с почти нечеловеческой скоростью. Браким парировал древком топора, которое крошилось все больше с каждым ударом. Но колун — не то оружие, которым дерутся настоящие воины. Юрки воспользовался незащищенностью рук Бракима и ударил по пальцам. Заорав, Браким выронил из рук топор. Вместе с ним на землю упали два пальца, срубленные с правой руки. Вопя от боли, Браким упал на колени, сжимая пятипалой рукой окровавленную трехпалую.

— Вставай, — велел Юрки, направив клинок острием Бракиму в грудь.

— Катись к черту, — сквозь зубы прорычал Браким. Его трясло от боли и злости, — Хочешь добить — кончай быстрее.

— Нет уж. Ты был достойным противником. А таким не пристало умирать на коленях. Вставай, говорю.

В ответ Браким сплюнул. Вздохнув, Юрки схватил его за шиворот и сам поставил на ноги.

— Может, на последок скажешь, ради чего умираешь? Мы ведь тебе ничего не сделали.

— Не сделали, — Передразнил Браким. — Вы приперлись в мой дом, до усрачки напугали мою жену, переположили всю деревню. А по воле вон того говнюка, — Браким указал пальцем на Йорвина, — я провалялся бездвиженным пол-дня. Ты знаешь, каково это, лежать, аки сраное бревно? Ни пожрать, ни погадить по-людски.

— И все? И ради этого столько жертв? Столько разрушенных семей?

— Ты, гнида, семьи наши не трожь. За свою семью я глотки грызть буду. А ты, зверюга, мясом людским питаешься, за милью видать. Себя-то вы видели? От одного вида вашего обосраться со страху можно.

— Ах, вон, в чем дело, — грустно усмехнулся Юрки, — Рожками мы не вышли. Ну, спасибо. Прощай, Браким.

С этими словами Юрки вонзил свой клинок Бракиму в грудь. Браким захрипел, срыгнул кровью, затем глаза его закатились, и мертвое тело рухнуло на снег.

Со смертью Бракима наступила поистине мертвая тишина. За серым, как дождь небом было совершенно невозможно определить, где солнце. Было ясно одно — в ближайшее время оно не появится.

Зуали принялась вытаскивать из тел стрелы, а Юрки стал отчищать снегом клинок и одежду от крови.

— Я вот не понимаю, что у тебя за оружие такое странное? — Спросил он Йорвина, глядя, как тот укладывает тойшен обратно, в сумку, — Ранить нормально не может. Почему ты с ними так ласково? Почему не убивал этих презренных?

— А я надеялся избежать этой темы, — вздохнул Йорвин.

— Почему?

— Юрки, ты не человек, ты не поймешь.

— Но ты тоже не человек, — Юрки вернул в ножны отчищенный клинок, отстегнул пустые, теперь бесполезные ножны сломанного, и выкинул их в сугроб.

— Еще давным-давно драконов призвали жить среди людей. Жить по их законам и заповедям. Не из прихоти, нужда заставила. А люди не имеют права решать, жить или умереть другому человеку. Вот и я на себя этого права не возлагаю.

— Глупость. Щадить тех, кто хочет тебя убить, наплевав на ваши, как их там...

заповеди, — Юрки покачал головой. — Ты приготавливаешь под ребром место для умелого клинка. Вот, что я скажу.

— Я и не ждал, что ты поймешь, — сокрушенно покачал головой Йорвин.

— Хоронить-то их будем? — спросила Зуали, закончив собирать стрелы.

— Не стоит тратить времени, — ответил Йорвин. — Их родные позаботятся о них. А нам нужно в Гвантан.

И они ушли, оставив за собой смерть и тишину. Но даже после их ухода долгое время оставшиеся жители не осмеливались нарушить ее и выйти на улицу. Убитых похоронили, когда те были уже в окоченевшем состоянии и с выклеванными вороньем глазами.

Проселочная дорога вывела путников на большой тракт. На этом такте нет-нет, да появлялись торговые обозы, крестьянские телеги и одиночные всадники, которые иногда косились, а некоторые в недоумении потирали глаза, не понимая, чьи это лапы торчат из под мехов. Снег под ногами был вполне утопан, и идти было легче, нежели по проселочной тропе, порядком заметенной снегом.

К середине дня поднялся ветер и пошел снег. Город Гвантан встретил Йорвина и компанию метелью.

Тракт оканчивался, упираясь в ворота городской стены из высокого бревенчатого частокола. Ворота были открыты, но обозам и караванам путь в город перегораживал шлагбаум, по обе стороны от которого стояли караулки стражи. Заметив подозрительных пришельцев, стражники вышли из караулки, прихватив свои двухзарядные пехотные арбалеты. На них были яйцеобразные кольчужные шлемы и красно-зеленые бушлаты, также обшитые кольчужой.

— Кто такая, окудова, и зачем пожаловали у Гвантан? — спросил первый. У него почему-то один глаз был прищурен, а другой наоборот — вытарашен.

Йорвин счел, что нет смысла что-либо утаивать от блюстителей порядка. Тем более от стража с таким пытливым оком. Он снял капюшон и кивком велел своим спутникам сделать то же самое.

— Ох, ты ж ё! — Оба стража подскочили, когда увидели морферимов. — Ребята, шо ж вы за нелюдь такая, а?

— Мы лесная раса морфериам из великого Отророфельда! — гордо произнес Юрки. — Посторонись, страж, и дай нам войти в город, — В этот момент Йорвин забеспокоился, боясь услышать «а то хуже будет». К счастью, он этого не услышал.

— Пушщать не велено. Графов указ. Гвантан — энто людской город, а потому пушщать ельфóв, гномóв и прочих разных — запрещшено, — Второй страж с лицом в виде булыжника стоял твердо, но было видно, что арбалет в его руках заплясал от страха.

Юрки не нравился тон говорившего, и он потянулся за клинком, но Йорвин несильно пихнул Юрки локтем, и тот сделал вид, что хотел почесать шею. Он непонимающе глянул на Йорвина, но встретив в его взгляде сталь, подчинился.

— Но куда же нам податься? — спросил он., - Мы много дней шли в этот город, нам необходимо туда.

— Энто не мои дела. Не пушшу. Вертайте взад.

Постояв еще с минуту, и посверлив стражников глазами, Юрки развернулся и зашагал в обратном направлении. Остальным ничего не осталось, как последовать за ним.

— Ты, добрый человек, можешь ходить, — сказал стражник Йорвину.

— Нет уж, — ответил он. — Без моих друзей мне там делать нечего.

— Ну, как хош, мил человек, выбирай друзей лутче, в следщий раз, — стражники опустили арбалеты и, сделав лица попроще, скрылись в караулке.

А снег все шел и шел. И не просто шел, он валил с такой силой, что казалось, небо трещит по швам, и на землю падают его обломки и крошево. И это крошево подгонял неистовый ветер, который вполне мог бы поколебать недобросовестно сделанную крышу.

— И что дальше? — спросил Юрки, когда они скрылись из виду караульных.

— Я не знаю, — сокрушенно пожал плечами Йорвин. — Правда, не знаю. Наверное было ошибкой тащить вас с собой. Я как-то не подумал, какую реакцию вы можете вызвать у людей. Для меня мы все под лунами равны. А для этих вахлаков некоторые сильно равнее, — Йорвин вздохнул и поежился. Его одежда неплохо согревала, но ветер такой силы сводил все тепло на нет.

Из-за тучи снега на тракте показалась повозка, накрытая тентом. Старый возница остановился около морферимов и уставился на них, разинув беззубый рот. Когда на него уставились четыре пары нечеловеческих глаз, возница опомнился. Он достал что-то из кармана, подул, потер об тулуп и сунул в рот, делая вид, что кроме снежинок ничего мимо него не пролетало.

Возница мусолил во рту непонятную съедобину, пока со смежной тракту тропинки не вышел еще один человек. Ни Йорвин, ни морферимы такого человека раньше не видели и не увидят больше нигде. Он был горбат, но отличался внушительным ростом и телосложением. Его руки были огромными как у Торвальда и Тулбора вместе взятые, и при всем при этом нечеловечески крупные ладони с невероятной толщины пальцами. Таким ручищам, пожалуй, позавидовал бы и самый крутой гном — горняк. Этот человек был явно немолод. Волосы у него были русые с проседью на лбу и висках, курчавящиеся и нечесанные. Когда порыв ветра сдул волосы с его лица, у Йорвина отвисла челюсть. Его правый глаз был вдвое больше левого — совершенно нормального по размеру. Его нос был похож на орлиный клюв, губы тонкие, чуть презрительно скривленные, челюсть, мощная и широкая, венчалась гордым выдающимся подбородком. На горбуне была шуба на овечьем меху, льняные шаровары и чеботы из сыромятной кожи. С собой он вез биндюгу на корабельном шкоте.

— Ну, отойдите, что ли, — сказал он морферимов скрипучим, как старый пол, неприятным голосом, с едва проступающей нервецей. Морферимы дружно подчинились.

При виде горбуна, возница слез с повозки и принялся развязывать узлы на тенте.

— Наше вам, — поприветствовал он горбуна.

— Взаимно, — сухо ответил тот.

Возница снял тент с повозки. Под ним лежали уложенные рядами доски, напиленные из не очень хорошей сосны, и не очень-то недавно.

— Все доставлено в целости, — заявил он, залезая рукой в свою сумку.

Пока горбун перекладывал доски на биндюгу, возница извлек из сумки перо, чернильницу и какую-то бумагу, которую стал внимательно разглядывать, делая какие-то пометки.

— Вот, — сунул он под нос горбуну бумагу, — Накладная. Поставьте подпись. С вас двести нециев за груз и еще тридцать пять за доставку.

— Чего — чего? — возмутился горбун. — Какие еще тридцать пять нециев, бубном тебя хрясь?

— За доставку, — потряс пальцем перевозчик, искренне недоумевая, что же так удивило его клиента.

— Да ты чего, совсем оборзел, барыга? Двадцать давече было, не надо мне мозги морочить.

— А в накладной ясно написано, что тридцать пять.

— Накладная, — передразнил горбун, отмахнувшись от бумаги, — Эта... бумажка. Ты ей вообще подтереться можешь. Слушай, ты, раз ты такой пунктуальный и честный, то

объясни-ка мне одну вещь.

Горбун схватил перевозчика за шиворот и сильно потрянул. Тот попытался вырваться, но не сумел, ведь недовольный клиент был намного сильнее. А тот, держа перевозчика правой рукой, провел пальцем левой руки по одной из досок. На пальце собралась плесень.

— Чего ж ты мне, шаромыга, дерьма-то навез, а? Тут половина дерева уж зацвела, — горбун вытер палец об штаны перевозчика.

— Но я же... я не... я лишь... пе... пе...

— Пе-пе-пе, пшел вон отсюда. Забирай, сколько дают и хромай. А то я тебе не тридцать пять монет, а тридцать пять пендалей навешаю, каналья.

Вырвавшись из хватки горбуна с пузатым кошельком, перевозчик взлетел на козлы, и как только весь груз был переложен на биндюгу, развернул повозку, и что было мочи погнал лошадь в обратную сторону.

— Я вашему преподобному все скажу! — крикнул возница идалека.

— Скажи — скажи! — Крикнул горбун вдогон скрывающейся в метели повозке.

Когда повозка скрылась, горбун стал привязывать уложенные на биндюгу доски, не прекращая ругаться себе под нос. Когда доски были привязаны, горбун потащил биндюгу обратно, откуда пришел. Пройдя мимо Йорвина и морферимов, горбун резко остановился и искоса на них взглянул.

— А чего это вы тут все еще стоите? — Спросил горбун наблюдавших за сценой морферимов и Йорвина.

— Мы зд...

— А, так вас в город не пускают, — перебил горбун Йорвина, заметив, что его спутники не люди, — М-да... Ну пойдете что-ли ко мне. Нечего тут на ветру стоять.

— Ты кто, и куда собираешься нас вести? — встрепенулся Юрки.

— Туда, где нет снега, но есть печка. Ха! Нет, вы видали этого прыща? Мало того, что привез древесину на день позже, да еще и промокшую, которая вся цветет. А требовал за привоз чуть ли не вдвое больше уговоренной цены. Надуть меня хотел. Блин, и чего мне с ней теперь делать?

— Простите, но кто вы? — спросила Зуали.

— Ах, да, пардон. Я Кейн, местный гробовщик.

Кейн протянул руку. Первым ее пожал Йорвин. По сравнению с лапицей гробовщика, его рука была похожа на ладошку десятилетнего ребенка. Примеру Йорвина последовал и Юрки. Хоть он и сдержался, но опытный глаз мог бы безошибочно определить, что Юрки был готов завывать от того, настолько крепким было рукопожатие. Эйнари перенес этот процесс относительно безболезненно, хотя он тоже оценил хватку горбуна. Кейн собрался было потянуть руку и Зуали, но разглядев ее половую принадлежность, одумался.

Кейн вел пришельцев по тропе через метель, а они следовали за ним. Естественно, они ему не шибко поверили, но выбор у них был небогатый. Околеть на ветру никому не хотелось. Через пять минут тропа вывела идущих на загородное кладбище. Из снега выглядывали надгробные плиты. Некоторые были настолько старыми, что уже изрядно искрошились и покосились, не говоря уже о том, что их почти занесло снегом, и мало кто смог бы определить, кто же там похоронен. Но иногда встречались и довольно свежие захоронения. Пару могил даже еще не успел совсем занести снег. По дороге путники увидели старушку, поникшую перед одной из могил. Кутаясь в шерстяную шаль, женщина шептала какие-то молитвы за упокой близкого человека и стряхивала снежинки с надгробия. Грусть

вновь овладела Йорвином. Вновь перед его глазами пронеслись события тридцати пятилетней давности. Но вместе с грустью окрепла и решимость. Кулаки Йорвина сжались.

Гробовщик привел их к маленькой бревенчатой халупе. Ее стены были несколько неровными, но в целом строение выглядело довольно крепким. Сзади у домика была небольшая пристройка. Отперев на ее двери замок, Кейн завез биндюгу внутрь, и запер обратно. Тем же самым ключом он отпер входную дверь, вошел и пригласил войти остальных.

— Ну чего вы там застыли, как будто метлу проглотили? Заходите.

Йорвин, а затем и морферимы зашли внутрь. Кейн закрыл за ними дверь. Внутри были очень низкие потолки, поэтому Йорвину и Эйнари пришлось пригибать головы. Хозяин же при своих внушительных размерах спокойно ходил под этим потолком и даже не касался его макушкой. Кажется, помещение это было построено специально под него.

Впятером здесь было тесно. В предбаннике халупы было две двери. Одна — входная, а другая вела в соседнюю комнату. Пол был завален деревянной стружкой и опилками. Наибольшее скопление этого золота находилось возле двух рабочих столов, которые были приставлены друг к другу под прямым углом. Дверь в соседнюю комнату находилась аккуратно напротив окна. По сути, помещение состояло из двух одинаковых половин — комнат, в которых было по одному окну.

Кейн пустил гостей в соседнюю комнату. Там стояли два пенька, заменявшие табуреты и маленький столик. Возле стены стоял шкафчик и маленькая военно-полевая печка, которую используют в армии для отопления шатров старшего командного состава. На другом конце комнаты стоял старый деревянный сундук с ржавым замком, и был свален в кучу различный садовый инструмент — лопаты, грабли, коса, топор, была привалена к стене тачка, у которой не было колеса, и носилки, у которых одна ручка была прибита гвоздями и перекручена проволокой. На стене висели две пилы. Одна — огромная двуручная, другая — одноручная.

Кейн приволок откуда-то еще один пенек. Теперь пеньков хватало на троих. Морферимы расположились на них, а Йорвин уселся на сундук. Гробовщик собрал с пола несколько брусков и щепок. Сунул их в печку и принялся разводить огонь. Через несколько минут в печке запылало, а в воздухе запахло дымом. Затем гробовщик принес чайник с водой и поставил его на специальную вмятину на печке.

— Сейчас я вам чего-нибудь горяченького соображу, — сказал он, полезая в шкафчик. Оттуда он достал деревянную шкатулку. Когда он открыл ее, морферимы почувствовали суховатый запах цикория. Когда вода нагрелась, Кейн заварил им цикорий в больших железных кружках.

— Извиняйте, конечно, но съестного у меня ничего здесь нет. Вы пока отдыхайте, а мне надо закончить работу. Поболтаем после.

— Это не ваш дом, что ли? — спросила Зуали, приносиваясь к напитку. Кейна этот вопрос, однако, немало рассмешил. Он хохотал, пока не поперхнулся.

— Этот сарай? — проговорил он, отсмеявшись и откашлявшись, — Нет, это моя мастерская. Мой дом в городе.

— А можно узнать, что за повод? Почему вы помогаете нам?

— Повод? — хмыкнул Кейн, — Разве он нужен, чтобы не пройти равнодушно мимо? Верно я говорю, а, монах?

— Совершенно, — Кивнул Йорвин, отметив про себя, что гробовщик, возможно, имел

дело с его братством.

— Да и вдобавок, я просто не уважаю законы, связанные с гонениями нелюдей. Чем гномы или эльфы хуже людей? А ничем. Только после того, как городскую казну грабанули, что-то у графа в мозгу тренькнуло, какая-то шестеренка, видать, сломалась. За одну ночь провели чистку и выставили всех эльфов и гномов голышом за городскую стену. Почему, спросите вы? А вот, почему. Когда грабителей схватили, среди них оказалось несколько нелюдей. Ну и что? Остальные-то были люди самые настоящие. Почему и людей-то всех не выставить заодно?

Кейн снял со стены ручную пилу и пошел в соседнюю комнату пилить.

— Среди тех, кого выставили, были мои друзья, — продолжил Кейн, перекрикивая скрип пилы уже за рабочим столом, — Меня тоже хотели репрессировать, но... — Кейн осекся. Он и пила смолкли одновременно.

— Почему вас-то? — спросил Йорвин, имея уже свои собственные догадки на этот счет.

Кейн вернулся в «гостевую», и, скрестив руки на груди, встал возле окна так, чтобы левая половина его лица была хорошо видна.

— Я тоже человек только наполовину, — произнес Кейн изменившимся голосом, — А наполовину я тролль.

— Ха! — Совсем по-человечески прыснул Юрки, — Полутролль?

— Нет, так не бывает, — От удивления Йорвин аж подпрыгнул на сундуке, на котором сидел. — Такое... невозможно.

Кейн повернулся к Йорвину. В дневном свете было видно, что левый глаз Кейна был карий, а правый, неестественно огромный — густо фиолетовый.

— А ты, монах, я вижу, очень умный и образованный. Тогда скажи мне, сколько у людей рождается детей с настолько ярко выраженными мутациями? Видел ли ты горбатых с рождения детей, у которых руки были больше их голов, ноги короче рук, а глаза — фиолетовые?

— Нет, я не оспариваю, что...

— Я знаю, что по всем законам природы я должен был умереть еще до рождения вместе с моей матерью, но я жив. Прожил семьдесят три года, и помирать не собираюсь.

— По вам не скажешь, — сказал Йорвин. Кейн многозначительно посмотрел на него. От такого взгляда даже Йорвину стало не по себе.

— Я имел в виду возраст, — поспешил поправиться он. Юрки прыснул в кулак. Кейн выгнул бровь и покачал головой. — И как же вам удалось избежать гонений?

— Преподобный заступился. Настоятель храма Илтриса в Гвантане. Добрейшей души человек и при этом очень влиятельный. Я ему многим обязан. Не знаю, что было бы, не встретить он меня двадцать пять лет назад. Ну, хватит уже обо мне. Я хочу вас послушать. Откуда же вы взялись? Отродясь таких не видел.

— Это морферимы из Отрофельда, а я — монах... гражданин мира.

— Пестрая компашка, — усмехнулся гробовщик, — Что же вас так далеко от дома занесло? Почему в Гвантан?

— Конкретно ничего в Гвантан нас не манит, — ответил Йорвин. — Мы пока просто хотим раздобыть информацию. А сделать это проще в крупном городе, где такового товара предостаточно. Мы бы с радостью махнули на Гвантан рукой и ушли бы на поиски города, откуда нас не погонят, но увы, припасы наши на исходе.

— Да, ты прав. Информация здесь товар, и товар недешевый. Но со мной вам повезло. Я

расскажу вам все, что знаю бесплатно. А заодно помогу проникнуть в город.

— Я был бы очень бла...

— Ладно-ладно, монах...

— Йорвин.

— Ладно-ладно, монах Йорвин, без сопливых. Спрашивай, чего хотел.

— Вы знаете что-нибудь...

— Давай на ты, а?

— Хорошо. Что-нибудь о нападениях на мирные деревни? Я имею в виду последние несколько лет.

— Да, такое было, — ответил Кейн, почесывая небритый подбородок, — Какие-то сукины дети действительно разоряли деревни вдоль северных границ Гестории и Глимкара. Но было это давно, лет тридцать назад, может, чуть больше. Семь или восемь деревень были уничтожены всего за две недели. Выживших не оставалось. Весь север трясся от страха. Невозможно было угадать, куда они ударят в следующий раз. Но, тем не менее, остановить эту вакханалию — таки удалось. Я в те годы жил в Гестории. А там подобными вопросами занималась специальная служба — КООН. Это расшифровывается как карательный отряд особого назначения. Что было сделано: КООН оставил в нескольких деревнях по несколько своих людей. В случае, если становилось жарко, они зажигали особый дымовой сигнализатор. За каждой из деревень был закреплен сигнализатор своего цвета. Если где-то что-то зашевелится, сигнализатор поджигался, и дым должен был увидеть специально поставленный часовой на дозорной вышке. Увидев дым, часовой зажигал сигнализатор того цвета, который он увидел. В свою очередь этот дым должен был увидеть другой часовой и подать сигнал следующему. И так сигнал передавался в ближайший форпост КООН. Осуществлялось быстрое реагирование, на место выезжал карательный отряд и устраивал шорох. У тех, кто был поставлен на местах, была нелегкая задача — продержаться до приезда основных сил, заодно увести в безопасность как можно больше людей. Когда отряд доехал до места, он увидел разрушенную деревню, заваленную телами, а по земле ходили живые мертвецы. Точне даже — полуразложившиеся останки давно умерших людей. За всем этим наблюдали со стороны двое негров с каменными рожами, в черных одеждах. Они водили по воздуху пальцами и бубнили что-то себе под нос. В это время мертвецы, которых они подняли из могил, а это были именно они, убивали и разрывали на части живых. В деревне осталось шестеро уставших и израненных бойцов. Тем, кто погибал от рук мертвецов, свои же отрубали головы и руки, чтобы они вдруг не восстали и не кинулись на них. Воины КООН быстро навели там порядок. Одного из кукловодов мертвецов прикончили, а другого взяли живьем. Под пытками из него удалось вытянуть, что он искал в деревне подростка с каким-то магическим шрамом во всю правую руку. Но для кого они искали этого парня, узнать не удалось. Негр после этих слов умудрился раздробить себе нос об стол пыточной, отчего и умер. С тех пор нападения прекратились, и военное положение в Гестории было отменено. А КООН заблистал в лучах славы. Силовики, до этого рассеивавшие разбойничьи шайки, да разгонявшие запрещенные культы, дали отпор заразе, с которой больше никто не знал, как справиться. Скальды слагали о них поэмы, а каждый деревенский мальчишка мечтал стать бойцом КООН. Вот так.

— Не чересчур ли подробно для обывателя? — спустя некоторую паузу спросил Йорвин, — Что вы... ты нам недоговариваешь?

— А я и не называл себя обывателем. Я был там и видел все это своими глазами. Я —

бывший боец КООН.

— Удивительно, — Почесал за ухом Юрки. — У людей что, в войны любых берут? Даже тщедушных и калек?

— Кто здесь калека? — мгновенно вскипел Кейн, — Ты меня называешь калекой? Пойдем-ка, выйдем, выясним, кто из нас калека.

Таких слов от Юрки не ожидал никто. Даже он сам. Недоверие, которое он испытывал к горбатому гробовщику, незаметно для него вышло из берегов. Но, несмотря на это Юрки стало стыдно за свои слова.

— Мои извинения, — негромко произнес он.

— Принято, — бросил в ответ Кейн, — А знаете, когда все было кончено, ко мне подошла девочка лет четырех-пяти. Она спросила меня, почему ее дедушка вылез из могилы и убил маму? И я не знал, что ей ответить. Что я мог сказать ребенку, пережившему такой кошмар? Отец увел девочку, но ее взгляд так и остался стоять у меня перед глазами. У девочек ее возраста не бывает такого взгляда. Это был взгляд зрелой женщины, навидавшейся видов. А тот кусок дерьма, который лишил ее детства, вышел сухим из воды, зуб даю. И сейчас наверняка плетет новые козни. Ох, как бы я хотел открутить этой паскуде башку. А почему это вы интересуетесь ими? У вас тоже к ним какие-то счеты?

— Не просто счеты, — ответил Йорвин. — Тот парень, из-за которого эти уроды разорили деревни — это я. И так как я еще жив, стало быть, мой враг не успокоится и будет и дальше бесчинствовать, разыскивая меня.

— Шутишь! Да тебе на вид лет тридцать всего, ну тридцать пять максимум. Если бы это был ты, то тебе было бы глубоко за сорок, я думаю. А то и больше. Может даже пятьдесят.

— Совершенно верно. Мне пятьдесят пять лет.

— Неплохо сохранился, — завистливо покачал головой Кейн, — Покажи шрам.

Йорвин нял перчатку и по локоть заучил рукав. На руке действительно был как будто бы раскаленной сталью высечен какой-то рунический знак на неизвестном языке. Этот знак был похож на обыкновенный, вырезанный на коже фрагмент рунического текста, но он определенно не был грубым уродливым увечьем, какое обычно оставляет меч. Он не мог быть нанесен никаким иным способом, кроме магического.

— С твоего позволения я не буду раздеваться до пояса.

На какое-то время Кейн потерял дар речи. Два раза он попытался что-то сказать, но не мог найти слов.

— Етицкая сила! — выдавил он, наконец. — Это ты. Но где ты был..?

Кейн не был глупцом, жил на свете давно и многое повидал. У него в голове стала выстраиваться картина из всего, что он знал и что недавно открыл.

— Теперь ясно все насчет тебя. Ты тридцать лет прятался в своем монастыре, а теперь тебе надоело, и ты решил вылезти наружу.

— Нет, мне не надоело. Просто я открыл в себе некоторую... силу. И понял, что с ее помощью я способен сделать многое. А эти благородные морферимы вызвались помочь мне в этом.

— А что это за знак у тебя? Это как-то связано с тем, что за тобой гоняются?

— Да, я в некотором роде... сверхчеловек. И я подозреваю, что им нужно мое тело как источник какой-то сверхэнергии. Возможно, невиданной силы магии или чего-то такого. Поэтому я ищу сведения о своем враге. Хочу знать чего именно ему надо, для чего и как ему помешать. А затем хочу покончить с ним, сокрушить его, чтобы он уже больше не поднялся.

— Все с вами ясно, — сказал Кейн, широко ухмыляясь, — Хочется, конечно уточнить, что ты за сверхчеловек, ну да ладно. Потом расскажешь. А история ваша мне понравилась. Сдается мне, наши желания совпадают, так почему бы нам не объединить усилия? Все. Решено, я с вами. И ни слова мне против! Вечером мы идем в город, у меня есть пара знакомых нюхачей, думаю, они нам расскажут что-нибудь. А сейчас извините, у меня еще осталась работа на сегодня.

— Мы подождем, конечно, — кивнул Йорвин.

Причин отказываться от помощи у морферимов не было. Йорвин и Зуали доверились гробовщику. Едва ли такой бурей эмоций можно зашторить скверный помысел. Даже Юрки, кажется, проникся к Кейну подобием доверия. Тем более, что им оставалось, если Йорвин, лидер их похода одобрил содействие бывшего бойца карательного отряда.

Следующие несколько часов Йорвин с морферимами провели в мастерской гробовщика. Зуали устроилась у окна и стала наблюдать за творящейся снаружи метелью. Юрки взялся поддерживать огонь в печке, время от времени подкидывая туда щепки, да поглядывая одним глазом на нового знакомого. Эйнари и Йорвин медленно попивали теплый цикорий. Рана Эйнари на удивление быстро заживала. Он уже мог держать кружку левой рукой. Но пока только держать. Двигать рукой еще было нельзя. Впрочем, не только раны затягивались у него быстро. Его густая шевелюра тоже заметно выросла в длину.

Гробовщик, тем временем, делал свое дело — сколачивал гробы. Но то, как он делал это, поразило даже нецивилизованного жителя лесов. Кейн обходился без молотка. Все гвозди он забивал голыми руками. Правда, «забивал» — несколько неточное слово. Он просто собирал гробы, вставляя гвозди в дерево как свечи в торт. Во время работы Кейн чем-то дымил. Юрки не разглядел, чем, но дым был совсем не вкусный, и Юрки закрыл дверь. Тем временем, Кейн стремительно продвигал работу к концу. Когда с очередным гробом было покончено, он укладывал его рядом с другими и прикреплял к крышке бумагу, на которой было написано, для кого смастерен тот или иной ящик. Затем он брал из кипы клиентских листов новый, изучал его, а затем по изученным данным отмерял и выпиливал доски для нового гроба.

Когда пачка заказов иссякла, уже наступил вечер. Кейн вернулся в комнату отдыха, где сидели его гости и сказал:

— Все, на сегодня моя работа закончена. Пошли покорять город.

Йорвин и морферимы вышли на улицу, вслед за ними вышел Кейн и запер за собой дверь. Правда, провозился он с замком долго. То ли замок заржавел, то ли с ключом что-то стало не так, но пока Кейн запирали дверь, со стороны храма, что на другом конце кладбища подошел еще один человек.

Он бы невысок и худ. По возрасту был как Кейн, или чуть моложе. У него была длинная, до пояса, седая, аккуратно расчесанная борода. Одет он был в серо-зеленую, выцветшую от старости рясу с капюшоном. Опоясан был голубым кушаком, разукрашенным золотой вышивкой. На шее у него был темный шерстяной шарф, намотанный прямо поверх капюшона. С собой он нес пузатую сумку.

Кейн шипел и грязно ругался сквозь зубы. Пару раз даже стукнул в сердцах по двери кулаком. Священник остановился около порога и тихо засмеялся.

— Все ругаешься, Кейн, — с улыбкой сказал он.

— О! Преподобный, добрый вечер. Это все чертов замок, ёксель его шмоксель. Жравое дерьмо. Я как с бабой с ним тут трах-тибидох!

— А ты знаешь, что брань — это язык бесов?

— Выходит, мы должны быть им благодарны за несколько точных выражений, — последние два слова Кейн прорычал сквозь зубы, энергично дергая ключом в замочной скважине. «Треньк». Замок наконец-то поддался, и Кейн сумел его запереть.

— Ох, ну неужели! — воскликнул Кейн, возведя очи к небесам. — Да ну, к херам его. Завтра пойду к Селиверсту за новым.

— Твой нрав, Кейн, мне совсем не по душе, я говорил тебе...

— Говорили-говорили, мой нрав. Я помню. Только поздновато мне уже характер перекраивать. Мне жить-то осталось два понедельника.

— Ошибаешься, друг мой. Душу очистить никогда не поздно. Она бессмертна, хочешь ты в это верить или нет. Но на том свете исправиться будет куда тяжелее. А это...

Преподобный умолк, встретившись с угрюмым взглядом Юрки, за спиной которого стоял исполин Эйнари.

— Илтрис, спаси!оборотни!

— Нет-нет, не оборотни. Это мофиримы, жители лесов. Они такие же разумные как мы с вами, и даже хамить умеют ничуть не хуже.

— Доброго вечера, — Почти одновременно кивнули брат с сестрой. Преподобный молча похлопал глазами в ответ.

— Я хочу у вас кое-что попросить, — прервал молчание Кейн.

— Да?

— Мне нужна вольная. У меня нарисовались кое-какие дела, и... мне нужно будет уехать. Не знаю, насколько.

— А не связано ли это с твоими новыми друзьями? — сощурился священник.

— В некотором роде.

— Значит, связано. Ох, Кейн, что же мне с тобой делать? Кто кроме тебя справится со смертностью этого богоспасаемого града Гвантана... Ну хорошо, так и быть. А я-то собирался вручить тебе новые заказы, — преподобный похлопал рукой по пузатой сумке.

— Увы, не могу. Сейчас у меня иная забота. Надо умудриться проникнуть в город вместе с... моими новыми друзьями.

— Не велено, говорю, — набычился стражник с пытливым глазом. — Не пушшу!

— Да ты, никак, совсем с башней рассорился! Ты же меня не первый год знаешь, Спавик. Хорош дуру гнать и давай пропускай.

— Тобе-то я знаю, и Преподобного тожа, а вот ентих зверорылов пушшать не велят. Их и не пушшу.

— Эти с нами. Други это наши старинные, не смотри, что нелюди.

— Я на то сюды и поставлен, шоб как раз енто в чужаках и высматривать. Плювать мне, ваши они, али не ваши, ток если я пушшу, с меня граф портки прилюдно сымет и поджопника выпишет. А оно мне не надыть. Вы, обои, можете входить, а енти останутся здесь, или Илтрисом клянусь...

— Не смей поминать имя Илтриса всеу! — громыхнул Преподобный колокольным басом, будто гром раскатился. Спавик настолько опешил, что казалось, уменьшился на полголовы. — Как смеешь ты опираться на имя Его, притесняя тварей божьих? Никак забыл, насколько обязан Ему своей грешной душой? И как смеешь ты поминать имя Его в суе? Падай ниц и моли у Него прощения во имя Первого и Несмертного и его святого воинства

Потом прочтешь Восьмой Псалом и «Илтрис, Царь Небесный» пятьдесят раз.

Несчастный Спавик тотчас принялся исполнять повеление Преподобного. Егс малодушный напарник напоминал снеговика как по количеству снега на плечах, так и по цвету лица и носа. Только тихий звон кольчужных колец на его форме указывал на его человеческое начало.

— П-п-проходите, — промямлил он, опустив руки, стиснувшие арбалет. Периодически его взгляд перетекал на Спавика, с остервенением бившего челом и шепчущего псалмы. Для нервной системы «снеговика» сегодня был не лучший день.

— Упал — помолился! — расхохотался Кейн, дивясь абсурдной простоте разрешения ситуации. Ворота Гвантана распахнулись перед пришельцами.

— Аха-ха! Мы прошли! Что я вам говорил? — рассмеялся Кейн, повиснув одной рукой на шее Йорвина. — Огромное спасибо, Преподобный, что поспособствовали.

— Не за что. Илтриса благодари. О, Кейн, кажется, раз ты уходишь в бессрочный отгул, то я тебе кое-что должен отдать.

Священник полез в свою сумку, больше похожую на небольшую кожаную луну и долго в ней копошился. Среди звуков вещей, находившихся в сумке, четко слышался звон монет.

Преподобный достал из сумки горсть монет и протянул Кейну. Тот принял деньги с благодарным поклоном. В руках у гробовщика было девятнадцать тиллиев и восемь нециев. Весьма солидно по меркам рабочего класса.

— Отныне ты свободен, Кейн. Но не пропадай слишком надолго. Ты все-таки лучший в своем деле. Мне тебя здесь будет нехватать.

— До свидания, Преподобный, всех благ, как говорится. И Спасибо еще раз. За все, — Кейн протянул Преподобному свою лапищу. Тот улыбнулся и пожал ее.

— Всего наилучшего, Кейн. Будь благословен.

Преподобный развернулся и пошел по одной из тесных улочек Гвантана по своим делам. На ходу он развернулся и помахал рукой. Кроме Кейна в ответ помахали Йорвин с Зуали.

— Эх, Гвантан, — потянул носом воздух Кейн. — Пожалуй, я любил бы этот город, если бы не ненавидел. Предлагаю зайти в какую-нибудь корчму и перекусить. Отметим мою долгожданную вольную.

Йорвин собрался было возразить, аргументируя это тем, что денег у них нет, но после того, как гробовщик показал ему свой массивный кулак со словами «Я же угощаю», Йорвин подчинился.

Кейн повел своих подопечных по городу на поиски тихой корчмы, где можно перекусить и промочить горло.

Гвантан долгое время был самой обычной деревней, но после распада Империи многие ремесленники и торговцы стремились переселиться как можно ближе к центру нового государства. Если не в новую столицу, то хотя бы неподалеку. Таким образом, многие селения вокруг Митриума выросли в несколько раз и получили статусы городов. Гвантан стал крупнейшим из них.

С высоты птичьего полета невозможно было увидеть, где кончается городской массив. В отличие от Митриума, Гвантан не делился на кварталы, и был однообразен на всей своей площади. Вместо городской власти, дележ территории города устраивали местные банды, коих было несколько, и они конкурировали друг с другом, беспрестанно деля сферы влияния. Горожане относились к ним спокойно, так как представители закона от них отличались несильно. Отчасти из-за сырой политики, проводимой графом и самим королем Глимкара. Благодаря ей, закон в мегаполисе представляли две службы — государственная полиция и местная стража. Полиция подчинялась только указам и распоряжениям из столицы, в то время как городская стража руководствовалась кодексом общественного порядка конкретно Златолесского графства. Так как в обоих законодателях были неразрешимые противоречия, то представители закона обеих служб не стеснялись устраивать их урегулирования прямо на улицах, шумно и даже иногда кроваво. Однако, как полиция, так и гвантанская стража с одинаковым бесстыдством принимали взятки. На этой ниве преступность процветала буйным цветом. Как говорится, у семи нянек дитя с заточкой.

Город кипел и бурлил. На лицо было перенаселение. Торговцы, курьеры, ремесленники, проститутки, стража и разномастная шпана при свете дня текли непрерывающимся хаотичным и шумным потоком. С наступлением темноты, город превращался в хищного зверя, глядящего на чужаков своими злыми глазами — огнями фонарей. На узких улочках с обеих сторон над прохожими нависали вывески трактиров, ростовщицких контор, разнообразных магазинов и прочих заведений, хищных до ваших денег. На ветру развевалось недавно постиранное белье, а в переулках было темно, грязно и оттуда несло протухшей едой, мочой и нечистотами. В некоторых из них коварно затаились карманники с остро наточенными ногтями или монетами. Снег под ногами был перепачкан отходами, рвотой, собачьими экскрементами и кое-где кровью, как бы впитав грязь тех, кто ходит по нему. Страшно представить, что здесь будет весной, когда снег растает и обнажит то, что копил на протяжении зимы.

Кейн и его свита углублялись в Гвантан все дальше и улицы становились все уже. Кейн пояснил, что ближе к центру улицы сужаются. В городе есть четыре кольцевые дороги, по которым могут проехать повозки. Остальные бывают настолько узкие, что даже окна невозможно распахнуть настежь, чтобы ставни не уперлись в стену дома напротив.

Морферимам даже не пришлось особо таиться. Прохожим было на них абсолютно плевать. Все были настолько увлечены своими делами, что не желали замечать таких мелочей, как торчащие из под капюшонов морды и выглядывающие из под меха лапы. Вероятно, оттого, что ночами по городу ходят личности столь темные, что закутанные в плащи с капюшоном незнакомцы ничем не выделяются на их фоне. Мимо Эйнари, громко пыхтя, промчался пухлый карлик, чуть не сбив его с ног. Пару раз им пришлось спрятаться в

переулках от глаз патрулирующих город местных блюстителей закона, но когда мимо прошагали двое полицейских в черных плащах с гербовыми соловьями на красных бляхах, Кейн и усом не повел. Йорвин было дернулся, ко Кейн схватил его за рукав и махнул в сторону «черных» рукой, дескать, этим все равно, можно не беспокоиться.

На глаза гостей города попала массовая драка между городской стражей, королевской полицией и представителями какой-то уличной группировки. Вокруг этого действия скопился галдящий и свистящий народ. Некоторые комментировали происходящее, энергично жестикулируя и показывая пальцами, кто-то делал ставки, а некоторые даже подкидывали дерущимся всякий мусор вроде кирпичей и обломков садовых инструментов, чтобы тем было чем накостылять ближнему своему побольнее.

Путники свернули еще пару раз и Кейн стал рыскать взглядом по сторонам. Наконец, его взор остановился на вывеске «У Мунгуса», и он довольно хмыкнул.

— Друзья, мы пришли, — сложил руки за спиной Кейн.

— Туда? — спросил Юрки, указывая пальцем на лестницу, ведущую в подвал, где и находился кабак.

— Да. А что?

— Неужели не нашлось места поприличнее? Почтище хотя бы. Мы еще до порога не дошли, а у меня уже нос язвами изнутри покрылся от тамошней вони.

— Друг мой лохматый, — заговорил Кейн на полтона ниже. — Если ты еще не понял, то мы не только трапезничать отправляемся. Я живу в этом городе уже давно, и я отлично знаю, где и какой народ собирается. Если мы хотим что-нибудь узнать о темных днях минувших, то тех, кто сможет нам что-нибудь рассказать, надо искать здесь. По крайней мере, отсюда мы начнем. А теперь будь добр, заткни свой нос чем-нибудь, если так уж не в мочь и молча иди за мной. Если все пройдет по плану, от тебя больше ничего не потребуется.

— А что может пойти не по плану? — спросил Йорвин,

— Э-э-э... Ничего.

— А если подумать?

— Ничего. Да что с вами двумя?

— Мы просто не рассчитываем на теплый прием, — поправил лямку на плече Юрки. — Глупо считать это неразумным в нашем положении.

— Ой, да бросьте вы. Мы прошли пол-города и никто на вас даже не цыкнул. А сейчас я лишь прошу вас побыть там и постоять на всякий случай на стреме. Это тоже разумно, но совсем не значит, что обязательно будет какая-нибудь заваруха.

Еще раз тяжело вздохнув, Юрки собрался было что-то добавить но раздумал. Правда, Кейн его уже не слушал. Спустившись по лестнице, он поманил остальных пальцем и вошел в кабак.

В плохо освещаемом помещении царил полумрак. Под потолком было лишь одно окошко, и то больше походившее на бойницу, через которое тонким лучом просачивался рыжий свет уличных фонарей. Кроме него свет давали две масляные лампы на стене и одна над головой хозяина. На каждом столе стояло по одной толстой свече из бычьего жира. Эти самые свечи и источали тот запах, который так не понравился Юрки. Вдобавок, эти свечи сильно дымили. Все помещение корчмы было заполнено дымным чадом от этих свечей и этот душный смрад не перебивали даже запахи жареной рыбы, пива, гречневой каши и потных посетителей.

Сидящие за столами люди косо поглядывали на проплывающих мимо них нелюдей. Это было явление вполне нормальное, но развитое чутье угрозы Юрки снова засигнало во всю мочь. Оставаться в этом месте надолго было опасно.

— Должен же быть какой-нибудь план на случай обострения обстановки. — Прошипел он Кейну.

— Парень, ты...

— Пожалуйста, Кейн послушайте его, — вмешалась Зуали. — Юрки ничего не попросит зазря. На то есть веская причина.

— Какая? Ай, черт с вами. За углом есть дверь. Теоретически, через нее можно выйти наружу. Довольны?

— Допустим, после нам придется разделиться. Тогда что? — спросил Йорвин. Кейн задумался.

— Тогда... Тогда после того, как все уляжется отправляйтесь к замку графа. Это самое высокое в городе, каменное строение, обнесенное пятнадцатифутовой стеной. Встретимся под ней. Видать с любой крыши в городе, не пропустите. А уж забраться на крышу вам, я уверен, не так трудно.

— Хорошо. Теперь мне значительно спокойнее, — доложил Юрки.

Кейн обвел все заведение рыщущим взглядом. Каждого посетителя и каждого завсегдатая. Затем, найдя из двух с лишним десятков лиц нужное, довольно ухмыльнулся.

— Я вижу кое-кого, кто поможет нам с информацией, — сказал Кейн своим спутникам, — Теперь постойте в сторонке и понаблюдайте. Не спугните его. Будьте начеку. Если попробует сбежать — не давайте ему возможности. Все поняли?

— Ладно, мы ждем, — ответил Йорвин.

Кабак «У Мунгуса» был забит народом. Свободных мест не было.

— Мест нет, — констатировала Зуали.

Йорвин огляделся. У стены, возле хозяйской стойки за столом расположился один единственный человек. Усатый пьянчуга спал хмельным сном прямо сидя, в обнимку с пустой кружкой из под пенного, с блаженной улыбкой. Одной рукой Йорвин спихнул его под стол. Тот даже не проснулся.

— Теперь есть, — сказал Йорвин, жестом приглашая друзей занять два свободных места за столом, который теперь целиком принадлежал им. Зуали и Эйнари разместились за столом, а Йорвин и Юрки с краю стойки. Морферимы заказали у корчмаря мяса, а Йорвин скромно довольствовался жареными подсолнечными семечками. Как только им принесли тушеных цыплят, морферимы принялись шумно уплетать тушеную птицу вместе с костями. Пока морферимы ели, Йорвин грыз семечки, не сводя глаз с Кейна и его собеседника.

— Какие люди в мерзкой рыгаловке! — воскликнул Кейн, подойдя к столу, за которым сидел его знакомый, — Дилио, сто лет не виделись!

— Ага. И еще бы сто лет тебя не видеть, старый пес, — недружелюбным тоном ответил Дилио. Это был худощавый мужичишка лет сорока — пятидесяти с жидкими сальными волосами, прилизанными к вытянутой огурцом голове. Лицо его было отменно неприятным. Глаза в кучу, а зубы как у грызуна, отчего он мерзко шепелявил и брызгал во время речи слюной. Напротив Дилио сидел его собеседник, который переводил взгляд с Кейна на него и обратно, не понимая, кто такой подошел к их столу, и чего ему нужно. Кейн махнул перед его лицом рукой, недвусмысленно давая понять, чего хочет. Мужик понял правильно —

молча встал и взял со стола свою тарелку. Лишь в этот момент он понял, что сесть с этой тарелкой ему некуда. Напоследок мужик решил прихватизировать хотя бы стул, но Кейн вовремя схватился за спинку, и мужик тут же разочарованно поспешил удалиться.

— Я тоже очень рад тебя видеть, дружище, — Кейн сел напротив старого знакомого.

— Зачем приволок сюда свой обвисший зад?

— Ну, зачем же так недружелюбно? Неужели, и правда не рад? — с притворной горечью спросил Кейн.

— Представь себе. Всякий раз, когда я имею дело с тобой, меня либо бьют, либо в меня стреляют. Помнишь, что было тогда, в рыбный день?

— Ой, да ладно тебе. Это было давно и неправда.

— А я помню. И мне себя жалко. Я не хочу, чтобы в меня стреляли. Так что давай, освобождай место и танцуй отседа.

— Ты, небось, запомнил, что до сих пор у меня в должниках пребываешь, крапивное ты семя! — зарычал Кейн, вытирая рукавом глаз от метко брызнувшей слюны. Дилио потупился.

Юрки проглотил остатки цыплячьей ножки и запил медовухой. В другой раз он позволил бы себе высказать все, что думает о здешней еде, но в этот раз он настолько проголодался, что съел бы даже блюдо жареных опилок, не моргнув и глазом. Йорвин все также флегматично грыз семечки, не сводя глаз со столика, за которым сидел Кейн. Юрки тоже стал вглядываться в тот темный угол.

— Я не силен в человеческих физиономиях, но, похоже, что этот парень не особо расположен оказывать услуги. Как бы переговоры не зашли в тупик. А, Йорв?

— Спокойно, — ответил Йорвин, сдвигая очистки в компактную кучку — Кейн знает, что делает. У него есть какой-то план.

— План? — выгнул бровь Юрки. — Какой, интересно? Обсыпать бранью? Раз уж на то пошло, у меня тоже есть план. Я планирую жить вечно. И если так посмотреть, у меня тоже пока все идет по плану.

— Да что с тобой, в самом деле? — воскликнул Йорвин, — Все тебе не так. И воздух не свежий и небо не голубое. Я тебя с трудом узнаю.

— Неспокойно мне. Над нами что-то нависло, я чувствую. И самым мудрым решением было бы сейчас убраться отсюда поскорее. Я не могу это объяснить, но я чувствую приближение опасности. Как тогда, у Борика, но не знаю, откуда она идет.

В стельку пьяный завсегдагай, проходя позади Йорвина, споткнулся о собственную ногу и рухнул прямо Йорвину на спину. Придавленный весом мужика, Йорвин припал на стойку, ненароком стряхнув на пол кружок с семечками вместе с очистками.

— Безумный! — крикнул Йорвин. Юрки аж подпрыгнул. Виновник валялся на полу и был едва ли в состоянии попросить прощения. Йорвин оттащил его в сторону, чтобы тот не загоразивал проход.

— Это нервы, успокойся, — выдохнул Йорвин, вернувшись к Юрки. «Человек Кейна» вдруг вскочил, чуть не уронив стул, на котором сидел, но Кейн, схватив его за ворот кафтана, твердой рукой усадил на место.

— Нет, не нервы. Нервы-то у меня хоть куда. Это чутье, говорю тебе.

Мимо вальяжно прошагала рыжая куртизанка, призывно качая бедрами. Остановившись около Йорвина, она поправила тесноватое ей декольте и облокотилась на стойку около него.

— Привет, красавчик, — промурлыкала она. — Какой-то ты напряженный, не хочешь расслабиться? Пойдем, покувыркаемся, а?

— Нет, дорогуша. У меня и так все кувырком, — ответил Йорвин. Проститутка, видимо, не привыкшая к подобным отказам, надула губки.

— Пф-ф. Слабак длинный, — бросила она Йорвину и поплыла дальше, правда с чуть меньшим энтузиазмом. Видимо, Йорвин был потенциальным клиентом самой приятной внешности из всех собравшихся здесь мужчин. Йорвин только посмотрел ей вслед, приподняв брови, с выражением позитивного безразличия. Кажется, никакое оскорбление не могло его задеть. Что бы кто бы ему ни сказал, он останется спокойным как замерзший во льду карась. Монастырское воспитание — это не баран чихнул.

— У вас что, это считается нормой? — искренне изумился Юрки. — У нас бы за такое предложение сутки у позорного столба гольшом...

— Не у нас, — качнул головой Йорвин. — У них.

Сидящие за столом Зуали и Эйнари съели принесенную мальчишкой — слугой еду в полном молчании. Во время еды у морферимов разговаривать было не принято. Когда все было съедено, Зуали спросила:

— Эйнари, почему ты все время молчишь? Ты нас боишься или стесняешься?

— Нет, госпожа, не боюсь. Просто считаю невежливым вступать в чужой разговор. Я не так уж умен, я простой строитель. Поэтому предпочитаю молчать, когда не знаю, что сказать умного, — Зуали подперла голову рукой.

— По-моему, ты прибедняешься. Ты не дурак. Дурак бы так не сказал. Ты просто излишне скромн. Я не верю, что такой морфериам как ты, мог пойти на преступление по собственной воле. И не хочу знать, какими обманами и угрозами тебя втянули в это.

— Не хочешь во мне разочаровываться? — спросил Эйнари. Повисло молчание.

— Безумный! — нарушил молчание возглас Йорвина, на которого упал пьяный завсегда. Стряхнув с рукава очистки от семечек, Йорвин схватил лежащего и что-то бормочущего колдыря за шиворот и потащил к стене, подальше от прохода. Зуали достала из-за пояса клинок, чтобы заколоть мерзавца, посягнувшего на покой ее друга, но Юрки, широко раскрыв глаза, отрицательно замахал руками.

— Господин Юрки добрый. Я жизнь за него отдам, — сказал Эйнари с неподдельной гордостью.

— Да, он замечательный, — согласилась Зуали, — Настоящий као.

Лицо Дилио приобретало все более и более мерзкое выражение. Крысиные зубы хищно торчали из человеческой пасти. Маленькие зеленые глазенки злобно блестели, но на лбу стали проступать блестящие капельки пота.

— Говори, чего тебе надо, — выпалил он, как будто эти слов причиняли ему боль, и он хотел, чтобы она быстрее прошла.

— Мне нужна информация. Я хочу, чтобы ты обошел всех своих знакомых мокрушников, ширмачей, трясунов, и расспросил их, что они знают насчет того, кто и зачем устроил резню тридцать пять лет назад, когда вырезались целые деревни.

— Иди ты! — прозвучал ответ. — С этими кабанами и вырожденками я дел больше не имею. С ними, как с тобой, одни неприятности. Проси другого.

— А я тебе пасть порву, паршивец эдакий.

— Катись! — Дилио вскочил, чтобы смыться и избежать нежелательной расплаты, но могучая рука Кейна оказалась проворнее.

— Куды? — прогудел Кейн, схватив Дилио за ворот кафтана, и усаживая на место. — Сидеть. Разговор еще не окончен. Три года назад я вытащил тебя из каталажки, хотя вполне мог этого не делать. Если сейчас ты меня пошлешь, то поверь, я найду способ посадить тебя на место.

— Да чтоб тебе пусто было! — брызнул слюной Дилио. — На кой черт тебе знать, что там было когда-то там? Тебе жить-то осталось два понедельника.

— Не твоя забота. А будешь лаять — тебя будут бить. В общем, так. На все про все у тебя один день. Послезавтра я приду к тебе домой, и если тебя там не будет — лучше не попадайся мне на глаза. В тебя точно будут стрелять. Договорились?

— Договорились, — презрительно прошипел Дилио. — Но когда законь...

Вдруг дверь в кабак с грохотом распахнулась, и вошли восемь полицейских. Пятеро были с полуторными обоюдоострыми мечами, остальные трое держали в руках скорострельные двухзарядные арбалеты. Их капитан зашагал к хозяину, на ходу доставая из-за пазухи какую-то бумагу. Он бесцеремонно сунул лист корчмарю под нос и тихо что-то спросил у него. Глаза корчмаря округлились, когда он прочитал написанное на бумаге, ибо слуги закона протянули ему объявление о розыске.

Корчмарь трясущимся пальцем показал на то место, где находились Юрки, Йорвин и Эйнари с Зуали позади них. Сердце Йорвина ушло в пятки, когда солдаты в черной форме обнажили мечи.

В этот момент Дилио не выдержал. Отчаянно вопя от страха, он опрокинул стол вместе с Кейном, ринулся к выходу, снося всех и вся на своем пути. Кто бы мог подумать, что такой худой человечешка мог являть такую силу. Все так же завывая, он раскидал в стороны двух стоящих у выхода солдат и выбежал на улицу.

— Уходит, скотина! Ставо, Аник, взять его! Огонь на поражение, — заорал капитан. Пока бронированные по всей форме арбалетчики поднимались с пола и поправляли съехавшие набекрень шлемы, Дилио умчался уже далеко, но тем не менее, солдаты покорно приступили к выполнению приказа.

Встретившись глазами с Йорвином, капитан замер, затем прошелся глазами по написанному на бумаге, и подойдя ближе, протянул ее Йорвину. Юрки напрягся подобно натянутой тетиве.

— Утром на деревню, что в нескольких милях отсюда, было совершено вооруженное нападение, — начал капитан. — Со слов свидетелей были составлены портреты виновных. Один человек и трое нелюдей животной наружности. Вы подходите под это описание.

Йорвин, кинув косой многозначительный взгляд на Юрки, принял листовку. Вот, что на ней было написано:

«За многочисленные жестокие убийства мирных жителей

РАЗЫСКИВАЮТСЯ

Человек неизвестной личности. Рост — около семи футов, темные волосы, голубые глаза. Предположительно монах — табоист.

Получеловек неизвестной звероподобной расы. Рост — более семи футов. Темная шерсть, черные глаза.

Получеловек родственной вышеописанному неизвестной расы. Рост — около шести

футов. Темная шерсть, карие глаза.

Женщина аналогичной вышеописанной звероподобной расы. Рост — около пяти с половиной футов. Светлая шерсть, голубые глаза.

Преступники вооружены и крайне опасны. Контакта избегать. За любую информацию об их местонахождении полагается денежное вознаграждение в размере пятидесяти шести тиллиев.»

К каждому описанию прилагался довольно подробный и убедительный портрет.

Дочитав, Йорвин скомкал бумагу и бросил на пол. Для капитана это был вызов.

— Вы идете с нами, — сказал капитан как отрезал, направляя железо Йорвину в грудь. — Живыми или мертвыми, на ваш выбор.

— Я выбираю третий вариант, — ответил Йорвин, кинув взгляд назад, где сидели его друзья.

— Чего? — не понял капитан. — Нет никакого третьего варианта. Сдавайтесь или...

Йорвин не дал ему договорить. Схватив меч ладонями за тыльные стороны, прямым ударом ноги он свалил капитана полиции на пол, отбросив на три шага. Тот остался лежать под столом в корчах. Если бы не железная кираса на груди, его ребра превратились бы в кашу, и он умер бы на месте. Вместо этого его только немного помяло, а на пластине осталась красивая вмятина от сапога. Такой удар в таг-табо называется шанжимо-кай и относится к разряду самых эффективных и жестоких. Были случаи, когда удары шанжимо-кай имели проникающее действие.

Арбалетчики тоже не зевали. Не успел Йорвин моргнуть глазом, как в него полетели болты. Один он отбил отобранном у капитана мечом, второй пролетел мимо его уха. Третий полетел в безопасное для Йорвина направление. Но небезопасное для других. Внезапно Йорвин услышал сзади громкий тяжелый вздох Зуали и внутри у него похолодело. Болт, который он пропустил, угодил Зуали в спину, чуть повыше левой ягодицы. В следующее мгновение на арбалетчиков, хрипло гаркнув, накинулся Кейн. Развернув одного солдата к себе лицом, он с размаху засадил головой об его шлем. Череп полутролля был больше, тверже и тяжелее, чем у несчастного человека, поэтому даже шлем его не спас. Кейн швырнул поплавшего солдата на ближайший столик, за которым сидели трое мужиков. Стол не выдержал закованного в латы и кольчугу полицая, и с треском сложился. К величайшему удивлению Кейна, мужики накинулись вовсе не на него, а на полуживого солдафона. Довольно хмыкнув, Кейн протаранил второго и выписал хук с правой третьему стрелку. Завидев это, весь корчменной народ бросил выпивку, еду и карты, повставал со своих мест и накинулся на столичных блюстителей закона. Против такого количества кулаков мечи были бесполезны. Юрки, увидев, как его сестра падает на пол, впал в бешенство. Только Йорвин мог уследить, как Юрки взлетел над головами людей, на лету выхватывая клинок, и что было силы рубанул одного из солдат. Но доспехи оказались прочнее каменного орудия. Каменный клинок Юрки разлетелся на куски, врезавшись в железный наплечник, однако напоследок он свое дело сделал. С душераздирающим криком, полицейский упал на пол. Наплечник был разрублен. Под ним была глубокая резанная рана и раздробленная ключица.

— Эйнари, бери Зу — уходим отсюда! — крикнул Йорвин. Слегка ошарашенный произошедшим, Эйнари пришел в себя, аккуратно взял на руки стонущую Зуали и стремительно выбежал в выбитую Йорвином заднюю дверь.

Услышав крик Йорвина, Кейн перестал разбивать лицо сумевшему подняться капитану и дернул Юрки за плечо, но тот со злобой оттолкнул его, продолжив кулаками вбивать в

землю раненного солдата, в неистовом бешенстве позабыв правило, что лежащих не бьют. Кейн был вынужден применить силу, благо ею располагал. Схватив Юрки в охапку обеими руками, Кейн с горем пополам сумел оторвать его от едва живого и переломанного человека. Оттащив Юрки еще на некоторое расстояние, Кейн толкнул его в направлении двери, куда уже выбежали Эйнари и Йорвин.

Дверь вела в служебное помещение, где стояли стеллажи с различной выпивкой и ящики со съестными запасами. Слева и справа от ящиков было две двери. Одна вела на кухню, вторая действительно выходила на лестницу.

Этой дверью не пользовались давно, поэтому со стороны улицы под дверью успел накопиться порядочный сугроб, что затруднило проход. Но времени на церемонии не было, поэтому Йорвин просто вынес дверь ногой.

— Что же нам теперь делать? — жалобно прогудел Эйнари. — Неужели разделиться, по плану?

— Нет уж, — отрезал Кейн. — Наш план полетел к чертям. И ваша женщина отправится туда же, если не найдем ей хорошего лекаря.

— А у тебя нет среди знакомых хороших лекарей? Чисто случайно? — спросил Юрки, все еще трясущийся от ярости.

— Нету, — зло бросил Кейн, затем, чуть подумав, добавил, — Но есть коновал.

— Выбирать не из чего, — сказал Йорвин. — Как далеко он отсюда, Кейн.

— Порядочно.

— Тогда поспешим. К тому же, быть может, именно такой лекарь и нужен.

Закутав Зуали в меховую накидку поплотнее, Эйнари нежно взял ее на руки и побежал вслед за Кейном и Йорвином. Они же расчищали Эйнари дорогу, расталкивая попадающихся на пути прохожих. Но Кейн был уже не в возрасте для таких марш-бросков и довольно быстро запыхался. Он даже стал потихоньку отставать, жестами давая указания направления обогнавшему его Йорвину, преодолевая одышку. Тяжелее всех, тем не менее, пришлось Эйнари во время перехода через улицы, где еще не успели зажечь на ночь фонари. Эйнари бежал, не отставая от остальных даже с Зуали на руках, призывая всю свою звериную выносливость. В темноте Кейн с трудом определял направление, так как тролля способность ночного зрения не передалась ему совершенно. Поэтому пару раз свернул не туда. Но, тем не менее, это не помешало ему найти-таки верную дорогу снова.

В конце концов, Кейн нашел заветную улицу и заветный дом.

— Зилес, открой. Нужна твоя помощь.

Тишина. Свет в окнах горел, но хозяин как будто не слышал стука. Кейн зарычал и постучал сильнее.

— Зилес, мать твоя тетеря, тут человек умирает, открывай живо!

Через некоторое время по ту сторону двери слышалось неторопливое шарканье по деревянному полу. Йорвин ожидал, что звериным лекарем окажется лысенький, плюгавенький старикашка в очках, а посему немало удивился, когда вместо старого профессора дверь открыл молодой парень плотного телосложения. Его можно было бы даже принять за гнома, если бы у него была борода.

— Кейн? Ты что, опять кого-то покалечил? Я тебе уже который раз твержу, что людьми не занимаюсь, — Не успел он сказать это, как Кейн зашел внутрь и затащил с собой Эйнари. Войдя на кухню, бесцеремонно скинул с обеденного стола всю посуду, ложки, ножи, солонки, салфетки, даже скатерть не пощадил. Все оказалось на полу. Затем Эйнари

аккуратно положил Зуали на бок. Его руки были сильно испачканы кровью.

— Пстой-пстой, — затряс руками Зилес, увидев, кто к нему вошел, и кого принес, — Ты же сказал, что ЧЕЛОВЕК умирает, а это... я даже не знаю, что это за существо. Не животное больше смахивает.

— Во! Тем лучше. Значит, это твой огород.

— Ладно, я посмотрю, — согласился коновал. Он аккуратно снял с Зуали окровавленную накидку, затем порезал ножом и снял куртку. Из под болта шла кровь, но если бы не он, Зуали бы уже умерла от кровопотери.

Пока морферимы столпились вокруг стола, Кейну не стоялось. Он расхаживал взад-вперед, пока на глаза ему не попался лежащий на комодке около подсвечника серебряный портсигар. Не спрашивая разрешения у хозяина, Кейн залез в шкапулку, а там, о чудо, было пять дорогущих сомакритских сигар, выращенных на зеленых плантациях солнечной страны орков.

Набрав в легкие воздуха, Зилес дернул болт. Из открывшейся раны струей брызнула кровь. Зуали ожила и взвыла душераздирающе, нечеловечески.

— Треклятье! Кажется, задета артерия, а тампонировать рану мне нечем! — Возопил коновал.

— Чего? — взревел Кейн. — А ты не мог этого сказать до того, как вытащить чертову железку? И с какого перепоя, скажи мне, у животного лекаря дома нет средств первой помощи?

— Откуда ж я знал, что вы явитесь то, а? А знал бы, убег бы из города, потому что с вашими проблемами иметь дел не хочу. Мне мой зад дорог. А с тобой, Кейн, вообще связываться опасно.

— Да у нас час откровений! — побагровев, рыкнул Кейн. — Ну, скажи при всех, что ты обо мне думаешь.

— Я думаю, что лучше в крапиву срать, чем тебе помогать. Если тебе или кому-нибудь из твоих друзей поджарят зад, то все вокруг становятся тебе чего-то должны. И добиться от других ты умеешь чего угодно, и не разбирая средств.

— Я не заставляю тебя делать это бесплатно. Буду должен, но я не позволю моим друзьям умирать у меня на руках. А пока мы тут с тобой трындим, она умирает. Делай свое дело!

— Я не знаю, что делать. Мне нечем остановить кровь, — слотнул Зилес, прижимая к ране обрывки куртки Зуали.

Кейн достал из портсигара одну сигару, зажег от свечи и затащился.

— Отойди, позорище. Эйнари, Юрки, держите ей руки-ноги, — скомандовал он. Затащившись еще раз, Кейн засунул горящий конец сигары прямо в кровоточащую рану. Зуали взвыла так, что стекла в доме задрожали, а с потолка посыпалась стружка. Двое крепких морферимов едва смогли удержать ее на месте. Когда Кейн убрал окуроч, Зуали затихла. Из дымящейся раны перестала вытекать кровь. Все облегченно вздохнули.

— Вариант ненадежный, но в данной ситуации довольно разумный, — откашлялся животный лекарь. Кейн хмыкнул.

— Мы так в армии кровь останавливали, — сказал он,

— И как, успешно?

— В половине случаев да. Еще зависело от тяжести ранения. Иногда после прижигания, конечность приходилось вовсе ампутировать.

- Сепсис? — спросил коновал,
- Он самый, мать его. Какие у нее шансы теперь?
- Ну-ф, думаю, что неплохие, если это зверь. Человеку такое пережить труднее.
- На ночь мы останемся у тебя. Чур не спорить, — ткнул пальцем в коновала Кейн.
- С тебя десять нециев за сигару, — помахал пальцем Зилес.
- У меня другое предложение, — ухмыльнулся Кейн, — Я куплю у тебя их все.

Шикарные сигарки.

Зуали предстояла тяжкая ночь. Будь на ее месте человек, шансов на благополучный исход было бы мало. Йорвин провел полночи в молитве, улавливая едва слышные удары ослабшего сердца, боясь роковой тишины. Юрки и Эйнари тоже помолились, хотя и не очень-то верили, что Великая Праматерь услышит за пределами их родного леса.

Кроме Кейна и Зилеса, спать в эту ночь никто не собирался, но все настолько вымотались за этот насыщенный событиями день, что сон настиг их помимо их воли. Йорвину ночь принесла еще и сновидение, которое потрясло его до глубины души:

Темнота. Тишина. Теснота. Но в то же время комфорт и спокойствие, какого не дано пережить родившимся на свет. Йорвин чувствовал, что находится в крошечном мирке, который целиком и полностью принадлежал лишь ему. Как будто это было его яйцо.

Вдруг по ту сторону яйца раздались голоса. Йорвину они были незнакомы, но как ни странно, казались очень близкими и родными. Один был мужской, низкий, грубый нечеловечески бас. Другой был женским, и тоже низким контральто. Йорвин не понимал ни слова из того, что они говорили, но жадно ловил каждый звук.

— Кайлур, мы не можем. Мы не должны! Это же наш ребенок! — дрожащим голосом произнесла женщина.

— Да, но еще и потенциальная угроза небывалой силы! — прогремел в ответ Кайлур. — Ты хоть представляешь, какого монстра мы с тобой породили?

— Монстра? Что ты такое говоришь? Там, под скорлупой, твой родной сын! Неужели ты его не любишь? Неужели ты и меня не любишь?

— Я люблю вас больше жизни, но в этом-то и есть мой грех. Я не должен был связывать свою судьбу с твоей. И не должен был рождать от тебя отпрыска. Сила, что в нем, может разрушить весь мир, и я не хочу, чтобы это было на моей совести. Я должен уничтожить его, и я сделаю это. Ради блага всего мира. Прости, Халинкара.

Йорвин почувствовал, как над яйцом нависла тень. Внутренности мигом наполнились холодом, а маленькое сердечко сжалось.

— Нет! Не трогай! — хриплым от слез голосом взмолилась Халинкара, — Этот драколин еще не родился, но он уже любит тебя. Он хочет жить, хочет называть тебя папой, а меня — мамой. Неужели ты так боишься ответственности за этот безразличный мир, что готов пожертвовать своей семьей?

— Этот мир Нэра Натхалидар доверили моему деду и обязали оберегать его. После его смерти эта обязанность перешла к моему отцу, а от него — ко мне. Как могу я предать поруганию обеты моих предков?

— Не губи его, прошу тебя. Нет — умоляю! Я готова взять на себя ответственность перед Нэра Натхалидар в случае краха, но я приложу все силы для того, чтобы этого не случилось.

— Твоя любовь к нашему сыну не может не поколебать, — произнес Кайлур уже тишею — Будь по-твоему. Видит Небо, я уже отступил от Обета, раскрыв эльфам силу магии Света и Тьмы. Но если он даст мне хоть крошечный повод пожалеть об этом, я убью его.

— Ох, Кайлур, ты не представляешь, как я тебя люблю! — закричала от радости

Халинкара, — А как мы его назовем?

Йорвин почувствовал, как смертная тень уходит прочь и вновь возвращается тепло и свет.

— Я нарекаю его... Назулдан. Да не принесет он погибель, — трепетно произнес Кайлур.

Как камень разбивает зеркало, так утренний крик петуха разрушил ночь, разметав осколки сна во все стороны. И лишь в этот момент, проснувшись, Йорвин понял смысл сказанных родителями слов. Но как он ни старался, собрать всю мозаику у него не получилось. Он сумел вынести из сна лишь одно — его истинное имя. Назулдан. Почему-то он не сомневался, что то, что ему приснилось, был не просто сон, а дыхание действительного прошлого. Его прошлого.

Зуали разлепила глаза. Дом Зилеса звенел тишиной, и только настенные часы с маятником мерно оттикивали время. Йорвин сидел на полу, положив голову на сложенные в замок руки. Услышав, что Зуали зашевелилась, он поднял голову. Лучи солнца осветили лицо Йорвина и зрачки его драконьих глаз сузились.

— Как ты, Зу? — Задал он глупый вопрос. Йорвин знал это. Он просто хотел от нее что-нибудь услышать. Что угодно.

— Вроде... живая, — слабым голосом ответила Зуали. Юрки встрепенулся, услышав голос сестры,

— Зу, ты жива! Ты не... О, я так... — залепетал Юрки, роняя голову Зуали на плечо.

— Ничего не говори, — ласково прошептала она, беря брата за руку. В углу, под часами зашевелился Кейн.

— Ну надо же, наша лисичка проснулась! Были сомнения, что ты переживешь ночь, — сказал Кейн, поднявшись, и отряхивая свою шубенку, на которой лежал. — Но только не у меня.

Бросив скупое «Я скоро вернусь», Кейн оделся и ушел. Когда он вернулся, остальные сидели за кухонным столом. Зилес, напоследок, решил накормить гостей. На завтрак была подана перловая каша с кусками жареной говядины. Морферимы лихо справились с мясом, но вот с кашей у них возникли проблемы. И если Юрки держал монаршее достоинство и пытался есть по-людски — ложкой, то Эйнари уже не напрягался. Ел прямо с тарелки. Зуали, которая лежала на тахте и не могла сидеть за столом с остальными, довольствовалась сухофруктами с молоком.

— Кейн, проходи быстрее, пока завтрак не остыл, — помахал ему Зилес.

— А в чем причина такого приступа доброты, друг мой? Вчера ты отчаянно желал нас спровадить.

— Я решил пересмотреть свои взгляды после того, как ты так щедро отвалил за те сигары. Видишь ли, я их не покупал, мне их подарили. А я не курю, так что они так бы и лежали, если бы ты их не откопал и не купил.

— А откуда тогда ты узнал, сколько они стоят? — сощурился Кейн.

— Я ходил в табачную лавку, спрашивал, — Кейн указал на него ложкой, собираясь сказать что-то крепкое.

— Да чесслово, — хохотнул Зилес и отправил в рот очередную ложку.

— Гляди у меня, если соврал. Я ведь проверю, — помахал пальцем Кейн и вонзил вилку

в кусок мяса. Зилес улыбнулся и пожал плечами.

— Что там, на улице? — спросил он.

— Что на улице... Солнце, воздух, мороз, отморозки. Прикупил кое-чего нашим лохматым друзьям. Кстати, по дороге я наткнулся на еще один наградный лист. И на нем прибавилось портретов. Я теперь тоже в опале. И можете не аплодировать. — Юрки кивнул. Йорвин вздохнул и провел рукой по волосам.

— И с кем же вы так повздорили, Кейн? — скрестил руки коновал.

— Не много не мало — с самим государем, — с иронией на лице ответил Кейн. У Зилеса выпала ложка из руки. Его лицо вмиг побледнело.

— Что, что-то изменилось? — скорчил недоумение Кейн.

— Да нет. Только пожалуйста, доедайте побыстрее.

Позавтракав, Йорвин, Кейн и морферимы простились с Зилесом. Кейн увел у Зилеса тележку, на которой возили раненых и больных животных, и прикрыв Зуали тряпьем так, чтобы выглядывал только нос, Эйнари повез ее по улице. Кейн раздал морферимам по плащу с капюшоном, которые купил час назад.

— Вот, оденьте это, — сказал он морферимам. — Не стоит бесить судьбу лишний раз и щеголять увешанными волчьими ушами, фазаньими перьями и бусами из сушеных оторофельдских ягод у всех на виду. Такая одежда слишком броская. Привыкайте к конспирации.

Морферимы не торопились одевать плащи. Эйнари скучающе посмотрел на Кейна. Подаренный ему плащ едва опускался ниже хвоста, который был короче, нежели у его лисьих собратьев. Юрки тоже был недоволен. Бросив свой плащ на землю, он надменно скрестил на груди руки.

— Я не стану это надевать. Я не вор, чтобы прятаться от людей. Я не сделал ничего бесчестного. Если кто-нибудь захочет бросить мне вызов, я приму его, как подобает.

— Надевай, кретин, — зарычал Кейн, поднимая с земли плащ. — Здесь тебе не дома. Здесь многие слова такого, «честь», не слышали ни разу. А у тебя даже нет оружия. К тому же за тобой охотятся не какие-нибудь отбросы из подворотни. Это верные люди монарха Айвена Густоуса — единственного хозяина территории от Шадогарских гор до эльфийских земель. Если они нас поймут, то выделят каждому по железной деве. Там, в кабаке, мы легко отделались. Нам помогло чудо, известное как кабачный алкоконтингент. Больше таких чудес не будет. Так что заткни свое высочество и делай, что говорят.

Юрки был готов испепелить Кейна взглядом, как вдруг вмешалась Зуали:

— Юрки, не упрямясь. Кейн опытнее тебя. Уважь хотя бы его седины.

— Ладно, сестренка. Ради тебя все что угодно, — из тележки донесся облегченный вздох.

— Ну почему Зу — единственный здесь здравомыслящий не-человек? — развел руками Кейн.

— А куда мы теперь? — спросил Йорвин.

— Ко мне домой. Нужно безопасное место, где можно выходить нашу страдалицу. Мой дом подойдет. Наверное. Все равно, выбора особого нет.

Дорога к дому Кейна шла через Рыночную площадь. А может быть, Кейн нарочно выбрал именно эту. Здесь было шумно грязно, зловонно, и что больше всего не нравилось морферимам — очень людно. Но с другой стороны, то было место, где народ все время суетится, вертится по сторонам и не очень-то склонен замечать странных людей. Или

нелюдей.

Пройдя мимо лавки с табачными изделиями, Кейн остановился и пошел разбираться, как и пообещал. На прилавках располагались табачные изделия различных сортов и мастей — сигары, папиросы, табак нюхательный и курительный, экзотические курения, кальяны, а также бумага для тех, кто предпочитает крутить папиросы самостоятельно. С краю были выложены несколько видов трубок, различающихся по длине, форме и исходному материалу. Торговал всем этим добром узкоглазый старикашка — кедонэец с длинными аккуратно выбритыми усиками, закутанный в длинный меховой плащ с капюшоном, плотно прилегавшим к его небольшой голове.

— Здравствуй любезнейший, чем богат? — улыбнулся Кейн торговцу, продемонстрировав отсутствующий зуб на нижней челюсти.

— О, госьподин желает купить сигар, а бить мозет, самокрутку?

— Сомакритку бы. Скажи-ка мне, мил человек, в ходу ли у тебя такие сигарки? — Кейн достал из кармана портсигар и показал содержимое торговцу.

— О-о-о! Ето сигары отень редкие здесь и отень дорогие. Узе месяц я таких не видел, и дазе не помню, когда в посьледний раз дерзал их в руках.

— А не припомнишь ли ты, у кого ты их тогда видел?

— Не пирипомню, господин. Не зьнаком он мне. Молодой, зеленоглазий, в шерстьяной шапке был. Тозе про такие расьпрашивал.

— Ха! Не соврал, выходит, каналья! — воскликнул Кейн и хлопнул в ладоши.

— Не съоврал, госьподин, тистую правду говорю, — поклонился кедонэйский табачник. — Не хотите ли вмесьто этих Манляйдский Филимыгтон, тозе дорогой, катественный сигар.

— Хм, Филимгтон? Покажи, — кивнул Кейн, убирая портсигар обратно, в карман. Торговец исчез под прилавком, и через секунду появился с тонкой и длинной — предлинной сигарой.

— Позалеста, — улыбнулся кедонеец. Кейн взял сигару в руки, повертел, поводит бровями. Потом ему захотелось ее понюхать.

— Фу! Ну и несет от нее. Что за вонь?

— Ето не вонь, госьподин напрасьно ругаеся. Ето такой сигар. Его курят вельможи в Небельфлеке. Табатьный лист собираеся с одной пьлантиции раз в три года, затем дерзися в крепком виськи высшей пробы. Большая удача всьтретить такой сигар на провинциальном базаре. Поетому десевле восьми нечиев не продам.

— А и не надо, — махнул рукой Кейн, отдавая вонючую сигару обратно. — Тогда мне Гесторийскую Марку, из тех, что подешевле. Штук десять, а лучше пятнадцать, если имеется.

Покопошившись у себя в закромах, табачник достал пятнадцать толстых, темно-бурых сигар и вручил Кейну.

— Два нечия, сорок цзанг, — отстучал на счетах торговец. — Не зелаеете лучин?

— Желаю. Давай сюда, — сказал Кейн, засовывая сигару в зубы.

— Семь цзанг, — попросил табачник.

Закупившись куревом и изрядно подняв себе настроение, Кейн собрался махнуть своим рукой и пойти дальше, как вдруг его внимание привлекла странная деревянная табличка на торце лавки. Когда-то на ней белилами было выведено «Курение тебя убивает!», но какие-то умники догадались замазать грязью некоторые буквы и слова, так что теперь на табличке

светилось увещающее «Кур...ни... б...ра...т!» Судя по всему, такая корректировка здесь была уже довольно давно и хозяйина лавки она устраивала. В Глимкаре по указу государя было запрещено торговать одурманивающими и вредными веществами и травами, не предупреждая покупателя о возможном вреде для его здоровья, но хитрый кедонзец нашел способ обойти закон и даже склонить его себе на пользу. Если какой-нибудь служитель закона осерчает на табачника за такую табличку, тому стоит лишь пару раз ойкнуть, подмести шапкой землю, возопить о невоспитанности некоторых и стереть грязь с таблички. Страж отстанет, а там уж лепи обратно, и как ни в чем не бывало.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Прочитав надпись, Кейн так расхохотался, что чуть не выронил изо рта сигару.

— Ну, ты, мужик, даешь! — сквозь смех выдавил Кейн. — Ядрена муха! Мудрый, как тюремный онуч.

Все так же продолжая посмеиваться, Кейн закурил одну из купленных сигар. Одну предложил Йорвину, но тот, скорчив кислую мину, помотал головой.

Дом Кейна находился на довольно узкой улочке, по которой можно пройти только пешком. Сам дом выглядел как младший брат, зажатый между двумя старшими братьями — домами, принадлежащими более зажиточным ремесленникам. От других домов дом Кейна отличался прежде всего формой крыши. Все дома вокруг были с двухскатными крышами, кроме дома Кейна, чья крыша имела трапециевидную форму. Дом был немолодым и давно не крашенным. Когда-то небесно — голубая краска выцвела и облупилась. Да и окрашен был только второй этаж. Первый давно опаршивел от погоды и вандалов.

Кейн впустил гостей в свою обитель. Первое впечатление на вновь вошедших произвел невыветриваемый запах табачного дыма. Когда глаза привыкли к полумраку логова Кейна, стали просматриваться заурядные предметы мебели, а также не менее заурядные горы хлама... Единственное, что было незаурядным — это огромный гобелен на стене, шесть на восемь футов. На этом гобелене с поразительным вниманием ко всем деталям был изображен большой белокаменный город на фоне гор, освещаемый холодным северным солнцем. Примечательной деталью было то, что пейзаж, изображенный на гобелене, можно лицезреть лишь с высоты птичьего полета, поэтому оставалось лишь удивляться такому чудесному вдохновению и восхищаться мастерством художника.

Эйнари откопал Зуали из-под груды тряпок, и Кейн сопроводил их с Юрки на второй этаж, где была более-менее приличная кровать. Когда он вернулся, Йорвин все еще любовался пейзажем.

— Где ты откопал такую красоту? — спросил он.

— Ты не поверишь — на том же базаре, на котором мы сегодня побывали. Пришлось изрядно поторговаться с тем барыгой, но эта вещь... Она того стоит, не правда ли?

— Ага, — выдохнул Йорвин, скрестив за спиной руки.

— Действительно очень похоже, — сказал Кейн, добавляя в лампу масло.

— Да? На что?

— На настоящий Мьёлхайм.

— Мьелхайм? Это в Гестории, насколько я помню.

— Да, столица Северной Гестории. Как же я иногда скучаю по своей родине. По отрогам Серой Гряды на горизонте, по белоканным монолитам Мьёлхайма, по Валлесу, где прошла моя молодость... Но я не могу вернуться.

— Почему? — спросил Йорвин, не отводя глаз от пейзажа.

— Потом расскажу, — ответил Кейн, вешая зажженную лампу на место.

— Ты вчера упомянул какого-то Селиверста, который замками занимается. Кто он? — спустя небольшую паузу заговорил Йорвин.

— Кузнец, давний друг. А зачем он тебе?

— Наш лесной брат Юрки все свои каменные мечи в стычках поломал. Нехорошо без оружия ему ходить, — качнул головой Йорвин и слегка улыбнулся. — В наши-то лихие времена.

— Каменные мечи? — прыснул Кейн.

— Угу. А откуда же у них, в лесу, железные-то возьмутся? С дерева упадут?

— Как же они тогда меж племенами отношения выясняют?

— У них это не принято, — со странной горечью в голосе ответил Йорвин. — Они не злобивы и не жадны. В большинстве своем, разумеется. А если кто-то кем-то недоволен, то они устраивают поединок один на один, голыми руками или с несмертельным оружием.

— То есть никто никого не убивает, так что ли? — Кейн с задумчивым видом скрестил на груди руки. — Значит, население бесконтрольно растет. Как же они избегают голода и эпидемий?

— Ты знаешь, где они живут? Ты заходил хоть раз в Оторофельд?

— Нет, мне туда надо не было, — сказал Кейн, играя с сигарой в зубах,

— Вот. А я был. И провел там довольно много времени. Ты даже не представляешь, какая мракобесия там водится. В прошлом мне довелось столкнуться с некоторыми особями. Знаешь, я не хотел бы с ними столкнуться и теперь. А они живут среди всего этого, сколько себя знают. Испокон веков. Среди воинов и охотников у них не только мужчины, но и женщины. И каждый готов отдать жизнь не за себя, но за род. А касательно межполовых связей и смешений крови у них особо строгие законы. Имя закона и као для них священно. Ослушавшийся получает не телесное наказание и даже не материальное взыскание. Им гораздо болезненнее нести на себе ярмо позора. Поэтому их мужчина никогда не познает женщину, если он не готов быть отцом ее ребенка и ее мужем. И, тем не менее, ты прав. Они процветают и размножаются. Их города огромны и все растут. Я бывал лишь в одном из них, и мерил его собственными ногами. Но на самом деле я изведаль лишь небольшую его часть. Эйнари может рассказать более подробно. Он как раз специалист в этом вопросе.

— Постой. Раз они всегда жили в лесу, то почему они свободно говорят на Всеобщем?

— Когда-то давно, еще во времена становления Империи, люди исследовали Оторофельд и наткнулись там на них. К счастью, они быстро смекнули, что пряником в их положении действовать гораздо выгоднее, чем кнутом. Вот они и задарили их, чем могли. В том числе подарили им язык, который пришельца им очень кстати. И они стали говорить на нем. Мудрый император понял, что лучше иметь морферимов союзниками, чем врагами. А занимать территорию леса означает развязать войну, которая потребует таких жертв, которых не стоит. Так что он только нанес лес на карту и провел границу своих владений вокруг. Потом его люди покинули Оторофельд, и с тех пор кроме разбойников туда никто не заходил. Да и тем быстро надоело.

Кейн задумался.

— Хм, откуда ты все это знаешь? — спросил он наконец.

— Из книг и со слов морферимов, — улыбнулся Йорвин. — Ну что, познакомишь меня с Селиверстом?

— Чтобы он сообразил для Юрки железку? Не-а,дохлый номер. Селиверст оружие не

кует. Только по мелочи. Инструменты, подковы, замки да шпингалеты. За оружием — это к графьему полковому квартирмейстру. Да только он нам скорей всего не обрадуется.

— И все же я хочу с ним пообщаться.

— С кем, с квартирмейстром?

— Нет, с другом твоим. Может, мы какого консенсуса достигнем.

— Ну, что-ж, ладно. Если с любованием полотном покончено, то так и быть, давай прогуляемся. Только капюшона не снимай и вверх не смотри, — сказал Кейн и глубоко затаился.

Йорвин с Кейном ушли, оставив морферимов в доме самих по себе. Кейн объяснил Морферима, что где лежит и строго-настрого запретил им выходить на улицу. Но морферимы глупыми не были и понимали все сами, так что Кейн в некотором смысле успокоился. Он уже по дороге крутил в голове, как снова встретится со старым другом, с которым они не виделись уже несколько недель. Селиверст был первым и самым верным другом Кейна в Гвантане более двадцати лет. В каких только историях они не побывали за эти годы, сколько ночей провели в кабаках, рассуждая за кружкой пива о вечном — войне и женщинах.

Кузнец жил в небольшом доме на небольшой территории с прилегающей к дому кузницей. Жил он ни бедно, ни богато, а именно так как должно честному ремесленнику. Никому не завидовал и ничего не стыдился, и именно за это Кейн его уважал больше всех. Они с Селиверстом были почти ровесниками, но несмотря на преклонный возраст, Селиверст не бросил своего дела потому что, любил его. Помимо работы он любил и свою жену, Данель. Они поженились сорок лет назад, когда ей было семнадцать, а ему — тридцать четыре. И за все эти годы муж не поднял на жену руки, ни разу не хлопнул дверью и ни разу не посмотрел налево. У Данель и Селиверста в браке родилась дочь, но повзрослев, она уехала жить в Митриум, а родителей навещала не так, чтоб уж очень часто, но регулярно.

Остановившись на развилке, Кейн замолчал. В этой части города он бывал не часто, и, к тому же, с возрастом память начала его подводить.

— Мы пришли? — спросил Йорвин, оглядываясь по сторонам.

— Нет, едрить — колотить, плутанул я. Заболтался, попугай старый, да, кажись, где-то не туда свернул.

— Может, спросим у кого-нибудь?

— Да, щас! — рыкнул Кейн. — Что, я в своем городе и дорогу к своему другу не найду? Сюда пошли.

Кейн повернул направо и решительно зашагал вперед, внимательно разглядывая окрестности. Йорвин не видел его лица, но ему было совершенно ясно, что чем дальше он идет, тем более незнакомый встречает пейзаж вокруг. Они забрели в район, в котором Кейн не был очень давно, а может, и вовсе никогда не был, но не хотел сознаваться. Йорвин шел за Кейном не спеша, и чуть приотстал.

— Гордыня — греховная страсть, — сказал он. — С ней надо бороться.

— Еще один сыскался! Избавь меня от своих нравоучений, поповедник, и прибереги их для паствы в храме. Хватает мне одного Преподобного, который мозги полощет лучше, чем баба — белье. Мой характер меня вполне устраивает. Да и переучиваться мне поздно, повторяю. Сегодня я жив, завтра — помру. И мне не...

На увлекшегося тирадой Кейна налетел парнишка лет десяти. Щуплый мальчик чуть не сбил с ног огромного мужчину и, как будто ничего не заметив, побежал дальше. С такой

прытью можно только улепетывать. Мальчик держался за вздувшуюся на животе шубку, судя по всему, пряча под ней что-то тяжелое. Настолько тяжелое, что сил у него уже не осталось и, споткнувшись, он упал на снег, выронив из под куртки мешок муки. Его преследователь не замедлил объявиться. Бесцеремонно расталкивая людей, красный от злости лавочник рвался догнать воришку и линчевать на месте топором для колки дров. Но судьба распорядилась так, что поблизости оказался Йорвин.

— Туда побежал, сученыш, — доложил лавочнику Кейн, показывая пальцем. Лавочник, рыча и размахивая топором побежал в указанном направлении, насколько это позволяла одышка. Йорвин вышел ему наперерез, поправляя перчатку. Лавочник, попытавшись миновать его, встретил лбом бревенчатую стену ближайшего дома, ничего не успев понять. Йорвин поднял мешок и помог мальчику встать. Вытаращив от удивления глаза, мальчик побежал дальше в обнимку с мукой. Йорвин, ласково улыбаясь, смотрел ему в след, пока Кейн не дернул его за рукав.

— Эй, ты что творишь, мать твою? Зачем ты его отпустил? И какого хрена так ухмыляешься?

— Отпусти! — вырвался Йорвин. — Этот мальчик не заслужил лишиться рук за то, что хочет есть. А так, как я табоист, то вмешаться — моя святая обязанность.

— Чего? Ты что такое несешь, каланча? Давай тогда раздадим еду всем голодающим в... хотя бы в этом городе. А что будут делать те, кто эту еду изготавливает и продает, а? Им-то на что жить? — Йорвин молча сглотнул, глядя Кейну в глаза.

— Как раз для этих целей и существует такая вещь, как закон. Слышал о такой, нет? Чтобы какой-нибудь сучий хвост не мог присвоить чужое, зная, что его зад не пострадает.

— Еще есть такая вещь, как добро, — сказал Йорвин.

— Добро? — скривился Кейн. — Не смей мои чеботы. Добро придумали те, кому не хватает сил защищать свои интересы. Взять, к примеру, этого засранца. Да, без сомнения, для него это был жест великой доброты. Но таких вот голодных, как он миллионы по всему миру. Даже в этом городишке каждый третий — голодан. Всем ты помочь не сможешь. Так какой смысл осушать море черпаком?

— А такой! — твердо ответил Йорвин, и Кейну показалось, что его драконьи глаза вспыхнули на миг. — Для мальчика и его семьи, которая продержится еще, по крайней мере неделю, есть смысл.

Дальше они шли в молчании. Поплутав еще немного, Кейн с Йорвином вышли на большую площадь, окруженную липовым парком. Параллельно площади шла широкая улица, посередине которой, промеж трехэтажных домов стояла великолепно обустроенная кузница, но, несмотря на разгар дня, огонь в горне был потушен, мехи лежали в стороне, а инструмент был спрятан в сундуке на замок.

— Не понял! — воскликнул Кейн. — В это время Селиверст во всю должен стучать молотком, куда он делся?

Кейн постучал в дверь дома друга. Ответом ему была тишина. Немного погодя он постучал снова, и вновь ответа не последовало.

— Что-то мне это не нравится, — выдохнул Кейн. — Так, дверь лома...

Когда Кейн уже собрался двинуть по двери ногой, она вдруг открылась. На пороге стояла женщина с красными от слез глазами и мучительной горечью на лице.

— Данель, что случилось? Где Селиверст?

— Он умер, Кейн, — хрипло ответила Данель.

— Что? — не поверил ушам Кейн. — Как это...?

— Заходите, — хозяйка широко раскрыла дверь, и Кейн с Йорвином, не мешкаясь, вошли.

Данель отвела их на второй этаж, в спальню, где лежал Селиверст. Друг Кейна лежал на кровати прямо в одежде и сапогах. Можно было бы подумать, что он спит, если бы грудь его вздымалась, а на лице не было бледного отпечатка смерти. Селиверст по меркам людей был гигантом. Хоть рост его был вполне заурядным, жизнь у кузницы сделала его могучим и атлетически сложенным, несмотря на преклонный возраст. Его седые волосы были ровно обстрижены ножом и немного опалены огнем. На лице кузнец носил густые моржовые усы, которые опускались до подбородка.

— Как это случилось? — спросил Кейн.

— Я не знаю, — ответила вдова. — Хочется думать, что просто его время пришло. Вчера вечером он вернулся домой очень уставшим и сразу пошел спать. Даже ужинать не стал. Когда пошла спать я, то нашла его уже... таким.

— Госпожа, — кашлянул Йорвин. — Мы пришли к вам не просто так. Нам... Мне нужны услуги опытного кузнеца. Мой друг, воин, после последней битвы остался без оружия, и я хотел попросить у вашего мужа... но... Однако я сам в прошлом кузнец, и я владею всеми необходимыми навыками. Мне нужно лишь ваше согласие на аренду кузницы и совет, где раздобыть сырье.

— Селиверст уже много лет не занимается оружием. И будь он жив, вы бы ушли ни с чем. Но у нас осталось немного стали. Мне она ни к чему, но если вы хороший кузнец, то используйте ее на здоровье. Хотя на вид вы, по-моему, слишком молоды.

— Я старше, чем выгляжу. Спасибо, госпожа. Храни вас Табо, — Йорвин поклонился хозяйке и зашагал по лестнице вниз.

— Надо похоронить его, — сказала Данель. — Сколько?

— Чего сколько? — спросил Кейн.

— Сколько возьмешь за свою работу? Ты ведь гробовщик?

— Не обижай меня Данель. Я, конечно, ублюдок, но ублюдок не конченный. Как я могу требовать деньги с вдовы моего лучшего друга?

— Кейн!

— Нет, и не проси. Я все сказал. К тому же ты помогла моему другу, а значит, помогла мне. Мы этого не забудем.

Данель села на кровать, где лежал ее муж и, роняя слезы, ласково погладила его бледное лицо.

— Как же я теперь без тебя? — сказала она, рыдая. Кейн подошел к ней и осторожно коснулся плеча.

— Держись, женщина. Я обо всем позабочусь. Похороны будут завтра.

Выйдя из дома Селиверста, Кейн попрощался с Йорвином, который, не теряя времени, уже раздувал огонь в горниле и подкладывал углей. Он работал в кимано на голое тело, несмотря на зиму. Перчатку Йорвин предпочел не снимать, дабы не светить своим клеймом.

Хитросплетение улиц вновь вывело Кейна на рыночную площадь. Пройдя мимо старой знакомой кедонейской табачной лавки, он вновь остановился. Любопытство ценителя взяло верх.

— Уговорил ты меня, милый мой. Давай-ка сюда свой филимгтон, — сказал Кейн кедонейцу.

— А-а-а, я зьнал, что вы верьнетесь. Вам ськолеко?

— Одну, — показал палец Кейн.

— На зьдоровье, госьподин, — оскалился табачник. — Восемь серебрянных.

— Ой, барыга! Ой, барыга! — покачал головой Кейн, взяв сигару в зубы, выкладывая деньги на прилавок. Затем он поджег лучиной кончик сигары. Другой откусил и выплюнул.

— Ну как, нравися? — с улыбкой спросил торговец.

Кейн пару раз затянулся, затем задумался. Потом снова затянулся. А затем скривился и сплюнул.

— Не-а. Те же яйца, только в профиль, — кедонейский табачник пожал плечами.

— Дорозе отень не всегда значит лутьсе. Но такой сигар могут позьволить себе не только лишь все. Мало, кто мозет.

— Везет мне на всякое дерьмо сегодня, — буркнул Кейн. — Удачный денек. Ничего не скажешь.

— Удачный денек у тя еще не начался, — прохрипел пропитой голос у Кейна за спиной. Выпуская из легких дым, он не спеша оглянулся. Вокруг него собрались четверо крепких мужчин. Двое были сильно пьяны. У других на лице отображались недели или даже месяцы беспробудного запоя — сизые носы и пурпурно красные, опухшие физиономии. Запоя, который теперь сменился мучительным похмельем. Все были бородаты и неопрятны. От них разило мочой и кое-чем похуже — последствиями безудержного пьянства. Все были вооружены. Один — серпом, двое других — ножами, четвертый — железным ломом длиной в четыре фута. Один сжимал в руке измятую оплеванную бумагу, на которой красовались портреты Йорвина, самого Кейна и морферимов.

— Протрезветь — не встать! Парни, видали когда-нибудь такую уродливую гору мяса? — пробубнил пьяный с ломом, уставившись в лицо Кейна. Остальные не обратили на него внимания. Первый продолжил:

— За тя такие деньги обещшают, шо я и трезвый не сосчитаю стока нулей. Лично мне лень тащить твою дохлую тушу на себе. Сталбыть, ты пойдешь с нами. А если нет, может, и башки твоей хватит. Гы!

— Нет, — невозмутимо ответил Кейн. — Что-то мне не хочется никуда идти.

— Крутого из себя корчишь? — спустя паузу раздумий ответил мужик. — Ты глянь на ся. Из тя песок сыпет. Ты уж мертвец наполовину. Куды тебе на четырех?

— Ладно. Ладно. Уговорил. Будь по-твоему, — пожал плечами Кейн и швырнул недокуренную сигару пьянице под ноги.

— О! — довольно хмыкнул пьяница. Но Кейн и не думал сдаваться. Воспользовавшись тем, что нерадивые охотники за наградой немного расслабились, Кейн, не сказав ни слова, зарядил кулаком в челюсть тому, который держал лом. Тот свалился на месте. Его лом теперь оказался в руках Кейна. Не медля ни секунды, он угостил им тех, что замахнулись на него ножами. Два молниеносных взмаха ломом, и двое охотников разлетелись в разные стороны. Тот, что был полнее остальных, снес лавку травника, приземлившись на нее. Другой прочертил носом снег. На все у Кейна ушло не более двух секунд, и все таки он был уже не так быстр, как тридцать лет назад. Один еще остался на ногах, и он воткнул серп Кейну в спину. К счастью, удар был не силен, и серп вошел не глубоко. Разъяренный от боли Кейн схватил подлого пьяницу за голову своей огромной лапищей, поднял над землей и, взревев как медведь, швырнул его как тряпичную куклу туда, где лежал его собутыльник.

Откуда-то слева раздались резкие голоса, обремененные властью, и краем глаза Кейн

увидел, что к месту происшествия уже спешат двое солдат в черных плащах. «Дурак! Старый дурак!» — подумал про себя Кейн — «Должен был догадаться, что колдыри приволокут с собой полицию!»

Не успел Кейн выпустить пар из легких, как снова пришлось скрываться. Драться с полицейскими Кейн больше не хотел. У него под ногами валялся наградный лист. Схватив его, Кейн пустился бежать. До смерти перепуганный хозяин табачной лавки, набравшийся смелости высунуть из-под прилавка нос, вновь скрылся под ней, когда мимо пронеслись двое полицейских с арбалетами наперевес и мечами за поясом.

Долго бежать Кейн не мог. Только он успел скрыться из виду полицейских, как вдруг в районе его сердца разорвалась гномья бомба. Десятилетия курения не пошли на пользу организму Кейна, пусть даже нечеловечески крепкому и выносливому. Скрутило его не на шутку. Сердце, вспыхнув как факел, превратилось в черную дыру, которая стала засасывать все остальные внутренности. Руки и ноги перестали слушаться, дышать стало тяжело, к горлу подступила тошнота. Стук сердца зазвенел у Кейна в ушах подобно бою орочьих барабанов. Звенело так, что он ничего вокруг больше не слышал. Припав к стене, Кейн еле-еле добрался до ближайшего переулочка, где была тень и шанс переждать приступ. Через минуту вспыхнули и легкие. Упав на колени, Кейн зашелся неистовым кашлем. Оторвав руку ото рта, он увидел на ней кровь. Очень плохой знак.

Спустя долгое время, кажется, целую вечность, сердце стало понемногу успокаиваться. И тут Кейн обнаружил, что между левой лопаткой и позвоночником все еще торчит серп. Твердой рукой Кейн вытащил серп из спины и выбросил прочь. Извлекать из своего тела острые предметы ему приходилось не раз. Рука все еще сжимала объявление о розыске. Кейн развернул смятую бумагу и пригляделся. Когда глаза зациклились на награде, он чуть не поперхнулся. За его с Йорвином головы государство сулило по СТО ПЯТДЕСЯТ тиллиев. И ВДВОЕ БОЛЬШЕ за голову морферима. Со злобой разорвав бумагу, Кейн с трудом поднялся и все так же держась за стену, осторожно побрел домой, глядя по сторонам и прислушиваясь к каждому звуку города, ставшего для него враждебным.

Металл подчинялся. Прошли десятилетия с тех пор, когда Йорвин в последний раз брался за молот, но его навыки просыпались стремительно, стирая пробел минувших лет. Каждый новый удар молотом по заготовке был увереннее и точнее, чем предыдущий. Спустя немного времени Йорвин позабыл, что молот не есть продолжение его руки. У Селиверста была первоклассная сталь. Раскаленная до оранжевого цвета, с каждым ударом молота, сопровождающимся снопом искр, она приближалась к тому виду, какой Йорвин задумал. А он мечтал воссоздать оружие Юрки таким, каким был его каменный прототип, единственно с поправками на толщину лезвия и наличием гарды. У Йорвина была безупречная память. В его голове стояло изображение клинка Юрки с изогнутым широким лезвием, каким-то нелепым декоративным подобием зазубрин на вогнутой стороне клинка и даже родовая метка дома Оярви — иероглиф на древнем языке морферимов, по форме напоминавший рыбу, обвитую змеей.

Йорвин работал весь день без перерыва. Погода, которая поутру радовала глаз солнцем, с течением дня ухудшалась, и к вечеру испортилась окончательно. С наступлением сумерек задули неистовые ветры с северо-запада и принесли с собой метель. Йорвин сложил навес, чтобы его не снесло ветром, и чтобы закрыть горнило от снега. В тусклом его свете Йорвин видел абсолютно все. Он мог бы работать даже в полной темноте, ибо его драконьим глазам

мрак был не страшен. Если бы в кузнице находился еще кто-нибудь, он мог бы наблюдать, как блестят его глаза в темноте, отражая свечение углей, и как подобно стуку сердца стучит его молот, каждым ударом выбивая мириады искр, и на мгновение освещая благородные черты его вечномолодого, но по возрасту зрелого лица.

Вдруг Йорвин почувствовал нечто странное. Как будто бы жар, но чувствовала его не кожа. Этот жар был сверхъестественным, и с каждой секундой усиливался. Йорвин даже положил инструмент и выглянул из кузницы. В этот момент он различил одинокий силуэт, бредущий сквозь метель. Этот некто приближался, и все больше усиливалось странное чувство пульсирующей неведомой энергии, и Йорвин понял — к нему приближается маг, и весьма сильный. Очень сильный. Ужасающе сильный. Незнакомец был одет в шикарное пальто, какие не встретишь на рынке в здешних краях, при перчатках и запонках в тон. Голову от метели закрывал шерстяной капюшон. Он был худ и высок. Почти столь же высок, как Йорвин. Подойдя к нему, незнакомец заговорил.

— Добрый вечер, мастер кузнец, не уделите мне минуту вашего времени? — Йорвин очень удивился, услышав женский голос. С другой стороны в этом бархатном контрольто было что-то неуловимо знакомое.

— Конечно. Вы зайдите, не стойте на ветру. Чем я могу вам помочь? — Йорвин впустил незнакомку в кузницу, и та сняла с головы капюшон. Первое, к чему приклеился взгляд Йорвина — это небесной голубизны глаза. Настолько же чистой голубизны, как и у него самого. Это его не на шутку смутило. Он попытался оторвать от нее глаза, но не смог. Перед ним стояла девушка возраста примерно от двадцати пяти до тридцати пяти с роскошными черными волосами. Ее лицо было неземной красоты. И блистало неземным благородством и силой. Йорвин усилием воли заставил себя отвернуться, делая вид, что его вдруг заинтересовал треск угольков в горниле.

— Я такая неловкая, — засмеялась гостья. — Собралась поменять линзы в моем ридививаторе, да сломала что-то. Посмотрите, не сможете ли починить?

— Не думаю. Не мастер я в подобных... приборах, — вздохнул Йорвин, но тем не менее взял в руки прибор. Его назначение было для него столь же непонятным, как и истинные намерения гостьи. Ведь при поломке таких агрегатов, маги, если не могут справиться сами, идут к чаро-механикам, а не к кузнецам. Йорвин зажег свечу в светильнике. Для вида, разумеется. Повертев прибор в руках, Йорвин нашел смутившую его деталь и извлек ее. Гильза для линзы была деформирована. Йорвин вернул ей прежнюю форму и поставил на место. После чего вручил ридививатор хозяйке.

— Попробуйте теперь, — девушка поднесла прибор к свету, пощелкала рычажком под ручкой и просияла.

— О! Да вы просто чудо! А говорили, что не сможете, что не умеете. Десяти нецее хватит за ваши услуги?

— Что? — изумился Йорвин, — За такой пустяк?

— Ну да, — девушка подобно кошке прильнула к плечу Йорвина, — Даже такому удалому красавчику, как ты нужны деньги. А ты, судя по всему, еще и отчаянно амбициозен, а? — Вдруг их взгляды встретились, и в горле у Йорвина образовался ком. Он смотрел ей в глаза, как в зеркало, не в силах отвести взгляд. Уже не обращая внимания на то, как незаметно они перешли а «ты».

— Прекрасные глаза, — прошептала она ему на ухо, глядя тонкими шелковыми пальчиками его жилистую шею. Йорвин хотел ее оттолкнуть, но не смог поднять руки. Его

сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди и поскачет прочь как можно дальше. Она словно околдовала его. Но при этом ее голос был так нежен, как будто она давно его знает и испытывает к нему неподдельные чувства. Но откуда она может его знать? Она хватается его за руку. Йорвин закрывает глаза и чувствует ее теплое дыхание. Ее волосы источают запах хвои с тонкими нотками эвкалипта. Йорвин глотает колющий ком и осознает, что не в состоянии сказать ни одного слова даже мысленно. В его голове остались только эмоции. Она снова шепчет ему что-то, но он не понимает. Вдруг незнакомка подергивается, как будто сказала что-то лишнее. Интересно, что? Затем разворачивается и стремительно удаляется, растворяясь в пурге. И тут с Йорвина спадают оковы. Он выбегает на улицу, но в пределах видимости уже нет никого. Голова начинает понемногу проясняться, сердцебиение затихает, а Йорвину ничего не остается, кроме как вернуться в кузницу, чтобы собраться с мыслями и привести чувства в порядок.

Что же она сказала?

Йорвин разжал потную ладонь. На ладони лежало десять маленьких серебряных монет. «Будь сильным, малыш.» прозвучало в голове, и эхо этих слов разнеслось до самых глубоких закоулков сознания. Внезапно пришло объяснения всем странностям незнакомки. Исчерпывающий ответ на все вопросы скрывался за одним единственным словом.

МАМА.

Йорвин даже не поинтересовался, как ее зовут. Ведь, быть может, он видел ее единственный раз в жизни. Только Йорвин об этом подумал, как из омута его подсознания всплыло имя. Халинкара. Это имя он слышал во сне. Ему снились невыдуманные события полувековой давности. Отец хотел его уничтожить, но она не дала. Ответ на одни вопросы породил море других. Зачем она объявилась после стольких лет? Где его отец и почему он хотел его уничтожить? Ответов не было.

Йорвин взялся за молот, но дрожащая рука отказывалась работать. В сердцах Йорвин зашвырнул молот в угол, затем с силой захлопнул крышку горнила, накинул плащ и ушел.

Шов получился почти ровным.

Зуали настояла на том, что рану Кейна нужно зашить. И решила собственноручно это сделать, прямо лежа на кровати, благо силы к ней возвращались, а рана стремительно заживала. Кейн сидел на полу и, стиснув зубы, терпел, пока Зуали сшивала ему мясо и кожу, не переставая, глотал ром из бутылки, покрывшейся от времени коркой пыли.

— Плесни-ка каплю. Это наполовину спирт, — попросил он. Зуали повиновалась, с трудом понимая, для чего нужно этот самый наполовину спирт лить на рану и зачем вообще Кейн пьет столь отвратно пахнущую жидкость.

— Благодарю, милая, — Кейн забрал у Зуали иглу с нитью, поцеловал ее руку, а затем аккуратно поправил ей одеяло.

Йорвин сидел в кресле, в углу комнаты, мрачный как туча в месяц дождей. В руках он вертел измятую карту Эрдероса, на которой была пометка с подписью «Все ответы здесь». Жирная красная точка стояла на одном из островов Архипелага Дагона, что было на южном конце карты за полмира отсюда. Когда Йорвин вернулся в дом Кейна, тот передал ему эту карту, и сказал, что его, Йорвина — искала какая-то женщина, и просила ему передать это. Йорвин рассказал друзьям, что их встреча недавно состоялась и кем была эта женщина.

— Невероятно, — сказал Юрки, заглядывая в карту из-за плеча Йорвина. — Я подозревал, что мир огромен, но не думал что настолько. Вот эта вот клякса — это что,

Оторофельд?

— Думаю, что будь карта точнее, в таком масштабе он выглядел бы еще меньше, — ответил Йорвин. Юрки, почесав за ухом, с озадаченным видом удалился на нижний этаж, куда Эйнари пытался занести с заднего двора очередную порцию дров для печи.

— Маман, говоришь? — хмыкнул Кейн, почесывая уже солидно обросший седой подбородок. — Неплохо твоя старушка выглядит. Вон, значит, в кого ты такой моложавый.

— Выходит, она давно за мной следит, — не обращая внимания на нетрезвые замечания Кейна, произнес Йорвин, — Страшно предположить, насколько давно. Иначе, как бы она меня нашла? Откуда бы узнала, о том, где мы прячемся?

— А может, она не единственная вовсе, — Зуали высунула нос из-под одеяла. — Посуди сам. Пятьдесят лет от нее не было ни словца, ни весточки, и вдруг она объявляется и передает тебе эту карту. А потом вдруг снова исчезает. Сдается мне, вы оба в опасности.

— Насчет меня-то понятно, но что у нее за проблемы? Хм... Так что предложишь мне делать? — нахмурился Йорвин.

— Отправляйся туда. Что бы там ни было, оно очень важно для тебя именно сейчас.

— И что же? Бросить вас здесь, среди озлобленных деревенщин?

— Полно те строить мамочку. А я-то на что? — ударил в грудь кулаком гробовщик. — Не бойсь. Пригляжу я за твоими гавриками... Ик!.. Кудлатыми.

— В самом деле, Йорвин. Не беспокойся за нас, мы в состоянии о себе позаботится. Ай! — Зуали со стоном замерла. — Это не в счет. — Йорвин печально усмехнулся.

— К тому же раз ты дракон, то ты сможешь туда полететь, узнать, что нужно и побыстренько вернуться, — Йорвин снова невесело усмехнулся.

— Я подумаю, — тяжело вздохнул он. Затем бережно сложил карту и спрятал в карман. Внизу раздался командирский голос Юрки:

— Куда ты столько? Нет-нет! Нет! Тихо. Тихо! А-а-а!!! — Последовавший затем грохот, казалось, должен разбудить всех соседей, которые уже легли спать. Эйнари с Юрки умудрились опрокинуть всю дровницу на пол. В основном, по вине Эйнари, который в пылу трудового ража неверно рассчитал свои силы и взвалил на свои не вполне здоровые плечи такую грудку дров, которая в дверь-то еле пролезла. А дровница у Кейна изрядная.

— Ну чего стоишь, смотришь? — поправил наруч Юрки. — Собирать надо.

Сверху по лестнице скатился Кейн. Лицо его было пурпурным. То ли от рома, то ли от злости, толи от всего сразу.

— Курва — мать! Это чего ток щас было? — зарычал он. — Мало что ли болтов я из ваших задниц мохнатых вытащил? Неможется от того, что еще не весь город знает, где нелюди живут? Хвосты вам в узел, я вас раз... — Договорить распяляющемуся гробовщику Юрки не дал — зарядил поленом между глаз. Отведав полена, Кейн окосел, пошатнулся и собирался было рухнуть, но Юрки ловко подхватил его здоровую тушу. Увидев, как у Юрки глаза полезли из орбит, Эйнари поспешил на помощь, и вместе они оттащили Кейна на софу.

Через полчаса гробовщик очнулся. Встал, оделся и ушел, громко хлопнув дверью. В доме повисла тишина. Все огни погасли и только в печи еще тлели бардовые угли. Морферимы легли спать, и только Йорвин еще сидел на полу, замкнутый молитвой. На первом этаже с холодного пола на освободившуюся софу осторожно и тихо перебрался Эйнари.

Ночью, перед похоронами Селиверста, ударил крепкий мороз. Кейн всю ночь дробил землю, окаменевшую от холода, и к утру вымотался окончательно. Во время работы его

вновь скрутил свирепый приступ кашля. Кейн не обратил внимания, что крови на рукаве стало еще больше. Как только кашель немного отпустил, Кейн закурил очередную сигару. Кашель прошел окончательно.

Через два часа встало солнце, но на чистом небе все еще был виден синий полумесяц и тускнеющие звезды. Похоронная процессия вышла из городских ворот. Впереди шел Преподобный. В руках он держал ветхий толстый молитвослов, и на ходу читал молитву на старовсеобщем языке, на котором говорили еще задолго до империи. За его спиной четыре астиана[1] несли гроб. Несмотря на мороз, головных уборов у них не было. Их окаймляли девушки — певчие, одетые в бархатные черные платья и того же цвета платки. Позади шагали обремененные печалью и трауром друзья и родственники усопшего. Всех вместе их было около пятидесяти человек. Кейна это восхитило, но ничуть не удивило. Он знал, каким чудесным человеком был его друг. В толпе Кейн разглядел жену Селиверста, Данель. Среди всех людей она была единственной, кто не сдерживал слез. Одна из ее знакомых женщин ласково приобняла ее, попыталась утешить, но та лишь сильнее разрыдалась. За ее спиной шел мальчик лет двенадцати и тащил за собой маленькую тележку. Ее содержимое было укрыто тряпицей, и потому оставалось загадочным.

Люди собрались вокруг могилы. Певчие смолкли, и над кладбищем повисло траурное молчание. Лишь ветер завывал в ушах и шелестел в одеждах. Преподобный вышел вперед и провозгласил:

— Жизнь — ничто иное, как утроба, в которой развивается духовный плод человека. Но кто или что в итоге родится, зависит целиком и полностью он нас. Да, умирая физически, человек рождается вновь. Но первое лицо, которое вы увидите, родившись вновь, будет лицо нашего Небесного Отца — Илтриса. В руке он будет стяжать весы о трех чашах. На этих весах Отец Илтрис взвесит, сколько любви вы принесли с собой из земной утробы. На первую он возложит вашу любовь к себе, ваше эго, ваши плотские желания и устремления. На вторую чашу он возложит любовь, которую вы отдали окружающим людям, ближним и дальним. На третью он возложит, сколько любви и почета вы оставили для него. Если перевесит первая чаша, то ничто не спасет вас от вечных страданий в аду, где вас будут терзать тысячи демонов до скончания мира. Если вторая чаша перевесит, значит в вас есть свет. Маленький уголек, который если раздуть его запольхает ярче солнца. Вам будет дан второй шанс и вы родитесь заново. Обычно в этом случае люди рождаются больными или уродливыми и живут неблагополучной жизнью. Так было с Селиверстом. Он родился худым и болезненным. Лекари утверждали, что ребенок умрет, не сегодня так завтра. Но вопреки всему, Селиверст вырос здоровым, крепким, верным Илтрису мужчиной. Жил достойно и своей благочестивой жизнью заполнил любовью третью чашу весов, дающую вечный мир и благоденствие в Небесных Чертогах Отца. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Так давайте же помолимся, чтобы Илтрис принял его как любимого сына и даровал ему неземную радость и покой.

Люди склонили головы и хором повторяли молитву, которую громко читал Преподобный. Кейн стоял поодаль. Он не верил в единого бога, но и язычником, как его родичи, тоже не был. Но в этот день что-то коснулось его высохшего сердца. И он вместе со всеми осенил себя священным знаменем — коснулся двумя перстами лба и положил ладонь на сердце.

Аминь.

Несколько мгновений стояла тишина, затем женщины дали волю слезам. По очереди

они подходили к гробу и целовали застывшее чело Селиверста и роняли на него слезы. Среди них была и дочь Селиверста, Адалия. Затем подошли четыре астиана, закрыли крышку и опустили гроб в могилу. Многие друзья и родственники бросили по горсти земли на крышку гроба. Наконец, подошел Кейн. Как и остальные, он бросил на гроб друга горсть земли, а потом взялся за лопату. Вместе с комьями застывшего грунта, в могилу нет-нет да падала скупая мужская слеза старого гробовщика. Когда дело было сделано, Кейн водрузил у кургана плиту, на которой было выбито: «Селиверст — кузнец. 1241 — 1315»

Из города выплыло черное пятно. Когда оно приблизилось, Кейн разглядел силуэты солдат при мечях и арбалетах. Восемь королевских полицейских вошли на кладбище и быстрым шагом направились в сторону похорон. Кейн зарычал, схватил лопату, но был остановлен Преподобным.

— Не смей Кейн. Не на похоронах. Я все улажу. Стой и молчи.

— Не уладишь, — бросил Кейн менее сердито, но лопаты из рук не выпустил.

— Стой и молчи! — Настойчиво повторил Преподобный, поворачиваясь к солдатам.

— Доброе утро, братья. Да благословит...

— Мы разыскиваем некоего Кейна — гробовщика. Нам сообщили, что он здесь работает, — перебил солдат. — От имени Глимкара и в частности Его Величества Айвена VI требую выдать его нам немедленно.

— Я тебе сейчас эту лопату в задницу засуну немедленно! — взорвался Кейн. Солдаты вытащили мечи из ножен. Запахло жареным.

— Молчи! — крикнул Преподобный.

— Ты договоришься, старик, — нахмурился старший из полицейских. — Укорачивать дерзкие языки мы умеем. Чик и все.

— Я в гробу много чего повидал. Работа у меня такая. И Айвен ваш там был.

— Друзья! Братья! — примирительно поднял руки Преподобный. — Давайте будем людьми, в конце концов. Кейн не хотел вас оскорблять. Он только что похоронил своего лучшего друга. Давайте хотя бы сегодня не устраивать разборок. Пожалуйста.

— Ладно, — неохотно согласился полицейский, убирая меч в ножны. — Беги сегодня, но завтра мы возьмем тебя. И тебя и всю твою шайку-лейку. Мы узнаем, где вы залегли. Очень скоро.

Когда солдаты в черном исчезли из вида, Кейн, наконец, выпустил лопату из рук.

— Черные ублюдки! — сплюнул гробовщик.

— Зачем опять хамишь? Ты вообще знаешь, кто это? Тебе жить надоело, я понять не могу? Или у тебя попросту мозгов не хватает, Кейн?

— Мои мозги на месте, — ответил Кейн. — Эти сволочи чуть не убили крошку Зу прямо у меня на глазах. Ты ее видел. Милое, безобидное создание. Ни разу я не видел этих в Гвантане со времен Большой Кражи. Ни разу. Но стоило не человеческой расе объявиться в городе, как выползли. И я не собираюсь пред ними пресмыкаться, за чьей бы задницей они ни прятались. Айвен — хренайвен, мне плевать. Со мной пускай не связываются.

— Они такие же люди, как и мы с тобой и выполняют свой долг. Сам понимаешь.

— Ни черта подобного! У этих ублюдков по долгу службы никакой совести быть не может. Они стирают самое грязное белье короля. Их вымуштровывают, чтобы делали все, что он только ни прикажет. Сдадимся сегодня — завтра с нас снимут кожу и вытянут на дыбе.

— Но я...

— Только потому, что твое слово имеет большой вес в городе. И все. Окажешься на их пути еще хоть раз — замнут. И даже глазом не моргнут. Брат.

— Жить тебе надоело, Кейн. Крыша на старости лет поехала. — Сказал Преподобный.

— Я умираю, мой друг, — Кейн печально улыбнулся показал кровь на рукаве, — Два понедельника, не больше и я отправлюсь в ад. Так, на мой взгляд, лучше уж умереть за идею, защищая свою честь и честь своих друзей, чем просто сдохнуть на улице как паршивый пес. Черные цвета меня совсем не пугают. Сколько раз перейдут мне дорогу — столько раз их и убью.

— И все же они тебя оставили. Задумайся. Это все, о чем я могу тебя просить, — развел руками Преподобный, тщась переспорить Кейна, и отошел к оставшимся возле могилы родственникам Селиверста.

К Кейну подошла Данель. С ней был и мальчик с тележкой.

— Кейн, пожалуйста, забери его. Я не могу на него смотреть, — со слезами произнесла Данель и сняла тряпку с тележки. В ней лежал кузнечный молот Селиверста — с большим бойком и несколько короткой, но толстой рукояткой.

— Зачем он мне? — хмыкнул Кейн и взял молот в руки. Он на удивление удобно лег в ладонь, и у Кейна возникло сильное желание им что-нибудь разбить. Например, черепа тех «черных».

— Спасибо, — произнес он, — Думаю, я найду ему применение.

— Тебе спасибо, — ответила Данель, вытирая нос платком.

— Мы с Йорвином скоро уйдем из Гвантана. Думаю, что насовсем. Прощай Данель, — Вдова заключила Кейна в объятия, чего он от нее никак не ожидал.

— До свиданья, Кейн. Благослови тебя Илтрис. — сказала она почти шепотом, затем погладила мальчика по голове, и вместе они ушли. Этот мальчик был ее внуком. Его звали Палвин. Когда-нибудь весь мир о нем услышит.

[1] Астиан — служитель илтрисианской церкви первой, низшей ступени священничества.

— Берегись, выливаю! — закричала женщина из распахнутого окна. Вместе со словами на мостовую полилось зловонное содержимое ночного горшка. Проходившие в тот момент под окнами Йорвин с Кейном едва успели увернуться.

— Мать, ты что, дура? — немедленно отреагировал Кейн.

— Это тебе не мешало бы уши прочистить. Совсем оглох, старый. Я сказала, что выливаю.

— Мымра! — плюнул Кейн, но окно уже закрылось. — Йорв, скажи, этот город не действует тебе на нервы?

— Ну как тебе сказать... — задумался Йорвин, вдыхая не слишком благоухающий воздух, — Могло быть и лучше.

— Ишь, как ты о нем лестно. Этот город шлюх и барыг давно пора встрясти каким-нибудь военным переворотом. А лучше эпидемией. Чумой какой-нибудь. Как сто лет назад в Небельфлеке. Хорошенько так пошерстить, понимаешь. Эх, и все-таки я люблю этот город, черт его дери. Здесь никто не замечает твоих странностей. Потому, что здесь странный тот, у кого их нет. То есть ты, к примеру.

— Я? — поднял брови Йорвин.

— Хотя нет, эти шмотки твои... Нет, все нормально, — Йорвин предпочел промолчать. Переспорить Кейна было нереально. Однако выражение лица Йорвина его немало рассмешило. Кейн расхохотался во весь рот, по-дружески пихнув Йорвина локтем.

— Ты лучше скажи, кто такой твой Дилио, что столько знает? — поправил капюшон Йорвин.

— Он этот, Курва... Стукачок. В прошлом он сделал себе имя своими шевелящимися ушами и языком-помелом. И денег немало срубил. А потом вышла одна вонючая история... В ней еще и Селиверст был замешан и еще кое-кто. В общем, познакомился я с ним, когда тот сидел за решеткой. Его собирались повесить. Якобы за пособничество в ограблении века. Правда это или нет — не знаю, только был мне тогда нужен такой... ну, жучара. Мы с парнями организовали ему побег, и тут представляешь, все карты раскрылись. Все дерьмо как-то само собой разгреблось и Дилио стал мне не нужен. С тех пор он все еще мой должник.

— Интересно послушать всю историю, — сказал Йорвин.

— Не сейчас, мы почти пришли.

— Осторожнее будь, — попросил Йорвин.

— Осторожнее? Да я всегда осторожен. Не беспокойся за меня, дружище.

— Вообще-то я твоего связного имел в виду. Чур, без членовредительства.

— На это я пойтить не могу, — странно ухмыльнулся Кейн, поглаживая молот за поясом. — Сведения, которые мы хотим получить, стоят немало. Тогда эта история коснулась всех и неизвестно, кто имеет выгоду от того, что она замалчивается. Наверняка он попробует накормить нас лживой баландой, а нам этой бурды не надо. У нас и так уже несварение. Но убивать, так и быть, не буду.

— Открывай, стервь! — застучал кулаком Кейн. Дверь в домик Дилио сразу же открылась, но открыл не Дилио. Вместо него на пороге стоял широкоплечий детина в

кольчуге, при кинжале, с лицом, словно высеченным из куска горной породы. Увидев пришельцев, он по-хозяйски облокотился на косяк.

— Чего надо? — промычал бык. Кейн не растерялся.

— Нам — войти, а тебе — сдрыснуть с глаз долой, пока башка не в форме жопы! — на странного «привратника» слова Кейна не произвели никакого впечатления. Он только переводил взгляд с Кейна на Йорвина и обратно.

— Ну? Ты наспустишь, или так и будешь таращиться, свинячья рожа? — Кейн опустил ладонь на боек молота.

— Калип, отойди, это наши гости, — произнес чей-то сухой и властный голос изнутри дома. Громила поспешил посторониться.

Йорвин с Кейном зашли внутрь. Кейн вызывающе задел Калипа плечом, но тот не отреагировал. В лачуге Дилио царил бардак; стулья опрокинуты, вещи валялись где попало. По всему полу был раскидан всяческий мусор, крошки и кости, вперемешку с мокрой грязью и многочисленными следами сапог. Йорвин краем глаза заметил пробежавшую по полу крысу. Самого хозяина видно не было, зато вместо него на гостей с нескрываемым недружелюбием смотрели восемь крепких мужчин, облаченных в кольчуги и вооруженных до зубов вороненой сталью и сногшибательным запахом. У каждого на руке была черная повязка и изображенной красным оскаленной медвежьей пастью. Один из них сидел на ветхой драной софе, закинув ногу на ногу. Он был лыс, гладко выбрит. Из растительности на лице были лишь длинные, до подбородка, русые усы. Это был их командир. Весь его вид говорил об абсолютной уверенности в себе и своих людях. Рассмотрев вошедших получше, он достал из-за пазухи мятый листок и сличил изображенные на ней портреты с теми, кого видел перед собой.

— Похожи, — кивнул командир. — Йорвин и Кейн, я прав?

— Извиняй, уважаемый, я не совсем уверен, что вы не ошиблись домом. У нас назначена встреча с другим человеком, — сказал Кейн.

— Нет, напротив. Я пришел, куда надо, и очень даже вовремя, — лениво ответил командир, поигрывая бумажкой. — А ваш человек здесь, только поговорить с вами пока не может. Сперва, мы с вами потолкуем.

— О чем главнюку наемников говорить с гробовщиком и монахом? Хе-хе. Разве что о стоимости ритуальных услуг, — оскалился Кейн. Йорвин внимательно оглядел собравшихся. Он насчитал девятерых против их двоих. И все были умелые бойцы. Как ни крути, превосходство было не на их стороне. Дилио тоже был здесь. Прятался в тени, за спинами двоих молодцов.

— Кейн, смотри — вон он, — показал Йорвин.

— Дилио, дружище! Что ты там спрятался? Выходи сюда. Вливайся, так сказать, — нарочито вежливо помахал рукой Кейн. Дилио осторожно выглянул из-за своих «телохранителей».

— Стой, где стоишь и пасть не раскрывай! — велел командир.

— Уолдер, мать твою, мы же вроде договорились? Они пришли, как я и сказал. Заплати уже и я пойду. Почему ты меня тут держишь, как заложника?

— Ах ты, слюнявый мерзоплюй! — рывкнул побагровевший Кейн, — Ну погоди, доберусь до тебя!

— Заплатить уже? Заплатить, собака, тебе? На аванс уже жить стало тесно? Сиди смирно и не вякай, а то подавишься чем-нибудь... металлическим. И так, о чем мы с вами...

Ах, да. Мы не наемники, это во-первых. Во-вторых, мне нужны умелые люди, чтобы повернуть... Э-э-э... одно мероприятие.

— Кто же вы, коли не наемники? — спросил Кейн, хотя ответ был ему ясен.

— Мы хозяева Гвантана и прилегающих окрестностей. Негласные хозяева, но это временно. И как полагается порядочным хозяевам, нам не безразлично, что творится в наших владениях. Никто не смеет воровать, грабить, убивать и насиловать без нашего ведома и дозволения. А совсем недавно появились вот такие вот бумажки, — Уолдер показал розыскной лист.

— Тебе знакомы эти лица? — спросил он бойца, стоявшего слева. — Нет? Мне тоже. Оговаривали ли мы с ними условия их налета? По-моему, тоже нет. А на награду глянь. Мать моя, матушка, да у меня аж глаза на затылок лезут! Это не говоря о том, что вы выставили меня полным идиотом. Иными словами, ребята, проблемы у вас. Чертова куча.

— Ха! Проблемы — это то, что я привык есть на завтрак, — расмеялся в лицо бандиту Кейн. Йорвин, молча, буравил Уолдера взглядом. Это привлекло его внимание.

— О, да ты тоже нелюдь. По глазам вижу. Вот ведь счастливый случай! Если порешу вас и ваших прихвостней, сделаю всему городу одолжение. Но с другой стороны, дело придется делать самому.

— Так чего ж тебе надо-то, курвин сын? — вскричал Кейн, которого эта затаянутая прелюдия стала откровенно раздражать. — Хочешь убить нас, так вставай, доставай свою железку, посмотрим, что у вас в нутрях. Поглядим еще, кого отсюда вперед ногами выносить будут.

Главарь бандитов, до этого производивший впечатление человека умного и дисциплинированного, на этот раз не выдержал. Вскочив с софы он в мгновение ока подскочил к Кейну, схватил его за грудки, как следует потрянул и припер к стене. Кто бы мог подумать, что человек совсем не большой и не сверкающий мускулами окажется таким сильным.

— Да у тебя характер, я смотрю. Слушай, ты, урод... — Уолдер не успел закончить, Йорвин стальной хваткой оторвал его от Кейна и кубарем отправил на место. Бойцы немедленно обнажили оружи, но тут же были остановлены холодным жестом командира. Поднявшись с пола, Уолдер поправил усы, и не спеша, уселся обратно.

— Ладно, — выдохнул он. — Подраться с вами мы еще успеем. Но давайте пока побудем умными и деловыми людьми. У меня к вам есть предложение, от которого вы не можете отказаться.

— Если надо кого-то ограбить, или прижать к ногтю не мздящего барыгу, то нам не интересно, — сложил руки на груди Кейн.

— Нет, это мы и сами можем. От вас мне нужно нечто более значительное. Как сказано здесь, вы разыскиваетесь за многочисленные и жестокие убийства. В точку! Именно то, что мне нужно. Мне нужны убийства, кровь и хаос. Я хочу, чтобы у моих врагов под ногами дрожала земля, и они в ужасе понимали, что это иду я и мои люди. Вы мне поможете в этом, а я дам вам за это по тридцать тиллиев. Каждому.

— Не интересуется, — решительно ответил Йорвин. Кейн посмотрел на него как на идиота.

— Шизанулся, дылда!? — больше констатировал, нежели спросил он. — Такие деньжищи! Тут и думать нечего.

— Твой друг прав, — сказал Уолдер. — Либо вы принимаете мое более, чем щедрое

предложение целиком и полностью, либо... мы померяемся железками.

— Йорв, не тупи. От драки не отвертеться. Но пока у нас есть вакантная возможность еще и обогатиться на этом, — сказал Кейн Йорвину на ухо. Йорвин молча стоял с выражением крайнего негодования. Ему не нравилось, к чему все шло.

— Не обращай внимания на господина Духовенство. Мы в деле, — хлопнул в ладоши Кейн.

— Славно, — сказал Уолдер так, будто иного ответа быть не могло, — Слушайте внимательно, повторять не стану.

— Ох, присяду-ка я тогда, — потянулся Кейн, поднимая поваленную табуретку и усаживаясь на нее, — А ты, будь добр, говори помедленнее и погромче, а то я что-то глуховат стал на старости лет. Особенно на левое ухо.

— Хорошо, — натянуто произнес Уолдер, глядя на Кейна так, будто тот плюнул ему на сапог.

— Как я сказал, мне нужны люди, способные как следует встрясти тех, кто не прочь трясти других. Одна из местных банд — «Медвежий Глаз» давно портит нам воду. Они заняли придорожный форт в паре миль на юго-запад. Юго-западная дорога — одна из основных дорог, ведущих в Гвантан. Тот, кто контролирует ее, фактически контролирует все, что приезжает и уезжает из Гвантана. Короче, я хочу этот форт, и вы, господа, мне его добудете. Мы могли бы и сами этим заняться, но к чему лишний раз рисковать своими людьми, когда есть прославленные иноземцы-мясники, верно? Никаких ограничений для вас нет. Делайте что хотите, но никаких медвежьих глаз там быть не должно.

— Допустим, мы сделаем это. Как нам вас найти и получить свои деньги? — сложил руки на груди Кейн.

— Находить нас не надо, — краем рта улыбнулся Уолдер. — Вероятно, вам знаком кабак «У Мунгуса»?

— Вероятно, знаком, — ответил Кейн.

— Хозяин этой рыгаловки — мой человек. Вы просто передадите ему кое-что из этого форта, в подтверждение того, что дело сделано. В обмен получите заслуженные деньги на руки.

— Получается, сто пятьдесят золотых за дело? — спросил Йорвин.

— Почему это? Вас же двое? — парировал Уолдер, искренне удивившись такой наглости.

— Потому, — сказал Йорвин. — Что нас пятеро. Мы с Кейном и трое морферимов.

— Моферимы это те полулюди лесные что ли? Зачем им деньги? Они наверняка не умеют ими пользоваться. Дадим им по заячьей тушке и довольно с них.

— Так не пойдет, — твердо ответил Йорвин и глаза его на миг вспыхнули. — Хочешь подешевле — поищи других знаменитостей. А раз заикнулся...

— Чтобы какой-то бродяга учил меня дела вести! — воскликнул Уолдер и побагровел. Бандит, который ценит репутацию превыше всего, не может позволить, чтобы кто-либо поколебал ее перед верными людьми, — Будь по-вашему. Раз сказал, то сделаю. Хозяйское слово тверже гороха.

«Да ты полный псих!» — подумал Йорвин. — «Ты действительно считаешь себя здесь единственным хозяином?» — Но вслух этого не сказал.

— И какой же ты хочешь сувенир из этого форта? — спросил Кейн. — Подсвечник позолоченный?

— Смешно, — хмыкнул Уолдер. — Принесите мне... голову их главаря. Тогда я буду знать, что дело сделано, и сделано на сто процентов.

— М-да, ты знаешь, чего хочешь. Но где гарантии, что мы получим то, что причитается нам? Что помешает тебе просто дать нам под зад ногой, когда мы выполним свою часть сделки?

— Разумный вопрос, — сказал Уолдер, наматывая ус на палец. Затем снял со среднего пальца левой руки перстень и кинул Кейну.

— Печаточка из чистейшего золота. Дорогая весьма и весьма. Также она дорога моему сердцу. Мне она перешла от брата. Вернете ее вместе с головой. Либо ограничьтесь суммой в шестьдесят тиллиев. И не вздумайте упорхнуть вместе с ней из города. У меня везде глаза и уши. Я все про вас знаю. И где вы укрываетесь мне известно. Я даже знаю, какого цвета дерьмо у ваших зверушек.

— О, как, — кашлянул Кейн. — Раз уж мы заговорили о дерьме, то хотел бы я узнать, что милашка Дилио получил за то, что продал нас, как паршивая тварь?

— Немного денег и возможность исчезнуть здесь, а появиться там. И начать жизнь с чистого листа, как говорится, — Кейн повернул голову в сторону плечистых парней, за которыми спрятался Дилио и засмеялся. Хриплым, тягучим и недобрый смешком.

— На выполнение дела у вас три дня, — продолжил Уолдер, оставив в покое свой ус.

— Чего? — подпрыгнул Кейн. — Да за три денька мы и мечи-то наточить не успеем.

— Это меня не волнует. Дело должно быть закрыто в срок. — Кто-то из охранников Уолдера зачихнул. — Будь здоров, Корбен. Если через три дня я не получу сами знаете, чьей головы, то сами знаете у кого будут серьезные неприятности с сами знаете, каким финалом. И не вздумайте подсунуть мне чужую голову, я знаю командира «медвежьих глаз». Так по рукам? — Йорвин и Кейн переглянулись.

— Уолдер, прости, но... неужель заплотим-то. Этим-то бродягам-то? Такие денжишши-то? — спросил у Уолдера один из его ребят, когда вся братия «Хозяев» вышла за порог дома Дилио. Уолдер улыбнулся и поправил усы.

— Что ты? Это грязные нелюди. Их наивностью грех не воспользоваться. Я сказал им, что знаю командира «медвежьих», но нарочно не сказал, кто он. Будь спокоен, мы их больше не увидим.

— А как же кольцо? — спросил после минутных раздумий бугай.

— А, черт с ним. Хотя... Ты пойдешь за ними и забереешь у трупов. Заодно проследишь, что оно не укатится, куда не надо, — После очередной минуты раздумий, лицо громилы осветила довольная ухмылка.

Уолдер зашагал по улице походкой настоящего хозяина, окруженный слева и справа могучими телохранителями. Двое патрулировавших улицу стражников в яйцевидных шлемах почтительно отступили перед «негласными хозяевами гвантанских земель».

Рассвирепевший Кейн едва сдерживался, чтобы не раскроить Дилио череп молотом, и Йорвину пришлось забрать его у Кейна, пока тот не совершил непоправимого. Хотя, Кейну не нужно оружие, чтобы убить человека. Даже в преклонном возрасте силища у него была нечеловеческая. Угодив в руки Кейна, вскоре Дилио уже летел по воздуху, истошно вопя.

— Ну, и почему сегодня те, кто спасают твою шкуру, паршивец? — рычал Кейн. Он поднял Дилио с пола за шиворот и отвесил ему смачную затрещину. Крякнув, Дилио вновь

распластался на полу. В ответ на вопрос Кейна он только охал и отдувался. Весь гонор, всю желчную спесь с него уже сбило. Больше у него не было того горделивого чувства собственной исключительности и умственного превосходства над остальным деревенским быдлом. Теперь нечего было противопоставить неистовствующему гробовщику, чей гнев был вполне оправдан.

— Прости... — тихо выдавил он и провел рукавом по губам посмотреть, не идет ли кровь.

— Что-то не слышу. Приглух от старости, — почесал ухо Кейн, хотя со слухом у него было все в порядке. Тем временем Йорвин наблюдал за происходящим с опаской, как бы его друг не перешел черту. А Кейн и не думал успокаиваться, а распаялся все больше и больше. Он схватил Дилио, и взревев, поднял над головой как тюк сена. Затем швырнул вопящего человека в окно. Тот вылетел на улицу через стекло. Выбежав на улицу, Кейн добавил Дилио еще пару крепких пинков.

— Неужели так много у тебя попросили, плешивец? — прорычал сквозь зубы Кейн.

— Я не могу больше тереться среди бандюганов. Они мне ноги переломают, — проскулил Дилио, капая кровью.

— А я тебе сейчас голову сломаю! — Дилио взвизгнул.

— Нет! Постой! Я не знаю, кто занимался уничтожением деревень тогда... Но... Бродит слух, что какие-то колдуны шляются по крупным городам на севере и на юге. И там неизменно пропадают люди.

— Колдуны, говоришь? — высунулся из разбитого окна Йорвин.

— Да. Кожа черная как ночь, рожи страшные, зенки злобные. И люди вокруг них пропадают. Есть только косвенные доказательства, но это наверняка они. Те, кого вы ищете.

— Черт возьми! — воскликнул Кейн. — Опять черномазые! Поймали мы тогда одного...

— Я помню, ты рассказывал, — кивнул Йорвин.

— А картинка-то складывается. А, Йорв? — хрустнул пальцами Кейн. Йорвин снова кивнул. Он хорошо помнил колдуна, призвавшего армию демонов, уничтоживших его дом и близких, и разрушившего его жизнь. — Что еще знаешь? Говори, крысятник!

— Это всё. Правда, — простонал Дилио. — Не надо меня больше бить.

— Раз чернокожие, то, стало быть, они из Суарана? — спросил Йорвин.

— Да. Оттудова. Не знаю, что они так далеке забыли, но им это страсть, как надо. Люди пропадают.

— Где именно, барбосина паршивая?

— Небельфлек. Вроде бы. Еще с Эдосии разные слушки долетают.

— Так, гони давай свой аванс, — махнул рукой Кейн.

— Какой, мать вашу аванс? — удивился Дилио, отчего его глаза выпучились еще больше обычного.

— Тот самый, который дал тебе Уолдер за твою подлину. Чего ты бесишь-то меня опять?

— Не дам. Ни за что!

— Тогда я тебя сейчас башкой в нужник макну. Сольешься с родной средой, так сказать, — Кейн хохотнул.

— Нет! — протяжно завыл Дилио.

— О, да, — ухмыляясь во весь рот ответил Кейн. Он схватил Дилио за ворот куртки и

поташил на задний двор, где была выгребная яма и стоял нужник, которым пользовались, по меньшей мере, три ближайших дома. Запашок там стоял весьма характерный. Дилио выл и упирался, но Кейн был куда сильнее и с выражением искренней радости тащил свою жертву к месту экзекуции.

— Стой! — наконец крикнул Дилио. — Я скажу, где деньги.

— Так, и где они? — выпучил Кейн свой фиолетовый глаз.

— В доме. Под доской, возле тумбочки.

— Спасибо, — сказал Кейн. А затем распахнул дверь нужника и с размаху запустил визжащего как хряк на бойне Дилио вниз головой, прямо в накопитель. Подлый информатор Кейна вошел в очко ровно и глубоко, будто для этого и был предназначен. Кейн громко захохотал, глядя, как Дилио болтает ногами и пытается выбраться.

— Ух, хорошо как! Прямо душа радуется, — воскликнул Кейн, потрясая огромным кулачищем. — Ты слышал, Йорв? Возле тумбочки, под доской.

— Угу, — донеслось из дома. Йорвин нашел тумбочку, о которой говорил Дилио. У нее была отломана ножка и один из ящиков куда-то ушел. Рядом с этой тумбочкой действительно была доска, выдающаяся среди остальных. Хотя, не зная про тайник, невооруженный глаз вряд ли мог бы его обнаружить. Йорвин без труда убрал доску и пошарил в дыре рукой. Вскоре его рука нащупала-таки на холодной земле пухлый мешочек. Это, в самом деле, оказался кошель с деньгами. Йорвин ослабил веревочку и увидел, что кошелек под завязку набит серебром. Вернулся Кейн.

— Нашел? — спросил он. Йорвин улыбнулся и показал ему находку. — Сколько здесь? — Йорвин сжал кошель в ладони, повертел, подкинул пару раз и заключил:

— Шестьдесят нециев. Плюс-минус пять монет.

— Нехило ты, однако... — завистливо почесался Кейн. Йорвин же проделывал подобные фокусы и раньше, будучи храмовником. Духовные практики развили его драконий мозг практически до максимума. Не говоря уже о нечеловечески развитых чувствах.

— Возьмешь? — протянул он Кейну кошель. Тот завертел носом.

— Оставь-ка себе эту мелочь. Сами не бедные, — сказал он. Йорвин пожал плечами и сунул деньги в карман. «Как хочешь. Мне больше достанется». - говорил его вид. А где-то на улице разбушевался шквал несусветной брани — это Дилио выбрался из нужника.

Среди монахов Табо существует неписанный кон, обязывающий монахов в миру соблюдать форму одежды и ходить подвязанными, ведь горящую свечу не прячут под кувшин, а ставят на обозрение, дабы всякий нуждающийся в свете мог подойти и получить его.

Но Йорвин решил отступить от кона монахов, резонно заметив, что его соблюдение производит совершенно обратный эффект. Люди косятся на него с недоверием, если не с неприязнью, а солдаты и полиция слетаются к нему как осы на мед. И стряхнуть их потом бывает не так уж просто. Поэтому Йорвин распустил волосы, оставил свой плащ в доме Кейна, а сам облачился в накидку Эйнари. Надо сказать, ему она пришлась впору. Это помогло. Люди не обращали на него никакого внимания, и даже стражей закона уже можно было не опасаться.

Вечером Йорвин зашел поужинать и купить припасов морферимам в таверну. Корчма «Дубок — Шептунок» показалась ему вполне приличной. Во всяком случае, куда приятнее, чем смрадная дыра «У Мунгуса».

В помещении было очень шумно. И это было мало связано с тем, что таверна была наполнена полупьяными работягами и особами легкого поведения. На втором этаже, в покоях, жизнь кипела и бурлила еще похлеще, чем внизу. Громко играла музыка, то и дело раздавался пронзительный смех и другие звуки, более взрослого характера. Сперва, Йорвина это мало волновало. Он заказал себе рисовых лепешек и стакан молока у пробежавшей мимо женщины — разносчицы. Тем временем весельчаки наверху запели песню.

Шумит тайфун и парус рвет,
Корабль по морю плывет.
И там отважный капитан
Ведет наперекор ветрам
Отважный вольный сброд.

Волны дланью великанской
Бросали деревянный бриг,
Но капитан волнам смеялся,
Не испугавшись ни на миг.

Чего бояться моря мужу,
Кому стихия дом родной?
Кто вел суда по водам чуждым,
И редко виделся с землей.

И на закате, у штурвала
Бутылку рома осушал
За тех, кто сгинул смертью страшной
Среди могильных Южных скал.

И весельчак — пройдоха Роджер
Внушал судам торговым страх.
А залпы пушек скорострельных
Их разносили в пух и прах.

Милей всего был для корсара
Соленый воздух морских вод,
Но даже волка океана
Порой земля к себе зовет.

На несколько ночей забвенья
В объятьях женщин и вина
Причалит бриг корсара в бухту,
Когда-то поднятый со дна.

Наконец заказ был подан. Трудно передать, с каким наслаждением Йорвин осушил пол-кубка молока, после чего принялся за лепешки. В это время у него над головой кто-то решил устроить танцы. Кто-то большой и увесистый, судя по грохоту от его прыжков и низкому гортанному голосу. «Смотри как я, опа!» — прозвучало сверху, и доски над головой Йорвина аж прогнулись под тяжестью немалого веса. Сосед Йорвина по столику, который потягивал дым из трубки, в этот момент аж поперхнулся.

— Иш, плясун, — кашлянул он. — Того гляди проломит, боров такой.

— Опа! — Как бы в ответ вновь прогремело сверху, и на пол над головой Йорвина обрушился еще один удар. Изрядная горсть пыли сорвалась с потолка и опустилась прямо Йорвину в тарелку, засыпав еду и кубок с молоком.

— М-да, — протянул сосед Йорвина. — Не везет тебе, дружище.

— Прекрасно, — тяжело вздохнул Йорвин, закрыв лицо руками. Он не мог понять, то ли это Табо посылает ему испытания на смирение, то ли это атрибуты обыденной жизни в обществе, от которой он отвык. И все же он решил сходить наверх и попросить их хотя бы прекратить эти безумные пляски.

Когда Йорвин взошел по ступеням на второй этаж, музыка и смех в одной из комнат мгновенно прекратились. Он насторожился и дальше пошел медленно и бесшумно. Тем временем из комнаты, где недавно пелись песни и творилось бурное веселье, доносились беспокойные шопотки. Йорвин без труда их улавливал, благодаря своему сверхчеловеческому слуху. Один из шопотков был женским и очень нервным. Но Йорвина поразило, что вперемешку со словами на всеобщем, женщина употребляла слова на совершенно неизвестном ему языке.

— О, Matrique Elainean, она здесь! Neuruma, она убьет меня, что делать? — лепетала она на грани истерики. Говор был Йорвину знаком, но слова при том были совершенно незнакомы. Йорвин замер за дверью и наострил уши. Кто она? Кого эта женщина так боится? И кто она сама? Дедуктивные размышления Йорвина привели его к мысли, что там, за дверью, сидит и трясется магичка. Скорее всего, даже эльф, судя по лексике и акценту. И это поразительно, с учетом того, какая травля развернулась здесь против нелюдей.

Размышления Йорвина были прерваны громким хлопком изнутри комнаты, и через

мгновение дверь, за которой он притаился, была сметена невероятной энергетической волной. Йорвина вместе с обломками двери смело и отбросило, и он проломил своей спиной дверь в пустую комнату напротив. Распростертый на полу Йорвин увидел в образовавшемся проеме подтверждение своих мыслей. На него с протянутой вперед дрожащей рукой смотрела полными ужаса глазами самая настоящая эльфийка. С острыми ушами, милым личиком, осиной талией и ростом не больше пяти футов. На ее покатые плечи и спину ниспадали длинные угольно черные волосы, среди которых ярко выделялись несколько светлых прядей. Ее кожа была такого цвета, какой бывает у людей, когда они сгорают на солнце. Она была совсем не похожа на тех полуэльфов, которых встречал Йорвин, и тем более не попадала под описание каких бы то ни было эльфов из исторических и этнографических фолиантов. Эльфийка тряхнула волосами и на стекле окна появилась паутина трещин. Через мгновение стекло беззвучно рассыпалось и осколки, все подчистую, вылетели на улицу. С улицы тотчас подул холодом, и в помещении образовался пронизывающий до костей сквозняк. Эльфийка рыбкой нырнула в образовавшуюся дыру и растворилась в ночи.

Йорвин стряхнул с одежды щепки и поднялся. В комнате остались «друзжки» эльфийки, которые стояли, прижавшись к стене и вцепившись в свои инструменты. Все трое дружно боялись, и Йорвин даже носом чувствовал их страх. Они наверняка неплохо знали эльфийку, и раз уж таинственный незнакомец страшен настолько, что заставил ее обратиться в бегство, то чего уж говорить о них, простых смертных.

— Кто это была? — спросил он парня, который играл на флейте.

— Убирайся отсюда, свинья! — прогромыхал самый смелый из них — плотный мужчина с круглым и красным лицом. Тот самый, который недавно так весело подпрыгивал.

— Успокойся. Я не трону вас. Я только хочу спросить... — спросить Йорвин не успел. Трусливый флейтист из под тишка огрел Йорвина флейтой по голове. Йорвин от боли и неожиданности упал на колени. Если бы не монашеские тренировки, лежать бы ему на полу. Флейта переломилась напополам, но желанного эффекта не наступило. Поднявшись с колен, Йорвин вновь получил сзади по голове. На этот раз в ход пошла бутылка из под алкогольного, но и она не помогла краснощекому толстяку свалить страшного визави. Во второй раз Йорвин был уже готов, и кроме маленькой царапинки над бровью никакого вреда от удара не понес. Многолетняя подготовка не прошла даром, ни один мускул не дрогнул на его лице.

Очевидно было, что конструктивного диалога уже не получится. Эти субъекты вряд ли настроены на спокойную беседу. Страх и злость застыли им глаза. А с такими остается разговаривать только на одном языке. Йорвин решил не тратить на них свое время, а найти и расспросить эльфийку лично, пока она не успела далеко уйти, и он мог почувствовать пульсацию ее магической силы. По-кошачьи ловко Йорвин прыгнул в окно вслед за эльфийкой под аккомпанемент криков проститутки, потревоженной в соседней комнате внезапно возникшей из стены головой толстяка. Любопытные посетители, потревоженные ужасным шумом сверху, стали потихоньку скапливаться на втором этаже. Войдя в злополучную комнату, они обнаружили еще два бесчувственных тела. Один висел вниз головой, подвешенный на настенный светильник за спущенные портьеры. Другой засел в стуле, причем так глубоко в нем засел, что вылезти, не сломав стул, теперь вряд ли сможет. А его голова застряла в деке любимой лютни.

А Йорвин тем временем уже был далеко. Присев на корточки на крыше одного из самых

высоких в округе зданий, он расслабил разум и закрыл глаза. Здесь, на высоте четырех этажей, вдалеке от зловонных улиц свежий зимний воздух приятно ласкал ноздри, а холодный ветер развеивал длинные волосы и обострял чувства. Едва ощутимое сверхтепло Йорвин ощутил вдалеке. И с каждым ударом сердца оно ощущалось все слабее и слабее. Не тратя больше ни секунды, Йорвин отправился вдогон. Так же, по крышам, чтобы избежать путающейся под ногами толпы и ее ненужного внимания. Несколько раз Йорвин тревожил скопившиеся на крыше сугробы, и те падали вниз, прямо на шапку случайному прохожему. Но к тому времени, как прохожий поднимал глаза, чтобы выкрикнуть какое-нибудь ругательство, Йорвина уже и близко не было. Дома были налеплены так тесно, что Йорвину перепрыгивать с крыши на крышу не составляло никакого труда. Он буквально пролетал над погружающимся в ночь городом, все ближе и ближе приближаясь к источнику магической энергии. Вскоре глаз Йорвина различил суетливую фигуру, бугущую куда глаза глядят, не разбирая направлений. Эльфийка неслась со всех ног, насколько позволяла грязно-снежная каша под ногами и, как назло всающие на пути, люди. Почувствовав приближение Йорвина, ей обуяла самая настоящая паника. Крошечная эльфийка бежала, чуть ли не завывая от страха, и сшибала с ног оказавшихся на ее пути прохожих. Одному холеричному мужчине это очень не понравилось. «Грязная тварь, я убью тебя!» — заорал он и побежал за эльфийкой вдогонку, прихватив с собой друга, который тоже был не прочь почесать кулаки. Вселед за эльфийкой они свернули в подворотню.

Все это видел Йорвин, бежавший по крышам, параллельно улице. Настало время вмешаться и прийти на помощь, пока не случилось чего-нибудь нехорошего. Нет, эльфийку спасать было не нужно. В опасности были только оскорбленные «бычки-драчуны». Вряд ли они знали, насколько может быть опасна для жизни опытная эльфийская волшебница, тем более, если она в неадекватном эмоциональном состоянии. Гигантской летучей мышью Йорвин пролетел над улицей и практически бесшумно приземлился позади двух возбужденных мужчин. Едва один из них успел обернуться, как «летучая мышь» обрела человеческие очертания, взмахнула длинными руками-крыльями с едва уловимой глазу скоростью, и мир погас для него на следующие несколько часов. Обозленный его друг ничего не заметил, пока Йорвин не схватил его сзади за волосы и не прошелся ребром ладони по его сонной артерии. Все это Йорвин сделал быстро и непринужденно, и не было жестокости в его сердце, как могло бы показаться. Просто эти двое по глупости своей угодили между молотом и наковальней.

Эльфийка оказалась в тупике. Дорогу на улицу загораживала непреодолимая гора мусора. А позади возникла зловещая долговязая фигура в черной одежде, вселившая в нее такой неистовый ужас. Не помня себя, она сплела пальцы в единственном боевом заклинании, которое мог создать ее полыхающий ужасом разум. Огромный огненный шар сорвался с ее ладони и стрелой умтремился навстречу приближающейся фигуре. Прогремел оглушительный взрыв, сотрясший землю, выбивший все стекла в радиусе двух кварталов, расплавивший снег на расстоянии в пять шагов от эпицентра. На улице закричали перепуганные люди. В том месте, где взорвался огненный шар, бушевало пламя. Огонь охватил оба здания и самого Йорвина, но ему ни то, что никакого вреда огонь не причинил, ему, кажется, даже жарко не сделалось. Он негромко хлопнул в ладоши и весь огонь мгновенно погас. Потухла одежда, потухли и оба вспыхнувших дома. Из дымной пелены вышел Йорвин и подошел к эльфийке вплотную. Его спокойное лицо даже не закоптилось. Он заглянул в глаза оцепеневшей эльфийской магички. То были не глаза живого существа, а

две черные пропасти. Агаатово черные, огромные и пустые. Йорвин вскоре догадался в чем дело. Эльфийка странно пахла. От этого запаха свербило в носу и чесались глаза. Видимо, она находилась под действием какого-то наркотика, отчего ее зрачки расширились настолько, что бирюзовая радужка была еле заметна, тонкой окаемкой огибала зрачок. Неудивительно, что она приняла Йорвина за чудовище. Наркотики вызывают жестокие галлюцинации. Эльфийка не выдержала взгляда Йорвина и без чувств упала на землю. Йорвин ловко подхватил ее, не дав упасть на грязный мокрый снег и тут же поразился, насколько эльфийка легкая. Не просто легкая, как девушки ее роста и комплекции. Изящная эльфийка была буквально невесомой. Йорвин подумал, что, пожалуй, мог бы несколько минут держать ее на вытянутой руке. Усмехнувшись про себя, он растворился в тени с бесчувственной эльфийкой на руках.

Около одиннадцати часов утра эльфийка очнулась в гостиной дома Кейна на старенькой софе. Первым, что она увидела, был Йорвин, сидевший около софы на стуле задом наперед, подперев локтем голову, и внимательно разглядывал эльфийку. Оживив в памяти последние мгновения минувшей ночи, эльфийка вздрогнула и попяtilась.

— Как вы? Все нормально? — спросил Йорвин, оторвав ладонь от подбородка.

— Фу! От тебя дымом разит, — шмыгнула носом эльфийка. Ее голос был подхриповат, но спокоен. Она уже поняла, что пока ее никто убивать не собирался.

— Еще бы, — пожал плечами Йорвин. — Вы вчера пытались зажарить меня.

— Кто ты такой? Я тебя знаю? И зачем похитил меня, сволочь? — Глаза эльфийки гневно блеснули. К слову сказать, глаза у нее были необыкновенные. Большие, ясные, в них отражались бесчисленные прожитые века, но вместе с тем играл юный задор и живость. Но что больше всего привлекало внимание, это их цвет. Точнее цвета. Левый глаз сиял бирюзой прибрежных морских вод, правый же был янтарно желтый, почти золотой. Они как будто принадлежали к двум различным сущностям, двум крайностям, которым волей судьбы пришлось ужиться в одном бессмертном теле.

— Во-первых, вас никто не похищал, — сказал Йорвин. — Вы можете в любую минуту уйти, если пожелаете.

— И уйду, что ты думал? — воскликнула эльфийка, срывая с себя покрывало. У эльфийки не было верхней одежды, а из той одежды, что имелась, были только батистовая блузка с кружевными манжетами и воротничком, хлопковые штаны (не в обтяжку, но довольно узкие), и сапоги из лакированной кожи с удлиненными носами. Их Йорвин заботливо снял, и тут же понял, зачем носы удлиненные — у эльфийки, что на руках, что на ногах ногти были длинные, но ухоженные, с заостренными концами. Эльфийка спустила ноги на пол и стала спешно обуваться. Затем почти бегом кинулась к входной двери, но едва коснувшись щеколды, остановилась.

— Раз мы так быстро перешли на «ты», то я бы не советовал тебе выходить на улицу в таком виде, — сказал Йорвин.

— Я — эльф, — холодно ответила волшебница. — Я тебе не человек, чтобы превратиться в льдышку при первом дуновении ветра.

— Коли так, то я тоже не человек, и все-таки мне холодно на тебя смотреть. К тому же, вероятно, нам есть, о чем друг с другом поговорить. Присядь, пожалуйста, — Эльфийка многозначительно посмотрела на Йорвина, но, тем не менее, оставила дверь в покое, не спеша уселась обратно на софу и закинула ногу на ногу.

— Ну, давай, говори, — надменно тряхнула шевелюрой эльфийка. — Для начала скажи,

кто таков, и чего тебе надо?

— Мое имя — Назулдан. Но среди людей меня зовут Йорвином. Я — дракон.

— Дракон по имени Йорвин! — захохотала эльфийка, обнажив острые белые зубы. Ее улыбка была бы пугающей, если бы не была такой очаровательной. — Это имя тебе не идет, дорогой.

— Можешь звать меня Назулданом, если хочешь.

— Ой, уговорил, — лживо улыбнулась эльфийка. — Мне все равно на самом деле, как тебя зовут. Друзья, родители, дяди, тети, должники, кредиторы — мне наплевать. Я хочу знать, зачем ты преследовал меня и притащил сюда.

— Прежде чем говорить, я хочу узнать твое имя, — эльфийка брезгливо отмахнулась.

— Иди-ка ты, все равно не запомнишь.

— Это вопрос элементарной вежливости! — воскликнул Йорвин, повысив голос. Эльфийка открыто демнотрировала свою неприязнь, на взгляд Йорвина совершенно незаслуженно. — Я хочу знать, с кем я разговариваю. Твои друзья набросились на меня, когда я пришел попросить вас вести себя поспокойнее. А ты напала на меня, а потом сбежала!

— И за этим ты погнался вдогонку? Сдачи дать?

— Нет, не за этим. Я слышал, как ты говорила — «Она здесь». Кто — Она?

— Да не бери в голову, я пьяная была.

— И все-таки, — лицо Йорвина было каменным, и эльфийка поняла, что не отвертится. Она уже подумывала ударить в назойливого похитителя чем-нибудь помощнее и сбежать, но в последний момент что-то снова остановило ее. — Ты же почувствовала меня сквозь стену, и приняла за кого-то другого. За кого?

— За другого дракона, — вяло ответила эльфийка. — Сильнее и злее тебя.

— А имя того дракона? — ответ был Йорвину очевиден, но все-таки он хотел услышать это.

— Kennare supsado Norrjuda[1]! Достал! Халинкара. Доволен? Что-нибудь говорит тебе?

— Очень даже говорит, — тихо произнес Йорвин. — Это моя мать.

— Как мать? — вскочила эльфийка. — Но я же запустила в тебя огненный шар, и тебе хоть бы хны! Значит, ты из огненных. Как она...? Она же Norrdraakull, Черный дракон. Ты не можешь...

— Могу. Я — полукровка, — сухо ответил Йорвин.

— Быть не может! — Бегая назад — вперед по дому, восклицала эльфийка. А цвет ее лица перетекал от бледно-рубинового к малиновому. — Этого просто не может быть!

— И все же это так и есть.

— Но тогда ты можешь впитывать и магию тьмы, ведь так? — с безумной улыбкой спросила эльфийка. — Я хочу проверить. Встань. Если ты действительно полукровка и твоя мать — могущественнейшая из черных драконов, то больно не будет, — Йорвин повиновался. Встал и развел руки в стороны. В мгновение ока стены дома Кейна пропали. На их месте были своды какой-то лавовой пещеры. Под ногами у Йорвина разверзлась земля, из разлома оранжевым светом вспыхнула раскаленная магма. Йорвин наблюдал за всем этим с любопытством, но не более. Затем мысок, на котором он стоял, разломился, и Йорвин свалился в магмовую реку. Но ни во время падения, ни оказавшись по колено в лаве, Йорвин не изменился в лице. Все также спокойно он наблюдал, как вспыхнула его одежда и как все ближе к поясу подступает раскаленная порода. Вдруг лицо Йорвина стало темнеть, будто его

вдруг накрыла тень. И тень эта становилась все плотнее и гуще, размывая черты лица. Наконец, лишь два голубых драконьих глаза выделялись на фоне черного как космос очертания Йорвина.

— Не наигралась еще? — взревел Йорвин чужим, громоподобным и сверхъестественным голосом. Вмиг весь морок рассеялся как пыль под напором мощного ветра. Они с эльфийкой вновь оказались в доме Кейна, и все снова было по-прежнему. Вскоре силуэт Йорвина посветлел и он игриво подмигнув эльфийке, усмехнулся.

— Интересные картинки, — сказал Йорвин уже своим собственным, нормальным голосом. Цвет его лица тоже стремительно возвращался к нормальному. Эльфийка полюхнулась на софу, закрыла лицо ладонью и захохотала прерывистым хнычущим смехом.

— Невероятно! С первых дней мира такого не бывало. Ты раздвинул мою магию как воду воск. Обычно смертные верят в то, что видят, целиком и полностью. Так работает магия тьмы, но ты... Даже бровью не повел. На тебя морок не действует, ты будто родился во тьме. Невообразимо! Тебе ни огонь, ни мрак нипочем. Более того, ты сам прогнал все наваждение.

— Правда? — спросил Йорвин, усаживаясь на стул.

— Воистину так! — закивала головой эльфийка. — Я тут не при чем. И огонь и мрак подчиняются тебе. Даже эльфы тьмы учатся этому десятилетиями и даже веками. А драконам это не нужно. Особенно плукровкам. Среди драконов с первых дней мира существовал неписанный закон, запрещающий смешивать стихийную кровь, иначе можно разбередить сами кости мира. За всю историю никому и в голову не приходило его нарушить.

— Что значит, разбередить кости мира? — спросил Йорвин, сдвинув брови.

— Это значит, что смешанная кровь несет в себе десятикратную силу чистой. Чистокровные драконы сами по себе очень сильны и способны двигать горы и осушать моря. Такую власть дал им Создатель как своим первенцам и наследникам. Поэтому, я понимаю, чего опасались драконы. Они боялись, что не смогут обуздать такую силу. Твою силу, Йорвин, — лицо Йорвина окаменело пуще статуи, — Вернее, Назулдан, потому что называть существо подобное тебе именем жалкой людской блохи просто кощунственно.

— Откуда ты это знаешь? Что связывает тебя с моей матерью?

— Это не твое дело, Назулдан, — категорично отрезала эльфийка.

— Ах, прости, что до сих пор не представилась, — сказала она спустя паузу более ласково. — Я — Ennamael-Tateviq-Aji Avillen. И моя профессия — практическая магия.

— Это великолепно, Эннамаэль-Татевик-Аджи Авиллен, — улыбнулся Йорвин, — Но как мне тебя звать?

— Зови Эннамаэль или Энной. Так все мои знакомые люди меня называют.

— А что еще тебе известно о драконах? Сколько их осталось на свете?

— Слишком много вопросов, Назулданчик, — покачала головой Энна, поигрывая светлой прядью волос, — Мне самой кое-что любопытно узнать от тебя.

— Что-ж, спрашивай. У меня нет секретов. Расскажу все, что знаю.

— У драконов, заключенных в человеческом обличье остается печать силы на теле. Но ты — не обычный дракон. Ты — чудо света. Я хочу посмотреть на твою печать силы. Хотя, если для этого тебе придется заголиться, я не стану приставать.

— Думаю, сильно не придется, — ответил Йорвин, затем разделся до пояса. Пока он раздевался, Эннамаэль жадно лапала его глазами. Рунический шрам Йорвина во всю правую руку привел ее в прямо-таки детский восторг.

— Malgia ame Nalijia![2] Он прекрасен, Назулдан! — восторженно лепетала Энна осторожно водя пальцами по шраму на руке Йорвина и разглядывая его. — Ну-ка, поверни руку вот так. Чудесненько!

— Он ведь означает что-то, не так ли? — спросил Йорвин. Энна в ответ рассмеялась.

— Так странно слышать эти слова от тебя. Неужели мама тебе ничего о нем не рассказала?

— Нет. Мы с ней очень мало общались. Ни ее, ни отца я почти не знаю, поэтому родным языком не владею. Так ты знаешь, что он означает или нет?

— Знаю, — протянула Эннамаэль. — На всеобщий, пожалуй, самым точным будет... Хаос.

— Хаос? — переспросил Йорвин, как будто не понял, о чем речь.

— Ну да, хотя не совсем. Дословно на ваш язык это не перевести, но это примерно означает «опустошение за гранью дня и ночи». Драконы так описывают силу, которую не постичь умом и с которой не совладать. На языке смертных, я думаю, самым точным словом будет Хаос, хотя мое владение этим языком не столь обширно, и я могу ошибаться.

— Не прибедняйся, — с улыбкой сказал Йорвин. — Ты отлично владеешь всеобщим. И говоришь почти без акцента.

— Что ж... Спасибо, — смущенно улыбнулась Эннамаэль. Йорвин подумал, что, возможно, не только людские женщины любят ушами.

Со двора в дом, поправляя штаны и отряхивая хвост, вошел Юрки. Увидев незнакомку, он замер подобно статуе от удивления и замешательства, переводя взгляд с Йорвина на эльфийку и обратно. Затем, некоторое время спустя, он отмерз и двумя звериными прыжками взлетел по лестнице и скрылся на втором этаже.

— Этот зверек — твой друг? — изогнув тоненькие бровки, спросила Энна. Внезапное появление морферима ее не очень-то удивило.

— Не зверек, а друг. Прошу выбирать выражения. Их трое, и им нужна твоя помощь.

— Йорв, зачем ты ведешь ее к нам? — скрестил на груди руки Юрки, встав поперек дороги. У него за спиной Зуали зашевелилась под одеялом, а Эйнари оторвался от заколоченного окна, в которое уже пол-дня глядел через щели в досках.

— Остынь, друг. Я же вчера тебе все объяснил. Нам сейчас очень нужна помощь, а Эннамаэль может нам ее оказать. Она здесь, чтобы исцелить рану Зуали.

— Это так? Ты здесь чтобы исцелить мою сестру? — строго спросил Юрки.

— Я могу это сделать, но не бесплатно, разумеется. Жить-то мне надо на что-то.

— Сколько ты хочешь? — спросил Йорвин. Эльфийка на несколько секунд задумалась, затем сказала:

— Семдесят серебряных монет.

— Это дорого. Тридцать, — отрезал Йорвин.

— Ну ладно, шестьдесят.

— Не-а. Тридцать пять.

— Ха! Я-то думала, ты хочешь исцелить его сестру, — Энна мотнула головой в сторону Юрки, — Пошла я. Даже с нелюдями такими не хочу иметь дел.

— Постой! — крикнул ей вслед Йорвин. Эннамаэль моментально развернулась, — Пятьдесят.

— Так и быть, — подумав, сказала Энна, не спеша поднимаясь по лестнице, — Но

скупой ты, однако, барсук, Йорвин.

Эннамаэль пододвинула кресло ближе к изголовью кровати, на которой лежала Зуали, похрустела пальцами и сказала:

— Ну, что ж, лисичка моя несчастная, где у тебя болит? Показывай. — Зуали, тихо постанывая, и цепляясь за руку брата, повернулась на здоровый бок раной вверх.

— Сейчас я тебя усыплю потому, что принудительное заживление тканей — вещь не из приятных, — сказала эльфийка, проводя ладонью над головой Зуали. Через минуту Зуали громко засопела, и можно было приступить к магии. Эннамаэль возложила ладони на бок Зуали вокруг места, где зияла уродливая рана так, что указательные и большие пальцы соприкасались, образуя правильный равносторонний треугольник. Эльфийка закрыла глаза, но лицо ее выражало высшую степень сосредоточенности. Магия начала работать. Рана стала таять и уменьшаться как кусок масла на разогретой сковороде. Зуали дергалась и постанывала во сне. Болезненные эффекты магии терзали ее даже там. Наконец, рана полностью растаяла, и на ее месте осталась лишь светлая проплешина, источающая тонкий парок. Эльфийка открыла глаза, тяжело вздохнула и откинулась на спинку кресла.

— Спасибо тебе, эльф, — поклонился Юрки. — Я этого не забуду.

— На здоровье, лохматик, — ответила Эннамаэль, блеснув белыми зубами.

— Готово, — сказала она Йорвину, — Проснется — сможет калроман* нам станцевать. Раскошеливайся, Назулданчик, — Йорвин достал из кармана кошелек, отобранный у Дилио, высыпал несколько монет на ладонь, затем залез тремя пальцами в кошель, достал еще несколько монет и сунул их в карман. Чуть опустевший кошель протянул эльфийке. Та приняла его с выражением выполненного долга.

— Надо думать, там ровно пятьдесят? — спросила Эннамаэль.

— Да. Ровно так, — ответил Йорвин.

— И проверять мне не нужно?

— Хочешь — пересчитай. Я могу и ошибиться.

— Ну ладно, не буду. Я тебе верю, — мило улыбнулась Энна. — По крайней мере, я вижу, что обути меня ты не пытаешься.

— Какой смысл? — усмехнулся Йорвин, — Ты и так уже в сапогах. Хотя Зуали не единственная, кто пострадал от людских арбалетов. Нашего восьмифутового друга, который сидит вон в том углу, у окна, тоже подстрелили пару дней назад. Не могла бы ты посмотреть?

— А у тебя хороший аппетит, — сказала Эннамаэль, посмотрев на Эйнари, — Посмотреть-то посмотрю. За посмотреть денег не берут. — Эльфийка встала с кресла и, не спеша, подошла к Эйнари, который, не произнеся ни слова, сел на корточки и снял повязку с плеча. Эннамаэль присмотрелась к ране, легонько поковыряла ее ногтем, поводила бровями, а затем пожала покатыми плечами.

— Тут почти все зажило. Через недельку останется только шрамчик. Не вижу смысла что-либо делать.

— Недельки у нас нет, — сказал Йорвин, — Завтра нас ждет битва. А нам нужны все бойцы здоровыми и сильными. Сколько тебе добавить?

— Фу! Какой ты скучный, — поморщила носик Энна. — Как будто дело только в деньгах.

— Не понял, — вытаращил глаза Йорвин. И было от чего. Смысл последних слов эльфийки ускользнул у него из-под носа и скрылся за окном.

— Не хочу тебя обдирать и лишать последних денег. Я же вижу, что у тебя их не так много осталось. Я помогу тебе бесплатно, если ты меня об этом вежливо попросишь.

— Великая и прекрасная волшебница, не окажешь ли ты нашему братству честь, и не исцелишь ли рану нашего друга? — Торжественно провозгласил Йорвин.

— О, музыка для моих ушей! — просияла Эннамаэль. — Как отказать такой просьбе?

Как и в случае с Зуали, Эннамаэль сложила из пальцев треугольник и возложила ладони вокруг раны так, чтобы она была в центре этого треугольника. Затем закрыла глаза и начала творить магию. Эйнари зашипел и зарычал, но Энна и ухом не повела, пока корка из запекшейся крови и спутанной шерсти не рассосалась. Только тогда боль отпустила, а Эйнари повесил голову и высунул язык.

— Ну, вот и все, — вздохнула Эннамаэль. — Принимайте здорового бойца.

— Спасибо тебе, Эннамаэль, — сказал Йорвин. — Тебе точно ничего не нужно?

— Нет. Хороший ты человек, Назулдан. Ой, прощения прошу, дракон. Добрый и заботливый. Я давно живу на свете и разбираюсь как в людях, так и в нелюдях. Ты не такой, как твоя мать.

— А что моя мать? Что ты недоговариваешь?

— Не думаю, что стоит сейчас тебе это рассказывать. Бери своих друзей и делай, что должен.

— Что? — удивился Йорвин. Эльфийка говорила очень серьезно и это обескураживало.

— Пойдем вниз, — велела Энна и они с Йорвином спустились на первый этаж.

— Послушай меня внимательно, Назулдан, — заговорила эльфийка шепотом, — Я немного умею читать мысли, и я малость покопалась у вас в головах. Твоя голова слишком мощна для меня, но их мысли мне были более ясны. Вы идете убивать убийцу дорогих тебе людей, верно?

— Да, — кивнул Йорвин, потерявшись от удивления.

— Хорошие у тебя друзья, Назулданчик. Их Помыслы чисты как весенний ручей и прямлинейны, как стрела. Положись на них. Ты таких больше нигде не найдешь. Они за тебя и в огонь, и в воду. Прислушивайся к ним, и все у вас будет хорошо. Это ведь не люди. Эх, я даже завидую тебе немножко.

— Здорово! — просиял Йорвин. — А у Кейна можешь прочесть? Хотел бы я знать, что у него на уме...

— Мысли — это не текст на пергаменте, который можно прочесть. Это волны, которые можно уловить. Я пока не так искусна в этом, чтобы точно определять их источник. Но я говорю тебе это потому, что... Нравишься ты мне, черт тебя возьми! — Йорвина разрывали различные чувства и обуревали сомнения. Поэтому он не нашел, что сказать.

— А еще я узнала, что завтра вы собираетесь брать юго-западную заставу, — продолжила она шепотом, — Берегись, Назулдан. Очень темная аура витает над этим местом. Есть там какое-то зло, незаметное днем. Кто-то пострашнее бандитов живет в том форте. Будь готов. И предупреди своих друзей.

— Хорошо. Спасибо, Эннамаэль, — ответил Йорвин

— Кушай на здоровье. И еще одно...

— Да, Энна.

— Не найдется лишей шубенки? — более весело и игриво спросила она. Йорвин покопался в вещах у Кейна, но не нашел ничего кроме насквозь пропахшей потом и табаком одежды, которая помимо всего прочего, была слишком велика. В конце концов было решено

отпустить эльфийку в старой накидке Зуали, которая ей почти подошла, хотя Зуали пошире в кости, чем хрупкая Энаамаэль.

— Какая я одичалая! — засмеялась Энна, поглаживая плечи меховой накидки, увешанной перьями различных лесных птиц, сушеными ягодами дикой черемухи и волчьей ягоды, ушами рыси и другими трофейными украшениями.

— Куда ты теперь пойдешь? — спросил Йорвин.

— Туда же. Куда еще податься в этой мерзкой людской деревне? Думаю, за часть твоих денег Желудь меня простит и поселит обратно. А почему ты интересуешься?

— Как только уладим все проблемы здесь, мы отправимся в Суаран. А в стране колдунов без хорошего волшебника нам будет туго.

— Нет, Назулданчик, извини, — завертела носом Энна. — Мне с вами не по пути. Не любительница я длительных авантюр.

— Даже за деньги?

— Даже. Мне нет дела до амбиций людских колдунов, как нет резона срываться с насиженного места и тащиться через пол-мира. Тем более, для такого мероприятия серебряниками ты не отделаешься. Откуда у тебя деньги-то возьмутся?

— Стало быть, ты так и собираешься всю бесконечность существовать, от случая к случаю зарабатывая крохотные деньги, а затем просаживать их на дурманящие порошки? Набираться до беспамятства, а когда дурман сойдет, и ты окажешься одна в пустой комнате среди мусора и собственных испражнений, искать новые способы добыть заветный наркотик и повторить все снова, а потом снова и так до бесконечности. До тех пор, пока дурман не заменит тебе хлеб, а удовольствие от этой дряни не растворится как лед в кипятке, оставив после себя только пустоту и боль. И тогда ты будешь ползать на коленях, умоляя, чтобы кто-нибудь прекратил твою агонию и прервал твою жалкую загубленную жизнь. — Несколько минут побледневшая Энна смотрела Йорвину в глаза, не в силах сказать ни слова.

— А тебе-то что? — спросила она наконец дрожащим и слабым голосом.

— А то, что я не желаю тебе такой судьбы.

— Прощай, Назулдан. И берегись зла, — бросила она, а затем ушла прочь, громко хлопнув дверью. Несколько минут Йорвин простоял у двери в раздумьях, а затем поднялся наверх, где сидели морферимы.

— Она ушла? — спросил Юрки. Йорвин кивнул и сунул руки в карманы. — О чем вы с ней там шептались?

— Да так... — отмахнулся Йорвин. — Опытom делились. Она меня предупредила, что заказанное нам задание может оказаться опаснее, чем мы предполагаем. Что там может быть что-то пострашнее людей.

— Это я пострашнее людей, — ответил Юрки. — Я и Эйнари страшнее десяти голодных человек. А если и Зу сможет пойти с нами, то враги сами будут бежать, поджав хвосты. Мне только нужно оружие.

— Оружие будет, — кивнул Йорвин. — Это я тебе обещаю.

[1] Тьма, заведи эту бестолочь (эльф. упр)

[2] Святые кости Налиджи! (эльф. упр.)

* Калроман — старинный танец жителей Норлима, позже ставший популярным в Мидшните, а затем и в Империи.

Остатки эля из второй по счету пинтовой чарки Кейн вылил в рот и вытер рукавом усы. Рвущаяся на волю отрыжка не заставила себя долго ждать. В пепельнице дымилась скуренная наполовину сигара, которую Кейн сунул в зубы и задумчиво затянулся. Помещение трактира «Дубок-шептунок» было почти пустым, и было так тихо, что Кейн, сидя за столом у окна, слышал, как шелестит тряпкой Желудь, протирающий свежeweымытые кубки. Полная женщина-разносчица средних лет, заметив, что один из клиентов допил свой эль и скучает, поспешила к столику.

— Еще принеси, — велел ей Кейн.

— А не хватит ли тебе? — подбоченилась разносчица. — Две кружки уже выпил. Окосел уже вон. Компот есть вчерашний, бродить начал...

— Я сказал, еще одну принеси, женщина! — жахнул по столу кулаком Кейн, глядя в одну точку перед собой.

— Ой, Илтрис, помилуй! — охнула женщина. Она собрала со стола опустевшую посуду и удалилась к стойке.

Кейн уронил голову на локоть. Мысль о том, что его лучший друг умер, не укладывалась у него в голове. Даже сам факт похорон и его участие в них сейчас казались сюрреалистичными, словно то был дурной сон. Но это не был сон. Это был знак. Знак того, что его застоявшийся образ жизни подошел к концу, а ему, Кейну, осталось лишь подготовить своей жизни достойный эпилог. Все эти мысли вперемешку с воспоминаниями бурлили и пузырились у него в голове, и даже две пинты отменного эля несколько не притупили жжения в душе. Тем временем, разносчица принесла Кейну еще одну кружку с пенящимся напитком.

— Водки еще принеси, — сдавленным голосом пробурчал он.

— Какая тебе водка? Ты еле сидишь, — снова подбоченилась служанка.

— Что-то не припомню я, чтобы жену заказывал. Принеси водку, баба! — разносчица надула и без того пухлые щеки и ушла за водкой. В этот момент дверь в кабак открылась и вошла крошечная девушка с черно-белыми волосами. Девушка приковывала к себе взгляд не только своими черно-белыми волосами, не только своими острыми ушами и кожей цвета красной смородины. Взгляд Кейна она приковала тем, что была облачена в пеструю меховую накидку, резко контрастирующую с традиционной одеждой местных. Кейн даже мог поклясться, что видел ее на ком-то еще, но пьяная голова отказывалась вспоминать. Эльфийка же прошла по кабаку как по своей прихожей, подошла к корчмарю Желудю, который при виде ее побагровел аки помидор, и дала ему несколько монет. После чего багровизна с лица Желудя сошла, и он нехотя кивнул лысой головой. Девушка все той же веселой походкой удалилась на второй этаж, где находились гостевые комнаты. Кейн проводил ее взглядом, а затем прильнул к третьему кубку эля и осушил его наполовину.

В трактир вошла шумная тройца. Мужики были уже поддаты, что-то мололи меж собой и громко смеялись. У того, кто смеялся громче всех, была длинная козлиная борода. Остальные были без бород, но лохматые как черти. Они уселись за один из столов, достали кости и принялись шумно играть. Когда к ним подошла разносчица, один из них заказал «самый лучший обед, какой может сварганить эта тошниловка», а затем шлепнул женщину

по ягодице. Для скорости, видимо. Разносчица, однако, не отреагировала на вольность его рук никоим образом, кроме косого презрительного взгляда и ушла на кухню. Кейн же снова присосался к элю. Некоторое время спустя служанка принесла клиентам по тарелке грибного супа. Кейн даже вынул изо рта сигару потому, что аромат грибов и вареной картошки был бесподобен. Шумная компашка немного поутихла, принявшись за еду. С чмоканием и чавканием они очень скоро справились с супом и тот, что был пьянее всех, засвистел, приказывая подать второе. Второе никак не несли, и он засвистел снова. Затем ему вторили остальные два, и какофония из свистов заполнила все помещение. Даже посуда задрожала на столах. Кейн терпел, но предел его терпения иссяк потому, что вытерпеть такой гвалт, создаваемый всего тремя пьяницами, был способен разве что самый флегматичный табоист, либо человек, начисто лишенный слуха.

— А ну, позатыкались все на хрен, головожопы! — взревел он, бахнув по столу кулаком, отчего тот подпрыгнул, но выдержал.

— Чу? — обернулась троица. — Это он нам, че-ль?

— Вам, вам, — брызнул слюной Кейн. — И я настоятельно призываю вас заткнуть хайла к едреной матери! — Троица несколько минут смотрела на Кейна, обомлев от такой смелости или безмозглой наглости.

— Да ты шизанулся, пердун, — наконец заговорил один. — Грешно над убогими смеяться, так что мы притворимся, что ниче не слышали.

Принесли второе. По всему трактиру разлетелся запах овощного рагу и жареного мяса. Служанка едва успела донести еду до стола, посетители чуть не вырвали поднос прямо у нее из рук. Увлечшись едой, про Кейна они благополучно забыли, и тот сел обратно. Покончив с едой, они вновь стали галдеть. Еще громче, чем прежде. Вернулась служанка, чтобы забрать грязную посуду. Один из этой троицы, как бы невзначай, схватил ее за мягкое место и попытался залезть под юбку, но тут же получил кулаком в челюсть от... самой служанки. Вся троица, расвирепев, вскочила на ноги, опрокинув стулья. В нетрезвых глазах разгорелся яростный огонь и желание ломать и крушить. Кейн тоже вскочил, готовясь защищать женщину, но пока он вставал и вылезал из-за стола, разносчица раскрыла нос деревянным кубком первому, ткнула ребром подноса в гортань второму, и замахнулась на третьего но тот заскулил, сам рухнул на пол, закрывая пах и голову, скуля как побитый пес.

— Девять нециев за обед на троих, — с тяжелой одышкой сказала разносчица тому, который уцелел, ведь его друзья еле шевелились на полу, хрипя и следя кровью. Трясущейся рукой он залез в карман и высыпал горсть монет, затем вскочил, кое-как поднял с пола своих друзей, и вся троица шаткой походкой покинула трактир.

— Бой-баба! — со смехом хлопнул в ладоши Кейн. — Одна! Против троих! Хо! Держика серебришка. На радость за храбрость, — сказал он и дал служанке несколько серебряных монет.

— Благодарствую, — с реверансом ответила она, принимая деньги. Затем засучила рукав и поиграла бицепсом. Мягкая плоть превратилась во внушительных размеров холмик и Кейн про себя подивился, как, однако, пышные формы могут скрывать крепкую мускулатуру. — Мы в семье с детства неслабые.

— Поздравляю, — улыбнулся гробовщик. — Так скажи мне воительница, где моя водка?

— Сейчас будет.

С кухни вернулся Желудь. В руке у него был здоровый деревянный брус. Судя по царапинам и красным пятнам, уже не раз пускавшийся в ход.

— Опять буйные? Ты цела, Флацила?

— Да. В этот раз трое всего.

— Фух, слава Илтрису, — вытер со лба пот трактирщик и спрятал брусок под стойкой. Трое на одну в «Дубке-шептунке», похоже, считается вполне честной схваткой, — Что за народ, эксель-моксель? То погромы, то драки затевают. Ни дня спокойно поработать не дадут. У нас приличное заведение, ни то, что этот нужник «У Мунгуса».

Какое-то время спустя, Флацила принесла Кейну бутылку водки и рюмку. Позаботилась также и о закуске. Рядом с бутылкой на подносе стояла корзинка с ржаными сухариками. Кейн опрокинул рюмку, закусил затем вторую, третью, и мир вокруг стал краше и веселее. Горбун собрался было налить еще, но рука промахнулась мимо бутылки, а голова налилась свинцом и в глазах померкло. Когда разум вновь вернулся к Кейну, он обнаружил, что лежит лицом в опрокинутой наполовину корзинке. Отлепив сухари от бороды, он огляделся. Народу в корчме поприбавилось, хотя на улице темнее не стало. В общем гуле то тут, то там выкрикивались либо обрывки песен: «Придет весна и некрофилы достанут заступы и вилы...», либо обвинения в шельмовстве и жульничестве азартных завсегдатаев: «Это я-то мухлюю? Ах ты, барбос немытый! Вон, у самого из рукава тузак торчит». Сигара потухла, и Кейн полез в карман за лучинами и кресалом. Разносчица Флацила едва успевала бегать из угла в угол, разнося еду с выпивкой, и унося грязную посуду.

Вдруг в таверну вошел Дилио. Он источал сногсшибательный аромат выгребной ямы, поэтому моментально оказался в центре внимания. Кейн, как увидел его, едва сдержал хохот. Так смешно было наблюдать, как народ шарахается от Дилио, как от бродяги, больного чумой, сифилисом и кариесом одновременно. Чего ему тут надо? Наверняка пришел денег обратно поклянчить?

— Вот ты где, — сказал он, подсаживаясь напротив Кейна, — Тебя нетрудно было найти.

— Так а я куда и не прячусь, — давясь хохотом ответил Кейн. — Разве что под стол пьяный свалюсь, но до этого еще далеко. Чего надо-то? Сдается мне, что ты сюда не пировать пришел. Денег у тебя кот нассал.

— Ха! А не ты ли меня ограбил, горбун? — сжал кулаки Дилио.

— Ограбил? Я-то? Нет. Я вернул себе то, что причитается мне. А то, что ты жить честно не умеешь, так это не моя вина. Денег ты от меня никаких не получишь. Живи в дерьме, мне на тебя начхать и вытереться. А теперь пшел вон!

— Зря ты так. Как бы не пожалел потом.

— Ого! — кашлянул Кейн, — Он мне угрожает.

— Это не угроза, а, скорее, дружеский совет. У меня есть сведения, которые были бы тебе очень полезны. Это касается тебя, того долговязого, который с тобой тогда был, и остальных твоих... протеже. Но раз тебе не надо, тогда я...

— Стоять, — поднял руку Кейн. — Не торопись-ка. Присядь. Давай поговорим. Ценные сведения, значит?

— Да, только я тебе их не скажу, пока не отдашь мне МОИ деньги.

— К моему величайшему сожалению, прямо сейчас я не могу тебе помочь, — с притворной горечью сказал Кейн. — Но мы можем обсудить условия нашей сделки на сытый желудок. Думаю, так лучше будет нам обоим. Сытая голова варит лучше. Ужин за мой счет, разумеется.

— Ну, раз ты предлагаешь... — проурчал пустым желудком Дилио. Он уже не помнил,

когда ел в последний раз. Желудок думал за него.

— Трактирщик! — крикнул Кейн. — Две порции цимрейского плова с пламеницей. — Желудь кивнул головой и исчез на кухне.

— Итак, для чего тебе эти деньги? — спросил Кейн, хотя ответ его не волновал, он просто оттягивал время. Он знал Дилио, поэтому ожидал, что ответ будет развернутым.

— Времена суровые, — начал Дилио, бегая глазами по трактиру. — Деньги нужны всем, и мне тем более. Жизнь так сложилась, что... ну... Повздорили мы со старыми подельниками, так что надо сматывать неводы. Тем более, что такая ситуация в стране обострилась... Мирные дни подходят к концу. В Штирии, на границах с Браннландом началась грызня за территорию. Графья разобщены, авторитет нашего короля угасает. Один неверный шаг, и он будет подорван окончательно. Его власть ослабнет, а то и вовсе свергнут его к черту, и тогда браннладская конница с их мушкетными самострелами порвет Штирию как ссаную тряпку, прокатится по нашим землям и не оставит тут камня на камне. Все к тому и идет. Это лишь вопрос времени.

— И куда же ты двинешь? — спросил Кейн, выдыхая кольцами дым.

— В Браннланд, конечно. Куда же еще? Это ведь... Стихийно развивающаяся страна. Там сейчас все. Может и не стану я там богачеем, но всяко там лучше, чем тута на шишах сидеть, да цзанги считать.

— То есть ты хочешь слинять из страны, пока не припекло, — безучастно констатировал Кейн.

— Да. Хочу. И чем быстрее, тем лучше.

— М-да, — медленно протянул Кейн. — Бывал я там когда-то. В Браннланде то бишь. Лет эдак тридцать назад.

— И как там было? — спросил Дилио.

— Впечатляюще, — покивал головой Кейн. — Дома там сплошь каменные, все многоэтажные — по шесть, а то и по восемь этажей. Слыхал я тогда еще, что в Тартаве есть и дома в десять-двенадцать этажей, хотя я с трудом себе такое представляю. Улицы там широкие, чистые, и всюду гномы. Куда ни кинь — везде эти карлы бегают. Снуют взад-вперед как муравьи. В гости туда приехать — это мило дело, но жить там... Слева камень, справа камень, над головой и под ногами — тоже камень. Умывальня возле сральни, а сральня возле спальни... Бр-р-р... Нет уж, увольте.

Флацила, одной рукой зажимая нос, принесла заказанный плов. Две тарелки вкусно пахнущего горячего плова с грибами, морковью, каким-то перцем и кусками свинины просили себя съесть.

— Приятного тебе, так сказать, аппетита, — сказал Кейн, сверкнув на миг дьявольской заговорщицкой ухмылкой. Дилио накинудся на плов, как будто неделю еды не видел. Кейн же едва подцепил ложкой пару рисин и нехотя сунул в рот.

— Вкуфно, — пробубнил Дилио, роняя еду изо рта. — Надо будет как-нибудь это... Пофтой... Какое-то оно... Кхах!.. Это фто за пер..? Бху-гха-кха-кхах... Офтрый, сука... Кха!

— Плов, как плов за исключением одного ингредиента, — наслаждаясь реакцией Дилио, произнес Кейн. — Перец заргыр огрол. Пламеница по-нашему.

— Ай! Жгет! — срываясь на фальцет, завопил Дилио.

— На-ка, запей, — Кейн протянул Дилио бутылку с водкой. Тот, видимо, подумал, что это вода, и залпом осушил бутылку наполовину. Только когда до него дошла правда, он завопил еще громче, чем привлек внимание всего трактира, ведь от водки ему стало еще

хуже.

— Кейн, ты гад! Что ты мне дал?

— Слишком остро для тебя? — цинично спросил Кейн. — Трактирщик, чем сбить огонь?

— Молоком, — ответил Желудь. — Но оно кончилось, а коров теперь только в десять надоим.

— Тогда носи все, что есть. Будем искать новые способы.

Трактирщик пожал плечами и полез в подпол. Дилио отведал верндальского вина, гунгорнского лагера, гесторийской медовухи и ламмайского коньяка, но окончательно снять с языка жгучий перец не удалось. Зато он порядочно набрался, и его качало, даже когда он сидел.

— Кейн, — вяло промямлил Дилио. — Старая шмотька. Чтоб я еще с тобой хоть раз...

— Но это же не я полез ко мне со своими сведениями, — выгнул брови тоже нетрезвый Кейн.

— Так это все из-за них, будь они неладны! Хорошо. Вот тебе твои сведения, получи и подавись: Густаф Уолдер — потомок древнего дворянского рода, лишённого земель и титулов за дезертирство во время колонизации Суарана. Измена у него в крови. Он не собирался заключать с вами никаких сделок. В старом форте медвежьих глаз живет вампир. Уолдер знал это и отправил вас на убой.

— Зачем?

— Ну ты и тупица! Вы в розыске, чугунная твоя башка. Вас там всех поубивают, а человек Уолдера, которого он отправит вам в помощь, отрежет головы у ваших трупов. А затем Уолдер отдаст их властям и получит награду.

— Брешешь, пес, — подумав, сказал Кейн.

— Но это еще пол-беда. Из Митриума приехал глава Митриумской Судебной Префектуры. В Центре узнали о резне в Двулесье. Я говорил, что монарх не может позволить, чтобы его репутация подорвалась, а бушующие на задворках нелюди очень подрывают его авторитет. Кто защитит народ, как не их король? В одиннадцать часов они с графом устроят собеседование, где разработают тактику вашего отлова, — Кейн вздохнул и задумался. — Но да это не так важно.

— Чего?

— Я получу с тебя свои деньги, хочешь ты того или нет. Я видел, как патруль черных прошел мимо трактира пару минут назад. Думаю, они будут рады узнать, что чуть не прошли мимо опасного преступника.

— Дилио, предупреждаю! — строго пригрозил Кейн, но Дилио не слушал. Вскочив из-за стола, он покачиваясь, побежал к выходу. Кейн бросился вдогонку, но догнать Дилио он не смог бы и трезвым. Оба выбежали на улицу, Дилио завопил и замахал руками. Рука Кейна сама нащупала рукоять молота и сама же сделала все остальное. Огромный тяжеленный молот догнал Дилио вместо Кейна и беспощадно раскроил ему затылок. Бывший информатор умер, не успев упасть на землю. Кейн подошел к трупу и поднял лежащий рядом молот. Глаза Дилио быстро стекленели, а на губах замер вопль. Густая кровь из проломленного черепа медленно растекалась по грязной и заснеженной улице. Прохожие, волей судьбы проходившие по этой улице в эту минуту, разворачивались и шли в обратную сторону.

Всего лишь одним человеком меньше, одним трупом больше. Ничего необычного.

Патруль летел за беглецом, как бурный поток, сшибая все, что оказывалось на пути. Начальник патруля королевской полиции буквально осатанел, разглядев вдали черты лица, которое смотрело со всех городских листовок, не узнать которое было невозможно. Однако, бывалый солдат отдавал ему должное. Согбенный старик с неестественно огромными кулаками улепетывал так, будто его преследовала сама смерть. Впрочем, начальник патруля, взбешенный, что рецидивист совершил еще одно убийство, да не просто, а буквально у них под носом, брать живым мерзавца не собирался. «Стой, ублюдок! Именем его королевского...» — Рычал он, захлебываясь потом. Как-никак бежать в полном обмундировании и снаряжении было нелегко, невзирая на подготовку, и беглец потихоньку отдалялся. Вот он, схватившись рукой за фонарный столб, помог себе свернуть, не сбавляя скорости, и нырнул в подворотню. Переулок был длинным и извилистым, но узким и ужасно захлавленным. И Кейн и его преследователи потратили уйму времени, перелезая через гниющий хлам и отходы. «Не уйдешь, паскуда!» — рычал королевский полицейский, — «Я тебя на ломти порежу, гад!» Выбравшись на улицу, Кейн в ответ запустил в преследователей огромную клетку с курами и рванул дальше. Преследователи на секунду опешили, но начальник с бешеным рыком разрубил квохчущий снаряд на лету. Во все стороны полетели перья, щепки и куски мяса. Солдаты королевской полиции вперемешку с выжившими курами кое-как выкатились на улицу, но беглеца и след простыл.

— Рассредоточиться и прочесать все направления! — гаркнул начальник патруля, со злобой загоня меч в черные ножны. Вновь горбатый ренегат оставил его с носом.

— Да шо же вы творитя? Мои куры! — завопил старый крестьянин, схватив начальника патруля за полу плаща. Но тут же получив латной перчаткой по зубам, упал наземь.

Кейн ввалился в дверь своего дома, еле дыша и едва не падая. Свист его легких не стихал до тех пор, пока он окончательно не отдышался. Тогда он зачерпнул в бочонке полную кружку воды и залпом осушил ее. Затем бросился к маленькому невзрачному сундучку, стоявшему в углу. Сундучок был накрыт подстилкой и заперт на замок. С секунду Кейн вспоминал, где хранится ключ от этого замка. Вспомнив, он достал с книжной полки книгу под названием «Ключ к веселой жизни» какого-то малоизвестного автора. Посередине книги действительно был заложен ключ.

Встречать Кейна медленно спустилась Зуали, держась за брата одной рукой.

— Кейн, ты вернулся...

— Где Йорвин? — грубо перебил ее Кейн.

— Еще утром ушел в кузницу. С тех пор не появлялся. — Ответил ему Юрки.

— Херово, — пробубнил Кейн. Он отпер ключом замок сундука. Пыльная подстилка, укрывавшая сундук полетела на пол, а из сундука Кейн достал запылившееся и слегка поржавевшее, но самое настоящее оружие. Оно же — самое странное оружие, какое только можно встретить.

— Идите ближе, — ухмыльнулся гробовщик. — Думаю, вам, как прирожденным воинам, будет интересно взглянуть.

— Что это? — В один голос спросили брат с сестрой.

— Это, ребятки мои, зверятки, то, чем убивают эльфов. Прославленное оружие гномов. Люди такое создавать пока не умеют. Вот это, — Кейн взял в руки миниатюрный арбалет со странным цилиндрическим барабаном. — Скоростной шестизарядный самострел. Заряжаешь барабан шестью болтами, взводишь тетиву вот этим курком и пиф! Смерть догонит свою цель прежде, чем она успеет подумать, «Мамочка, так вот, как она, костлявая, выглядит!» Почему скоростной? Потому, что приноровившись взводить курок, научишься стрелять очень быстро.

Зуали, отпустив брата подошла к сундуку и достала оттуда еще что-то. Звериный инстинкт тут же потребовал обнюхать неизвестный продолговатый предмет.

— А это называется двуствольное ружье. — Пояснил Кейн, вежливо изымая оружие из рук Зуали. — Изначально ствол был вдвое длиннее, но я его укоротил для удобства. Точность стрельбы пострадала, но принцип не изменился. В дуло, сперва, засыпается специальный черный порошок, который тоже только у гномов купить можно, затем заряжается картечью, которую ни у кого, кроме гномов, не достать.

— Что такое картечь? — спросила Зуали со свойственным ей неподдельным любопытством. Юрки же почти безучастно смотрел на эти «игрушки», явно не намереваясь ими когда-либо пользоваться.

— Картечь — это вот эта малютка, — сказал Кейн, доставая из сумки крошечный мешочек размером с фалангу большого пальца обычного человека. — Внутри много-много железных шариков, которые при выстреле летят тебе в рожу и разносят ее к едрени — матери.

— Чудо! — сверкнула глазами Зуали. — Можно, я разок стрельну?

— Зу, лисичка моя, — замялся Кейн. — Я сказал, что достать заряды негде. Гномов выдворили из графства вместе с последними лавками чудес. Так что не можно. Зато, если хочешь, можешь попробовать пострелять из самострела.

— Не надо, — Разочарованно отвернулась Зуали. — С этими штуками я уже познакомилась. Достаточно близко.

Кейн не стал спорить, лишь пожал плечами. Снова открыл сундук и достал оттуда охалку ветоши, ершевидную щетку и бутылку масла. Он аккуратно разобрал до винтика сперва самострел, смазал маслом каждую деталь, затем разобрал и смазал ружье, прочистил дуло щеткой, отскреб со ствола ржавые пятна и собрал все обратно.

— Вот, так, друг мой косматый, — задумчиво выдохнул гробовщик. — Жизнь — борьба. Приходится все время размахивать мечом и следить, чтоб по тебе не попали. Тот сильней, кто первым его достанет из ножен, и худо тому, кто не успеет в нужный момент. Посему никогда нельзя оставлять зависящие от тебя вещи на волю случая. Надо брать быка за рога и оторвать ему их к мохнатой бабушке вместе с мясом, пока он тебя на эти рога не поднял. Смекаешь?

— Ты говоришь очень мудрые и серьезные вещи, хотя я не понял, о какой мохнатой бабушке ты упомянул, и что ты этим хотел сказать. Какого быка ты собираешься оставить без рогов?

— Вон того, надутого и самодовольного, — сказал Кейн, показывая пальцем на светящееся окно в графском донжоне, мерцающее поверх крыши дома напротив. — Не хочешь поучаствовать?

Йорвин натужно выдохнул. Никогда прежде он не работал в такой спешке и с такой

отдачей. Клинки для Юрки были готовы. Йорвин работал весь день, ни на миг не останавливаясь, не вдаваясь в филигранность, в угоду практичности и простоте. Результат, однако, превзошел даже его ожидания. Он изготовил два полуизогнутых близнеца — ятагана с зубринами на концах лезвий. Они выглядели точь в точь, как их каменные прототипы, но в отличие от них, они были смертоносным и грозным оружием, достойным принца лесного царства.

Йорвин зашел в дом вдовы Селиверста, Данели, сказать еще раз спасибо и попрощаться, но Данель не отпустила его, настояв, чтобы он остался на чай. Йорвин согласился, хотя и торопился вернуться, ибо его не было уже довольно давно и за это время могло случиться все, что угодно.

Данель поставила на стол небольшой серебряный самоварчик. Это была одна из таких вещей, которыми в семье дорожат пуще всего и передают по наследству от отца к сыну, но пользуются только по большим праздникам или торжественным случаям. Вдова достала две чашки, разукрашенные разноцветными узорами, и налила гостю, а затем и себе горячего ароматного напитка.

— М-м-м, вкусно пахнет, — улыбнулся Йорвин, сдувая невесомые клубы пара. Чай был такой горячий и пар от него был так тяжел, что опускался на поверхность кипятка обратно, тем не менее, не касаясь его, и слетал от малейшего поветрия.

— Вы выглядите иначе, — заметила Данель, тоже подув на горячий чай.

— Правда?

— Да. Вы распустили волосы и одеты по-другому. Вы же вроде как из монахов — табоистов, хотя не похожи на кедонейца.

— Это верно, и я не кедонец, — ответил Йорвин.

— Я слышала, Табо не одобряет, когда его адепты простоволосы.

— Совершенно верно, но Табо точно не жил в нашем мире. Во всяком случае, с реалиями западных королевств его философия несовместима.

— Очень странно слышать от вас подобные слова, — поправила платье Данель.

— Видите ли, у меня в последние дни возникли сложности в понимании божественного промысла. Согласно нашему учению, адепт должен постоянно пребывать в состоянии равновесия со Вселенной, и его не должны тревожить никакие жизненные обстоятельства. Пока ты живешь в храме, этому следовать не трудно, но в миру действуют совсем иные законы, и со своим монастырским уставом ты тут выглядишь... в лучшем случае реликтом. — Данель понятиливо кивнула. — Тем более, что у меня в миру остались враги, которые не намерены мириться с моим существованием, и пытаться с ними договориться — бесполезно. А увязать веру со своими личными проблемами я никак не могу. Будущее мое туманно, а сама вера подкошена. Не понимаю, как другие странствующие монахи выносят Путь до последних дней жизни. Может, дело в том, что их этому обучали с малых лет. Я-то был уже в достаточно зрелом возрасте, когда меня забрали в монастырь, мне было двадцать лет. Может, дело в этом, может, в чем-то другом. Не знаю.

— Сколько, говорите, вам лет? — прищурилась хозяйка.

— Пятьдесят пять, — ответил Йорвин и отхлебнул глоток чая.

— Серьезно? — воскликнула Данель и хлопнула в ладоши. — Чудно выглядите! В чем ваш секрет?

— Монастырская диета, горный воздух, ну и гены родительские, конечно. — вымолвил Йорвин привычную легенду. — Мама у меня тоже моложавая.

— У Селиверста тоже случился кризис веры, когда погиб наш старший сын.

— У вас был и сын? Я не знал.

— Да. Мы про это редко говорим, но Ивар был нашим первенцем и отец в нем души не чаял. Он пытался обучить его своему ремеслу, но он ушел в шорники. Зарабатывать ему там получалось больше, чем отцу, поэтому Селиверст не возражал. Через несколько лет он связался с дурной компанией, которая то и дело устраивала какие-нибудь безумные затеи, граничащие с законом. Однажды они снарядили поход к Северной Гряде, дескать, высоко в горах есть пещера, где протекает магический источник, испив из которого, человек увеличивает срок своей жизни вдвое, а то и втрое. Здравомыслящий человек, конечно, поймет, что это байки нетрезвых путешественников и ничего более, а мой сын с этой шайкой поверили. Так поверили, что удержать их было невозможно. До горных отрогов дошли без происшествий, а как забрались на высоту, у Ивара случилось горное безумие. Поначалу он страшно хандрил, дрожал и еле мог идти, затем вдруг выздоровел, начал танцевать и громко петь песни. Потом его настроение резко изменилось, и он стал рыдать и проклинать всех и вся на чем свет стоит. Ночью его застали с кошельком одного из его компаньонов. Ивар доставал из кошелька монеты и глотал их. Просто брал и глотал. А когда у него отняли кошелек, он завопил и сбросился со скалы в пропасть.

— Ужасно, — произнес Йорвин. — Я, конечно, слышал о горной болезни, но таких случаев...

— С тех пор Селиверст потерял веру. Для него этот удар был нестерпим.

— А вы?

— Нет, я не потеряла. Всевышний посылает нам испытания, чтобы мы не забывали о Его существовании и что Он благ и милостив, несмотря ни на что. Все люди умирают, но никто не умирает напрасно. Глупо сетовать на божью несправедливость, не видя всей картины божественного замысла. Не надо забывать, что Всевышний послал нас на эту землю не ради удовольствий, а чтобы мы заработали для своей души лучшей участи, чем та, что постигнет тело. Рано или поздно.

Йорвин допил чай, но долго не мог вымолвить ни слова, глубоко уйдя в раздумья.

— Мне бы вашу веру, — наконец выдавил он, нервно потрясая сплетенными в запок руками. — Большое спасибо за чай, Данель, но мне пора идти. Было очень приятно пообщаться.

— И мне, — поднялась вдова. — Я желаю вам снова найти общий язык с вашим богом. Без веры жить страшно.

— Прощайте, госпожа Данель, — сказал Йорвин, закутываясь в накидку. — Да пребудет с вами Его милость.

На Гвантан спустилась ночь. Настолько темная и холодная, что казалось, будто открытый космос рассеял всю земную атмосферу и замер прямо над головой. Стоит только руку поднять, как окажешься в пустом межзвездном пространстве, где нет ничего, кроме мрака и стужи. Дым печей и каминов в такую погоду поднимался вверх густым и тягучим столпом, потому как сам воздух настолько застыл, что не было ветра, дабы его хоть немного поколебать. Мороз был такой силы, что то тут, то там раздавался треск промерзших деревянных срубов. Именно поэтому такие морозы издавна назывались трескучими.

Несчастный старый фонарщик, заканчивавший свой вечерний обход, сунул окоченевшие пальцы в рот, в последней надежде хоть немного их отогреть. Мороз ударил так неожиданно,

что у тех, кому по долгу службы положено быть на улице, не было возможности к нему подготовиться. Поэтому им ничего не оставалось, кроме как, стиснув зубы, продолжать выполнять свою работу. Пусть даже отмораживая пальцы, носы и уши.

— А может, ну его, а? — пихнул локтем своего напарника солдат городской стражи, которого вечерний мороз крепко схватил за нос. — Улицы, чай, не пропадут, если мы полчасика в кабаке ляхи погреем.

— Мозжечок отморозил? — ответил тот. — А ежели капитон узнает?

— Не сцы, застынет. Откудова он узнаеть-то?

— Когда последний патруль задержится с докладом, то всяко знамо что-то случилось.

— Не бздуй в муку. Если мы зайдем погреться на пяток минут, никто етого не заметить.

А пальца-то отморозить не хотца. Вон, у сестры моей сводной братко двоюродный, был нормальный мужик, а как-то опосля кабака-то домой тожа воротался, да башкой в сугробничком ухнул. В сугробе-то и уснул. А ночка тоже холодная была, как ета. Нашли его полуживого утром. Весь деревянный он был, руки-ноги скрючены, физиономь перекошоная, и тоже одеревенелая вся.

— Да, и че дальше то? Отогрели? Здоров он был-то?

— В том и мулька, что нет. Отморозило ему все пальца на ногах и одну руку по локоть отнять пришлось, иначе карачун ему. Из-за ентой, как ее... говнохрен... гонорэи... Нет, гоногрэны, во. Да токмо не кончилось етим-то. После етой ночки он чудной стал. Башку, видать, тоже крепко приморозило. Жонка его под замком держать, потому, как он за курями с топором носится, соседям на пороги гадить, да среди ночи может на коня неоседланного вскочить да куды глаза гядять умчатсяи.

— Да, дела... — провел замерзшей рукой по вытянувшемуся лицу напарник. — Не хочу так очоченеть. Уговорил, пошли в кабак, ток ненадолго.

— Куда эти остолопы пошли? — изумленно прошипел Кейн, вместе с Юрки поджидавший стражников в переулке за поворотом, с молотом наготове. Они собирались их бесшумно нейтрализовать, дабы избавиться от излишних помех при проникновении в замок графа, но двое солдафонов, патрулировавших вокруг него, внезапно отклонились от маршрута и ушли в неизвестном направлении.

— Не знаю, — выглянув вслед за Кейном, произнес Юрки. — У вас это нормально?

— Нет, это совсем не нормально. Самоволка на служебном посту! Ух, будь я их командиром, они бы поймали бледный вид. И дырами в жаловании не отделались бы.

— Но план действий-то не поменялся?

— Ничуть, — брызнул слюной Кейн. — Хотя, эти два светло — синих могут подпортить нам кровь, если вздумают воротиться. Значит, так. Твоя задача — отвлечь охрану. Перед воротами стоят двое. Еще двое или трое караулят во дворе. Ты — нелюдь, тебе разозлить их труда не составит. Порычи на них, оскаль зубы, попробуй вломиться через ворота, ну ты понял. Придется немного их помять, но это не должно быть для тебя проблемой. Только не вздумай мочить их.

— Не мочить? Что это значит? — спросил Юрки.

— Ой, ты ж глухомань чащобная! Это значит, что нельзя отрывать конечности, перегрызать глотки, откручивать хвосты, убивать, короче, понял? Чтoб без мокрухи было.

— Понял. Только у вас, лысошкурых и так хвостов нет. Откручивать нечего, — хохотнул Юрки, выходя под лунный свет.

Стража, охранявшая ворота во двор, сжала оружие в руках крепче, когда неведомо откуда на пустую улицу вышла странная фигура в балахоне, с нахлобученным капюшоном. Юрки не спеша скинул балахон, оцетинился и зарычал. Шоу началось.

— Накури меня, ботва! Чудище! — воскликнул один из солдат и замахнулся алебардой снести Юрки голову. Юрки без труда увернулся от этого удара и от второго, который пытался нанести другой страж. Оказавшись у него за спиной, Юрки шутя повалил его наземь, затем легкой подсечкой сбил с ног второго, отнял у него алебарду и метнул ее как копьё в сторону луны. Тяжеленная алебарда полетела так, будто у нее выросли крылья, и скрылась где-то вдалеке, не вернув даже звуков своего падения. Одним скачком преодолев расстояние до запертых на цепь ворот, Юрки принялся с рычанием и бешеной яростью ломиться через ворота и дергать их туда-сюда. На лязг и грохот из караулки во внутреннем дворе вылетели еще трое солдат с обнаженными полторными мечами.

— Держитесь, братцы, ща мы этого кошмара! — заорали они, срывая цепь. Юрки все это время отчаянно изображал неразумное животное, рыча, трясая гривой и брызгая слюной. Тем не менее не давал людям стоять на ногах и воспользоваться оружием.

Когда охрана двора разобралась с цепью, и на стороне людей было значительное численное преимущество, Юрки фыркнул, упал на четвереньки и вприпрыжку пустился наутек. Среди солдафонов раздалось довольное посвистывание.

— За ним, хлопцы! Сделаем из этого чуда чучало! Айда! Граф нам жалованье за это подымет! — крикнул кто-то, его поддержало довольное гоготание. Один из них вернулся в караулку за сторожевой собакой. Пачка сторожей замка с собакой пустились в погоню, оставив территорию вокруг замка совсем без охраны. Им и в голову не могло прийти, что на покой графа мог посягнуть кто-то еще.

Кейн осторожно выглянул из-за угла, убеждаясь, что улица совсем пуста, и так же осторожно, двигаясь вдоль стен, вышел на площадь перед замком. Ворота были распахнуты настежь. Где-то вдали раздавались крики и шум погони. Юрки играл свою роль прекрасно, хотя Кейн опасался, что Юрки ненароком может вывести своих преследователей на эту улицу в самый неподходящий момент. Но нет, вопли все удалялись и Кейн спокойно проник во внешний двор замка.

У Кейна с собой было все необходимое. Помимо ружья с арбалетом гробовщик взял с собой молот Селиверста, боевой кинжал с широким лезвием, широкий пояс, увенчанный метательными ножами и арбалетными болтами, пороховницу и веревку с железным крюком. Уже далеко не первый раз в своей жизни он проникал в недружественную крепость под покровом тьмы. Он был мастером своего дела, и честное слово, дело его боялось. И речь идет не о сколачивании гробов.

Во внешнем дворе на распахнутые настежь ворота угрюмо смотрел куцый барбакан. В отсутствие угрозы осады необходимость в подобном сооружении отсутствовала. За ним неглубокий ров пересекал деревянный мост, достаточно широкий, чтобы по нему мог выехать граф со всей своей свитой, не теснясь. Ров был не самый выдающийся, и была ли на его дне вода — неизвестно. Если и была, то она превратилась в лед и была занесена снегом. Проход во внутренний двор крепости закрывала опускная решетка, грязная и ржавая, как, собственно, и крепость, да и весь город.

Кейн осторожно прокрался через мост и вовремя заметил, что стену крепости, имеющую эллипсоидную форму, стерегут. В ночном мраке трудно было разглядеть наверняка, но Кейн был почти уверен, что это «черные». Об этом явственно

свидетельствовала походка и гордая стать воинов, чьи очертания наблюдал Кейн. Слишком уж они были нехарактерны для деревенских мужиков графа, которым вручили алебарды с арбалетами, толком не объяснив, как ими пользоваться, облачили в кольчуги с гербовыми эмблемами, и отправили охранять порядок, толком не объяснив, что сие из себя представляет.

Кейн притаился в тени под стеной и ждал, когда караулящий стену «черный» удалится. Пока это не произошло, гробовщик снял с веревки крюк, чтобы тот своим лязгом не наделал шума, и стал сплетать из веревки лассо, чтобы забраться на стену по нему. До уха Кейна донесся полный укоризны выдох. Так выдыхают родители, видя, что натворило дома чадо, пока их не было. Вероятно, солдат королевской полиции в эту минуту смотрел на распахнутые настежь ворота, которые никто не охранял и про себя бранил их сторожей последними словами.

Кейн, наконец, дождался, пока воину наверху надоест смотреть на пустые ворота. Когда сверху раздался латный лязг удаляющихся шагов, Кейн раскрутил лассо и метнул, стараясь зацепить зубец стены, но веревка соскочила с зубца, сомкнувшись на крюке, на котором висел грязно голубой шгандарт с желтым деревом. Попробовав крюк на прочность, и убедившись, что он и узел выдержат его вес, Кейн полез наверх. Поднимаясь, он хрипел и кряхтел, ибо в его возрасте выделять подобное было очень тяжело, но все-таки еле-еле добрался до верха и перевалился через зубцы, наделав непростительно много шума. Но все-таки лязганье собственных доспехов помешало «черному» услышать что-либо позади себя, и он продолжал чинно вышагивать по каменному полу, смотря на Кейна задом. Обернись он сейчас, и надежда Кейна на тайность была бы разрушена, но он успел отползти к противоположному краю стены, спрятавшись за ее зубцами.

Воспользовавшись минуткой, старый вояка, прислонился к зубцу стены и огляделся. Слева черным обелиском со светящимися бойницами возвышался донжон, где и жил граф. Туда вела незаметная деревянная дверь, до которой было шагов двенадцать. Справа бдительно нес службу полицай, под боком у которого прокрасться внутрь будет непросто. Позади — внутренний двор. Конюшня, казарма личной стражи графа и колодец с водой — все, что было видно со стены.

Кейн замер, дожидаясь, пока стражу надоест разглядывать что-то под стеной и он не начнет лязгать латами куда-нибудь подальше. На всякий случай он снял с пояса арбалет и взвел тетиву, вдруг «черный» повернется не туда. Но, к счастью, тот окончательно потерял интерес к той части своего поста, где притаился незамеченный им неприятель. Солдат громко закашлялся противным мокрым кашлем, и смачно харкнув, плюнул со стены. Затем еще раз прощально оглядел место, куда отправился его плевок, и зашагал навстречу своему товарищу, караулившему противоположную от Кейна сторону стены.

Кейн попятился на четвереньках, регулярно следя за караульщиками через щели в зубцах. Упершись спиной в стену донжона, Кейн продолжал наблюдать за ними, дожидаясь, пока оба не будут смотреть в безопасную сторону. Кейн дотянулся до дверки и осторожно проверил, как она открывается. К его удивлению, на ней не было никакого запора, даже элементарная щеколда отсутствовала. Дверца открывалась совершенно свободно и беззвучно — петли были заботливо смазаны. Кейн поднялся с колен и шмыгнул за дверь ровно в тот момент, когда караулящий «черный» развернулся в его сторону.

Внутри его встретила винтовая лестница, ступени которой освещались скудным факельным светом. Откуда-то снизу веяло теплом, и голодный желудок помог носу Кейна

учуять поднимавшийся оттуда вкусный запах кухни. Но кухня не была целью его проникновения, и Кейн осторожно зашагал по лестнице вверх, держа арбалет наготове. Вдруг, к большому неудовольствию для себя обнаружил, что снег, который он принес на подошвах, тает и оставляет мокрые следы. Грязно выругавшись про себя, гробовщик снял ботинки и вытер подошвы об свою одежду, затем снова обулся, так как пол здесь был обжигающе холодным.

Винтовая лестница вывела Кейна к массивной дубовой двери в приемный зал. Из-за двери раздавался чей-то раскатистый командирский голос, похожий на рык. Кейн не разобрал ни слова, но вспомнил, как целую жизнь назад точно так же горлопанил на неразумных салаг. Одним глазом гробовщик прильнул к замочной скважине, и тут же грязное проклятье беззвучно слетело с его уст. Громогласный командир, судя по роскошным доспехам, расшитому золотыми нитями плащу с меховым подбоем и пышным седым усам, был рыцарем, и направлялся прямо навстречу Кейну. Чуть ли не кубарем тот скатился в цоколь.

В лицо тут же пахнуло жаром. Воздух здесь был пропитан кухней. Запах этот был столь густым и насыщенным, что впитывался в волосы, одежду и даже кожу. Вместе с тяжелой духотой спирал дыхание. Старый гробовщик не смог сдержать приступ кашля, но вовремя закрыл рот рукавом, дабы максимально приглушить его. За ближайшей дверью, которая, очевидно, вела на кухню, смолкли голоса кухарок. Кейн услышал приближающееся шлепанье босых ног. Вдруг дверь открылась, и на пороге Кейн увидел маленькую пухленькую розовощекую женщину в фартуке, возраста лет тридцати с небольшим. Увидев Кейна, его хмурое лицо, нечесанные сальные патлы, торчащие из-под шапки, разные по размеру и цвету глаза, густую бороду и, конечно, грозный на вид арбалет в его руке, женщина испугалась и завизжала. Кейн отреагировал мгновенно, закрыв своей лапищей кухарке рот, и прошипел «Тс-с-с». Все так же закрывая женщине рот, Кейн вместе с ней ввалился на кухню. Там их встретили еще две кухарки. Одна — немолодая женщина с седыми волосами и огромной родинкой слева от носа, а вторая — совсем девочка, лет пятнадцати. Она тоже, увидев незнакомца с оружием, собиралась завизжать, но Кейн вовремя цыкнул и на нее, тряхнув для убедительности арбалетом. Пожилая кухарка вела себя тихо.

— Не бойтесь, курицы, не трону, я не по ваши души. Только шуметь не надо, — прошипел Кейн, осторожно отпуская рот «средней» поварихи. Та не закричала, и Кейн поспешил спрятаться в кладовку, услышав приближающиеся тяжелые шаги.

Энергичным движением сильного человека дверь на кухню распахнулась, и порог переступил тот самый пожилой рыцарь, которого Кейн видел в приемном зале. Он приотворил дверцу и лег на пол, держа ноги вошедшего на мушке. Все остальное загораживал разделочный стол, за которым Кейна было не видно вовсе.

— Кто из вас визжал? — прогремел рыцарь так, что с подвешенной связки чеснока посыпалась шелуха.

— Это я, — созналась полная кухарка, и бросив беглый взгляд на Кейна, добавила, — Крыса прошмыгнула.

— Дурища, — последовал ответ. — Пора привыкнуть давно.

— Да, в-ваше бродие, — Избегая смотреть рыцарю в глаза, пролепетала кухарка. Она сама не верила, что ей поверили.

— Угощение для графа с префектом готово? — строгим тоном спросил рыцарь.

— Почти готово, ваше бродие, скоро подадим.

— Не затягивайте, — кашлянул рыцарь и удалился, громко хлопнув дверью.

Кейн поднялся и вылез из кладовки. Теперь он мог рассмотреть женщин получше. В свете очага трудно было определить наверняка, но косы молодых кухарок были одинаково медного оттенка. Вероятно, это мать и дочь. Судить что-либо конкретное о старшей из женщин было трудно, но возможно, она являлась матерью полненькой и перед глазами Кейна была целая поварская династия.

— Спасибо, девки, — поблагодарил он их, опуская арбалет. — Я уже уйду.

Кейн дождался, пока звуки шагов за дверью стихнут и только тогда вышел. Не успел Кейн подойти к лестнице, как старые знакомые тяжелые шаги загроыхали по каменным ступеням, затем последовал громкий хлопок дверью. Кейн поднялся по ступеням до той двери и вновь прильнул к скважине. Рыцарь снова орал на своих «демонов», построив их в шеренгу. «Замечательно. Хоть на время он чем-то займется». — Подумал Кейн. Держа арбалет наготове, он стал подниматься выше, в покои графа. Перед дверью караулил солдат, но увидев чужого, он даже не успел схватиться за оружие — арбалетный болт угодил ему прямо через щель забрала точно в глаз, пригвоздив его череп к стене. Он так и остался висеть по стойке смирно, и если бы не едва заметная струйка крови за его спиной, можно было бы счесть, что он все еще бдит. Не теряя времени, Кейн ударом ноги распахнул дверь в графьи покои.

— Всем стоять, огузки! Замерли и не дрыгаемся! — заорал он, врываясь в покои, на ходу взводя тетиву арбалета и доставая из сумки ружье. Как он и ожидал, в апартаментах первого лица окрестных земель, у камина, друг напротив друга, сидели двое мужчин. Первый — несомненно, граф Гвантанский, Силод. Кейн не видел и не мог видеть его раньше, но сомнений быть не могло. Перед ним был человек лет сорока с чем-нибудь, может, пятидесяти, неимоверно толстый, однако, лицо его было правильным и даже красивым в молодости. Одет он был роскошно, как и подобает высокопоставленному дворянину. Альый жакет с вкрапленными в ткань сапфирами, изумрудами и агатами, сапоги из первоклассной кожи с золотыми шпорами, все пальцы на его пухлых руках были увешаны перстнями с огромными янтарями, рубинами и топазами. Этот человек внушал Кейну отвращение не только своим видом — самим существованием. Напротив него, спиной к Кейну сидел таинственный визави. Кейн понимал, что это глава судебной префектуры короля, но лицо его было для Кейна невидимо, как и все остальное, скрытое высокой спинкой кресла.

— ... которой мы, собственно, и являемся, — закончил он начатое предложение, когда Кейн перестал орать.

— Ты кто? Как посмел? — завопил граф, потряхивая вторым и третьим подбородками. Его глаза от ужаса и удивления едва не выкатились из орбит.

— Заткнись, падаль, ты мне щас весь пол тут вылижешь!

— Однако, вы не... — снова подал голос префект.

— И ты заткнись, говно, ни то коленки в обратную сторону выверну!

— Какая дерзость! Где мой меч? — закудахтал граф.

— Смею полагать, что твой голос мне отчаянно знаком, — спокойным тоном произнес префект.

— Ошибаешься, прыщ, — ответил Кейн, приставляя дуло гномьей двустволки к затылку префекта, — Если бы мы встречались, ты не смог бы этого забыть. — Префект повернулся к Кейну лицом, и от увиденного тот чуть не выронил оружие из рук. Перед ним был его давний друг и слуга.

— Сир Кайган? — не поверил глазам префект. Но быстро очнулся, вскочил с кресла и преклонил перед Кейном колена. У графа от увиденного выскочившие из орбит глаза полезли на затылок, а отвисшая челюсть образовала четвертый подбородок. Кейн был не менее удивлен.

— Аракил, — еле выдавил он. — Немыслимо!

Кейн не видел Аракила почти сорок лет. С тех самых пор, как Кейна лишили звания, титулов и положения. До той поры Аракил был его верным васалом. Безбородым юнцом он дал клятву верности молодому и подававшему надежды воину, недавно получившего рыцарский титул, звание сотника и надел земли. Пусть, рыцарь этот был горбат и не мог носить полноценный рыцарский доспех, однако дела его говорили за себя, и никто не мог попрасть его права на титул, чести и достоинства. Бок-о-бок с этим рыцарем Аракил прошел путь от оруженосца до лендлорда Северной Гестории. Кейн же, который в те времена носил свое настоящее имя, Кайган, завершил свою блестящую карьеру в самом расцвете сил, будучи Верховным Главнокомандующим всех гесторийских легионов. Звезды, что горят ярче всех, порой скорее всех же и гаснут. Сэр Кайган Валесский — Несгибаемый пал жертвой чудовищного заговора. Во время пира по случаю празднования Дня Урожая, Конунг Хорнунгам скончался прямо за трапезным столом от сильнейшего яда, которым были смазаны его столовые приборы. Подозрения пали лишь на сэра Кайгана, который находился с конунгом в самых тесных отношениях, и фактически, был вторым лицом в государстве. А помимо всего прочего, он не имел алиби. Сэр Кайган и все его васалы были приговорены к казни через свежевание и колесование. Однако благодарные крестьяне сумели организовать для него побег. Вместе с ним из камеры подземелья удалось сбежать только бывшему лендлорду Аракилу. С тех пор они не виделись. Обоим пришлось тайно бежать из страны и сменить имя. Но в отличие от Кайгана, которому волей судьбы пришлось встать на путь разбойника и душегубца, Аракилу удалось начать жизнь заново и заново взобраться по карьерной лестнице с самых низов до невообразимых высот. Тем не менее, несмотря ни на что, Аракил остался верен однажды данной клятве и не раз предпринимал попытки отыскать своего сюзерена. Однако, Кайган, прозываемый Кейном никогда не ночевал под одной крышей дважды и все тщания Аракила провалились. Много воды утекло с тех пор, как Аракил смирился со смертью своего сюзерена, однако судьбе было угодно свести их вновь.

— Я думал, вы мертвы, сир, — сказал Аракил. Это был невысокий пожилой человек с седыми волосами, лопатообразной расчесанной бородой и ухоженными тонкими усами. Весь бардово-черный доспех был от шеи до пояса увешан различными медалями и орденами. За отвагу, честь и верность, доблесть и бесстрашие.

— Так и есть, мой друг. Сэр Кайган умер. Он не выбрался из подземелий Мьелхайма, — Произнес Кейн, опуская оружие. — А ты приехал за головой гробовщика Кейна и его компании, — Кейн подошел к письменному столу, заваленному пергаментными листами, и взял один. Развернув пергамент, он показал содержимое Аракилу, ткнув пальцем в свой портрет. К слову, портрет Кейна на наградном листе был безобразнейший. Голова неестественно одутловатой, оба глаза одинаково вытарашенными, а губы размером с переспелую сливу. Только знающий Кейна лично мог бы узнать его на этом портрете.

— Поверить не могу, — грустно усмехнулся Аракил. — Я думал, что ищу самого дьявола, а им оказался мой давний друг. Но зачем вы явились сюда?

— Мой план был отправить тебя есть землю, и заставить этого тюленя помиловать меня и моих друзей, чтобы мы смогли спокойно уехать из страны.

— Да как ты сме... — подал голос граф, который не понимал в происходящем решительно ничего, кроме того, что тюленем назвали его.

— Заткнись! — приказал ему Кейн, и тот повиновался, хотя лицо по прежнему выражало оскорбленное достоинство.

— Вот это едва ли возможно, — грустно улыбнулся префект. — Граф гвантанский, Силод более не уполномочен вершить суд в вашем отношении. Эти полномочия перешли к пленуму Митриумской Судебной Префектуры. Целиком и полностью. По указу короля, Айвена VI, иданному лично.

— Почетное бесчестье, — печально усмехнулся Кейн. — Значит, этот мне больше не нужен?

— Наверное, так.

— Тогда переходим к приятному, — рыкнул Кейн, наведя арбалет на графа.

— Нет! — воскликнул Аракил, но поздно, Кейн выстрелил. Стальной арбалетный болт с чавкающим хрустом воткнулся в лоб графа, прямо над левым глазом, чуть не опрокинув его навзничь вместе с креслом. Откуда-то из его плотки донесся сдавленный стон, и тело графа безжизненно осело в кресле, предварительно сделав последний конвульсивный импульс.

— Это тебе за Болдрина и его семью, грязная обезьяна! — плюнул Кейн.

— Что вы наделали? — всплеснул руками префект.

— То, зачем пришел, — услышал он ответ.

— Но вы же говорили, что не будете его убивать.

— Нет, не говорил. Я сказал, что собираюсь убить тебя первым, — сказал Кейн, взводя курок арбалета, и наводя его на Аракила, — Прости меня, друг, но это все равно ничего не меняет. Ты же не можешь меня отпустить, так или иначе.

Аракил закрыл глаза, он не мог смотреть Кейну в лицо, это было все равно, что смотреть в лицо смерти. Не пытался он его и урезонить или переспорить, зная, что это бесполезно. Он зажмурился и ждал, пока прозвучит прощальный щелчок и холодная сталь подарит ему долгожданный физический и душевный покой. Секунда длилась за секундой нескончаемо долго, и казалось, даже сердце замерло, дожидаясь конца. Наконец, щелкнул спусковой механизм и Аракил услышал и почувствовал, как мимо его уха просвистела холодная и беспощадная смерть. Просвистела и воткнулась в гобелен позади него. Сердце очнулось и продолжило биение, Аракил открыл глаза. Перед ним не было могучего не по годам и грозного убийцы. Перед ним стоял согбенный старик, измотанный и несчастный. Не было в нем и тени той силы, которую он источал только что. Не было непоколебимой уверенности и страстного бесстрашия. В его разных по размеру и цвету глазах не было ничего, кроме смертной усталости и бездонной тоски.

— Чтоб ты пропал, сукин сын, — пробормотал Кейн дрогнувшим голосом, из его человеческого глаза выкатилась слеза. Прокатилась и исчезла в седой бороде. Из ослабевшей ручищи выпал арбалет, глухо стукнувшись об каменный пол, покрытый дорогими суаранскими коврами. Рядом упало и гномье ружье. Старый горбун усталой походкой подошел к креслу и рухнул в него, протянув ноги к огню.

— Твоя взяла. Сдаюсь, — сказал Кейн безразличным тоном, завороченно глядя в огонь камина.

— Сир, я... действительно не могу позволить вам просто уйти, но... могу пообещать вам... Вам всем честного суда по прибытию в Митриум.

— Всем? — угрюмо хмыкнул Кейн, — Очнись, болезный, мы нелюди. Честный суд

отправит нас в петлю. Если не придумают чего поинтереснее.

— Клянусь честью, я этого не допущу, — Аракил перешел на шепот. — Я постараюсь дернуть за все ниточки, до которых дотянется мое влияние, но освобожу вас от этой участи. Но только в том случае, если я найду и остальных.

— Намекаешь, чтобы я сдал укрытие своих, так сказать... сообщников? — оторвал взгляд от камина Кейн. — Не думай даже. Пусть они и убили тех несчастных деревенщин в Дзулесе, я едва ли поверю, что это был бандитский налет. Я больше склоняюсь к самообороне. Я их встретил несколько дней назад. Голодных, озябших, наивных и беспомощных, как дитя. Они даже не знали, как им попасть в город. В тот момент я понял, что вот он, мой шанс сделать действительно полезное дело, разорвать этот порочный цикл бессмысленного существования. Сразу я почувствовал какую-то ответственность за них. И я отвечу. Оставьте их в покое.

— Поймите сир, иного выхода нет. Я не смогу вернуться в Митриум с пустыми руками. Я обязан отыскать вас всех. Живыми либо мертвыми.

— Живыми они не дадутся, мертвыми дорого тебе встанут. Таких бойцов не каждый день встретишь.

— Тогда необходимо, чтобы они пошли на мировую. Вы их знаете, сэр Кайган, вас они послушают. Передать им что-нибудь, чтобы они поверили, что я от вас?

— Едва ли это возможно, учитывая мое бредовое положение, — Кейн крепко задумался. Думал долго, никак не мог решиться, взвешивая все «за» и «против», но пристальный взгляд Аракила подтолкнул его решение. — Ладно, будь по-твоему. Попроси их захватить мне выпивки и сигар.

— Вот так просто? — засмеялся Аракил. — Никакого тайного пароля, никакого ребуса или сквозного намека?

— А ты чего хотел, чтобы я с ними в ваши шпионские шашни играл? Да, так и передай. И еще кое-что. Если ты хоть немного меня уважаешь, ты пойдешь туда лично, с минимумом охраны и без оружия.

— Что? — не поверил префект. — Это невозможно.

— Ты меня услышал, — сказал Кейн. Он был как никогда серьезен. — Обещай мне.

— Хорошо, — тяжело вздохнул Аракил после долгого раздумья. — Я все сделаю, как просите. Где их искать?

— Улица Бенедикта Луана, четвертый дом, — Аракил поклонился и поспешил записать адрес.

— Аракил, — позвал его Кейн.

— Да, сир?

— Если подведешь меня, я клянусь тебе, я выживу и жестоко отомщу, — услышал префект голос старого могучего воина, что вселял ужас в сердца недругов и отвагу в сердца сотен тысяч солдат, ходивших когда-то под его командой. Аракил открыл дверь, и смутившись стоявшего за ней трупа, громко крикнул:

— Сэр Линарис! — затем закрыл дверь и негромко сказал Кейну, — Да будет так, сир.

Снизу слышались приближающиеся тяжелые шаги, и в графьи покои вошел старый рыцарь, которого Кейн видел внизу.

— Ваша светлость, что это значит, что здесь произошло? — спросил он, указывая пальцем на висящего на стене мертвеца.

— Вот это Вы мне объясните, любезный сэр, — сцепил пальцы на животе префект.

Кейн повернулся к ним лицом и ухмыльнулся своей фирменной злой усмешкой.

— Что здесь делает этот паршивый пес, прикажите вздернуть его на дыбе, милорд! — зарычал рыцарь и схватился за рукоять меча. Затем увидел обвисшего в кресле мертвого графа и лицо его побагровело. — Ах ты старый плешивец, я проткну тебя как кусок свинины! Защищайся, коли не трус!

— Сэр Линарис, призываю вас к порядку. Этот человек ворвался и убил графа, сие факт, но я уже убедил его сдаться. Прошу Вас, отведите его в подземелье, и не забудьте положить его вещи в хранилище, — сэр Линарис посмотрел на своего командира с неподдельным уважением, скрылся на лестнице и через минуту вернулся с двумя солдатами. Те схватили Кейна, завели его руки за спину и увели. Сэр Линарис сам подобрал лежавшее на полу оружие и презрительно фыркнув, вышел вслед за пленником.

— Сэр Линарис, — позвал префект. — Утром я жду от Вас объяснений, как этот субъект проник в замок, — Лицо рыцаря помрачнело как туча, но тот почтительно поклонился и удалился, с совсем не свойственной для себя аккуратностью закрыв дверь.

Миниатюрная эльфийка с розовой кожей и черно-белыми волосами сидела одна в маленькой комнатке на втором этаже корчмы «Дубок — Шептунок». Сидела на старенькой скрипучей кровати, повидавшей многие виды и не одну сотню постояльцев. Сидела, подобрав под себя ноги, и в свете доживавшей свой век свечи, вглядывалась в побуревшие от времени страницы старого волшебничьего фолианта «Коментариев» к «Толкованию «Saiiquro ed Oniljimaggie Oborienti[1]»». Правда, продуктивным чтение назвать было сложно. Эннамаэль изо всех сил вглядывалась в изящные руны, но мысли ее были далеко от мыслей автора «Коментариев», и смысл прочитанного раз за разом ускользал от нее. Голова эльфийской волшебницы была занята мыслями совсем другого толка. Вот-вот, с минуты на минуту курьер торговца запрещенными товарами должен постучать в ее дверь тремя частыми и двумя одиночными постукиваниями. Она просунет через щель под дверью несколько серебрянных монет, а ей в ответ передадут заветную колбочку с Белым Дурманом — старинным эльфийским медикаментом, который люди усовершенствовали, сделав его более эффективным, но в то же время, спровоцировав нецелесообразное и непотребное его применение совсем не в медикаментозных целях.

Эннамаэль закрыла бесполезную книгу и швырнула ее на тумбочку. Взгляд ее теперь безраздельно падал на дверь. Каждый шорох, каждая тень, промелькнувшая за дверью, заставляла ее с трепетом задержать дыхание и сжать кулачки, но когда желанный гость так и не соизволял появиться, девушка сердито сопела и в нетерпении подергивала пальцами на ногах.

Вынужденное воздержание от Белого Дурмана давало о себе знать. Эннамаэль то и дело облизывала и покусывала зудящие губы сухим и потерявшим чувствительность языком. Она знала, очень скоро ей станет еще хуже. Начнется ломота, резь в глазах, слабость и озноб. Спасти ее от этого кошмара будет способен лишь чудесный серебристый порошок, который нехорошие людишки все никак не хотели приносить.

Прошло полчаса. За это время Эннамаэль сумела отсчитать целых восемь, но в конце концов, эльфийка услышала долгожданный стук. Схватив кошелек, она рысью метнулась к двери. С той стороны зашипели:

— Товар у меня, гони сорок нециев.

— Что? — возмутилась эльфийка. — Откуда сорок, договорились же о тридцати?

— Извини рыбка, инфляция, риски, туды-суды. — хрипло засмеялись за дверью. — Теперь сорок. Выкладывай, да поспеши, мне еще много клиентов обойти надо.

— Ты безумен! — в голос воскликнула Эннамаэль. — Ладно, тридцать пять и по рукам, согласен?

— Э, нет, — вновь засмеялся делец. — Ты не в том положении, чтобы торговаться, зайка. Либо сорок, либо я пошел дальше. Решайся быстрее, пока я еще не поднял, — После этих слов Эннамаэли нестерпимо захотелось сжечь его на месте, и при этом разнести полкорчмы. Ценой немалого волевого усилия, она убедила себя, что этот мерзавец, как бы он ни был нагл и подл, того не стоит. Тем более, что вместе с ним будет уничтожен и его драгоценный товар. А таким нехитрым обманом он лишь зарабатывает себе деньги, ведь шестеркам вроде него настоящие брахманы платят сущие гроши. Эннамаэль высыпала

деньги на пол, отсчитала сорок серебряных монет и пододвинула кучку к щели под дверь. Ловким, наметанным движением, курьер сгреб деньги в свою котомку, в ответ швырнув в ту же щель эльфийке крохотную колбочку, будто кость собаке.

— Наслаждайся, — бросил он и стремительно затопал прочь.

— Будь ты проклят, скотина! — Закричала ему вслед Эннамаэль, роняя слезы от бессильной ярости и нестерпимой обиды. Того количества порошка, которое ей продали за такие деньги, не хватит и один раз как следует заправиться. И вдруг в ее голове ожил голос Йорвина, который говорил: «Ты так и будешь всю бесконечность существовать, от случая к случаю зарабатывая крохотные деньги, а затем просаживать их на дурманящие порошки. Набираться до беспамятства, а когда дурман сойдет, и ты окажешься одна в пустой комнате среди мусора и собственных испражнений, будешь искать новые способы добыть заветный наркотик, и все повторится снова, а потом еще и еще и так до бесконечности. До тех пор, пока дурман не заменит тебе хлеб, а удовольствие от этой дряни не растворится как лед в кипятке, оставив после себя только пустоту и боль».

Эннамаэль упала на кровать лицом в подушку и заревела. Ей было очень больно не столько оттого, что ее подлейшим образом обманули, сколько оттого, что Йорвин, говоря о ее будущем, был абсолютно прав. И, несмотря на все свои странности, он был единственным за многие сотни лет, кто действительно, искренне желал ей добра.

Задыхаясь от нестерпимой досады, Эннамаэль лупила кулаком подушку, не прекращая промакивать ее слезами. Она даже не заметила, что свеча, стоявшая на тумбочке около кровати, перестала освещать пространство вокруг, а затем веселый огонек и вовсе куда-то пропал, погрузив комнату в кромешную тьму. То же самое случилось и внизу, где за костями, картами и выпивкой отдыхал от будничных проблем простой рабочий люд. Плавно, но стремительно все светильники погасли, и все помещение погрузилось во тьму. Тьма была настолько беспросветная, что даже тот, кто неплохо видит в ночном мраке, не смог бы ничего увидеть дальше своего носа. В корчме мгновенно началась паника, гвалт и гомон. Перепуганный народ стремился удрать от наваждения, по ходу опрокидывая столы, сбивая с ног и затаптывая друг друга. Обезумевшие люди ломали и крушили на своем пути все, лишь бы добраться дотуда, где, как им казалось, была дверь из проклятого трактира.

Эннамаэль, услышав гвалт внизу, оторвала заплаканное лицо от мокрой подушки, и поняла, что натворила. Тут же, как по приказу, черная мгла рассеялась, свечка на тумбочке вновь осветила маленькую комнатку своим скромным светом. Свет вернулся и в кабаке. Желудь осторожно вылез из под стойки и с ужасом огляделся. Весь пол был завален обломками мебели, битой посудой, остатками еды и выпивки. Весь народ разбежался, кроме тех, кто был задавлен или затапан. Три тела, красных от крови лежали на полу, не подавая признаков жизни. Еще несколько человек корчились и стонали, лежа с перебитыми конечностями, пробитыми головами и переломанными ребрами. Голова Желудя от щек до лысой макушки сделалась пунцовой. Он знал, с кого спросить за это.

Кейн плюхнулся на соломенный лежак своей камеры, и только в этот момент понял, как вымотался. Мгновенно все конечности налились свинцом, веки сами собой начали склеиваться. Но не успел стихнуть отзвук лязгающих замков, как дверь в темницу снова была потревожена. Двое городских стражников в синей форме, с яйцевидными шлемами тащили обмякшее тело с мешком на голове. Кейн приоткрыл фиолетовый глаз и заметил, что тело с мешком на голове имеет мохнатый хвост. Сон мгновенно как рукой сняло.

Стражники открыли пустую камеру напротив Кейна и швырнули тело внутрь, предварительно сняв с головы мешок. Кейн узнал Юрки. Тот лежал, не подавая признаков жизни, и Кейн смачно выругался. Стражники громко хлопнули железной дверью и залязгали замком.

Вдруг, в темном углу темницы, в крайней камере напротив Кейна раздались шорохи. Кейн любопытства ради придвинулся к решетке посмотреть. В крайней камере на другом конце каземата через щель в решетке просунулась маленькая, но лохматая голова. Увидев, что на него смотрят, узник расплылся в широкой улыбке, демонстрируя отсутствие половины зубов.

— О, компания! — воскликнул он и засмеялся, — Уж три дня тут ни души, кроме мышей. Я чуть со скуки не помре! Я Кампо, а тебя как звать?

— Кейном, — ответил горбун.

— Кейн? — зашевелил бровями Кампо. — Погоди-ка, я тебя знаю, ты гробовщик кладбищенский, — Кейн кивнул. — Как же тебя сюда угораздило-то? За что же ж?

— Подружился не с теми, — сухо ответил Кейн. — А ты что напорол?

— Я-то? Да бродяга я, вот и угодил сюды. Хотя, честно если — вор я. Жрать нече, вот и спер. Посадили на месяц. Отсидел, вышел. Опять жрать нече, опять упер — посадили опять. На полгода топереча. За редедив. Через три седмицы выйду.

— И опять красть? — хмыкнул Кейн. — Не пробовал ремеслом заняться?

— Не, ремесло — это не мое. Я пыталси, так что знаю. И сапожником быть пробовал, и плотником, и кожевником, и много кем еще. Только кривые у меня руки. Ни чертика не вышло. Все мастера меня взащей выгоняли. Вот так и бродягой стал. Потом тута очутилси. И знашь, в целом я доволен. Кормить — кормют, поить — поют, парашу меняют. Чего-то дельного не требуют. Зимой — снег чистию, летом — травку вокруг казарм щипаю. Истекет срок — и да, опять красть. А как же иначе ж? Как-то жить, да надо ж. Кому как. Кто за лошадьми убират, кто гробы сколачиват, а я вот эдак. Украл, поел — в тюрьму. Украл, поел — в тюрьму.

— Сомнительная романтика, — покачал головой Кейн. — А ты не боишься, что тебя на третий раз так не пожалеют? Башку отрубят, и дело с концом.

— Нет. Вот эдак точно не будет. Граф указал, чтоб убивство ток за убивство полагалоси. За присвоение чужого — лишение собственного. Кому нече отдать — плотют свободой. Так-то. Посему мне ничего не грозит, покуда граф жив, доброго ему здоровица.

— К несчастью, его светлейшество недавно приставилси, — сказал Кейн. — Так что не знаю, стоит ли в третий раз испытывать судьбу. Я бы не стал.

— Ты не шуткуешь, друг? — побледнел Кампо. Кейн отрицательно помотал головой. — Ой, плохо. Плохо. Плохо — плохо. Знаешь, что-то мне нехорошо стало, я пожалуй, полежу. — Кампо вытащил свою голову из решетки и скрылся из виду, ничем больше не выдавая своего присутствия, лишь изредка шмыгая носом.

Прошло какое-то время, и морферим зашевелился. Юрки сипло засопел, поднялся на четвереньки и привалился к стене, болезненно схватившись за левую ногу. Ему неплохо досталось от стражников. Один глаз заплыл, сломанное ухо обвисло тряпкой, а раненная нога оставляла на полу кровавые полосы. Увидев Кейна, Юрки нисколько не удивился.

— Ты здесь, — констатировал он. — Значит, мы потерпели поражение.

— Сплюнь, лохматый, — парировал Кейн. — Я сделал то, зачем пришел. Но как тебя угораздило им попасться?

— Черные двуноги неплохо стреляют, — судорожно схватился Юрки за раненную ногу. Арбалетный болт попал в бедро и только чудом не задел кость. Юрки оторвал кусок от своей штанины и стянул рану давящей повязкой. — Они подстрелили меня на крыше. Я свалился со второго яруса, и как раз подоспели эти. Синие. Накинули сеть, протащили несколько улиц по земле, затем накинулись с дубинами и бить стали. Потом по голове стукнули, и я уснул. Проснулся здесь. И знаешь, что было большее всего? Никогда не видел, чтобы кто-то веселился так, как те воины, которые побивали меня дубинами. Я краем глаза успел заметить, сколько радости было на их мордах. Они бы с удовольствием забили меня до смерти, если бы черные не осадили их. Теперь я понял, почему мой народ ненавидит лысых двуногов. Отец с сестрой всю жизнь твердили, что мы на вас наговариваем. Что не так страшен леший, как его рисуют. Но я здесь видел гораздо больше, чем слышал там. Люди — худшие из тварей, что бродят по земле. Их тлетворное влияние разлагает все, к чему они приближаются. Пока лысошкурцы не появились в Яаскелайнен, все было славно. Мой народ любил друг друга, хранил заветы, чтит предков. А как в наше селение привели людей — все то незываемое, что веками двигало мой народ вперед, было опорочено и растоптано. Мой брат пытался выжить меня и убил моих родителей. И такое же мерзкое отношение я вижу здесь каждодневно. Даже не к тем, кто не люди, об этом я молчу. Даже друг друга они готовы мучить и убивать потехи ради. Не будь я обязан Йорву жизнью — лапы моей бы здесь не было.

— Как же ты можешь хаять людей, если твой лучший друг из их племени? — хмыкнул Кейн.

— О, слава Праматери, это не так, — воскликнул Юрки. — Йорвин — не человек.

— Как это — не человек? — вытаращил глаза гробовщик. — Кто же он, коли не людского племени?

— Он — дракон, — глядя Кейну в глаза ответил Юрки. — И его истинное имя — Назулдан.

— Ха, дракон! — рассмеялся Кейн. — Ты еще скажи Фея Крестная.

— Ты не веришь мне, человек? — оскалился Юрки.

— А ты сам себе веришь? Дракон это... Тьфу, бабкины бредни. Это что же, он сам вам это сказал?

— Я видел, — ответил Юрки. — Йорв делал такие вещи, которые смертному не под силу. Он владеет Истинной Силой. А она владеет им. Я не знаю, как объяснить человеку.

— Я полутроль, — цинично усмехнулся Кейн. — А про драконов сказоньки рассказывать брось, пока я не осерчал, смекаешь?

— Ты зря пытаешься меня напугать. Что ты можешь, сидя в клетке? Ты сейчас ничем не лучше меня. Я лишь надеюсь, что Йорв уберезет мою сестру от нашей участи. Пока черные двуноги не знают, где они скрываются, моя душа спокойна.

— Вообще-то знают, — почесал бороду Кейн. — Я сказал им.

— Что? — миглом ощерился Юрки. — Да как ты посмел, лысошкурый предатель! Я оторву твою лживую голову! Моя сестра верила тебе, убогий горбун, а ты нас сдал! Ох, не будь этих решеток, я порвал бы твои потроха! — Юрки рычал и брызгал слюной на этот раз по-настоящему. В бешеном оскале Юрки Кейн заметил отсутствие клыка на нижней челюсти, что делало Юрки еще более устрашающим. Кейн удивился, что обычно флегматичный полулис способен на такую необузданную звериную ярость. Юрки рычал и скалил челюсти как заправский волк и дергал прутья решеток с такой силой, что Кейн

почувствовал холодный укол в животе. А Юрки и не думал униматься. Он рычал и громычал дверями клетки с такой силой, что в темницу зашел надсмотрщик с полным ведром воды и без предупреждения окатил Юрки с головы до пят. Юрки не удержался на больших лапах и, поскользнувшись на осклизлом мокром полу, рухнул навзничь.

— Еще раз услышу здесь галдеж, кто-то отдохнет в карцере. Поняли, выродки? — гаркнул страж и вышел, из соображений приличия хлопнув железной дверью. Юрки кое-как уселся на корточки, уперся руками в пол и энергично затряс гривой, стряхивая воду. Ведро холодной воды действительно немало остудило его пыл. Гневно сопя и содрогаясь то ли от холода, то ли еще от ярости, Юрки отполз в угол камеры и, обхватив колено руками, сердито буравил Кейна взглядом единственного открывающегося глаза. Кейну не хотелось ему ничего больше говорить. Он сам до конца не был уверен, что поступил правильно.

Наступило утро. Небосвод встретил солнце молочной облачной пеленой, и на поверхности земли заметно потеплело против прошедшей морозной ночи. По всему городу и за его пределы разошелся слух, будто Его Превосходительство, Граф Силод Рыжий безвременно скончался. Известно также стало широким массам, что убит он был безродным мужиком, непонятно как проникшим в охраняемый замок. Гвантанский градоправитель, временно исполнявший обязанности графа, объявил во всем графстве Златолесья всеобщий траур. Он обязал всех жителей в знак траура повесить над дверями своих домов черные флажки, но жители не разделили этого страстного порыва, и вместо черных флажков двери домов украсили вымоченные в смоле тряпки, подвешенные на гвоздь, либо просто перемазанная сажей ветошь, что смотрелось больше жалко, чем траурно. Но народ нельзя было за это винить. Мало кто из них мог назвать хотя бы пару причин вспомнить усопшего графа добрым словом. Граф Силод, правивший Златолесьем последние тридцать два года, запомнился как нещадный поборник налогов, которые больше копились в его сокровищнице, чем уходили на какие-либо общественные нужды. А также непримиримым ненавистником нелюдей, под страхом смерти выставившим из графства всех представителей иных рас вместе с теми, кто им пособничал или укрывал. Уж на этом он средств не экономил. Так или иначе, эта чистка не самым приятным образом коснулась абсолютно всех жителей графства. Но как бы ни старался Силод очистить златолесские земли от нелюдей, самые ушлые и проницательные все равно нашли способ остаться.

Эннамаэль шла по сонной улице, закутавшись в меховую накидку Зуали, с небольшим узелком в руках. Шла, надев капюшон, который был ей так велик, что ее голова полностью утонула в нем, и кроме торчавших из-под него черных и белых прядей ничего видно не было. Ни розовой кожи, ни острых ушей, ни того, что ее опухшее от слез прекрасное личико было перемазано слезами и соплями. После того, что она учинила в трактире «Дубок — Шептунок», его хозяин, пивовар Желудь, выставил эльфийку на улицу, на сей раз окончательно. Вдобавок, отобрал у нее все оставшиеся у нее деньги в качестве компенсации ущерба. Она могла бы заставить Желудя обо всем забыть, помутив ему рассудок, но ей претила сама мысль об этом, ведь Желудь был прав. Он как радушный хозяин простил ей все неадекватные выходки и позволил спокойно жить дальше ровно для того, чтобы она опять испортила ему кровь. Оставшись без крова, Эннамаэль провела ночь в кабаке «У Мунгуса», размышляя о том, как жить дальше. «У Мунгуса» не было постоянных комнат, а у Эннамаэли не было денег. Даже на еду не было ни цзанги. Эльфийке повезло уговорить хозяина разрешить ей провести ночь на полу около камина. Там она и проспала, завернувшись в ту

же меховую накидку. Утром проснулась с голодным комком в животе и на глазах вновь выступили слезы. Гордыня эльфа еще сопротивлялась, но интуиция вкупе со здравым смыслом настойчиво твердили, что Назулдан — единственный, кто может согласиться ей помочь. Долго гордыня не продержалась.

Эннамаэль по памяти нашла улицу, на которой находился искомый дом. Однако, уходя оттуда, эльфийка ни разу не обернулась, поэтому как выглядит нужное строение не знала. Наблюдая серую нескончаемую череду однотипных безликих построек, она решила применить чутье, благо волны магической энергии, исходявшие от Истинного дракона-полукровки, почувствовал бы и людской хиромант. Чутье привело ее к старому двухэтажному дому, натолько тесно затесавшемуся между двумя более крупными собратями, что казалось, еще немного и его стены затрещат под давлением соседских. Изнутри доносилась настолько концентрированная энергетическая пульсация, что у эльфийки слегка зашумело в ушах и закололо щеки. Сомнений быть не могло. Назулдан — там.

Эннамаэль постучала костяшками пальцев в мощную дубовую дверь, но ее нежная ручка не издала и толики звука, необходимого, чтобы с другой стороны услышали. Тогда она постучала кулаком, а потом, для приличия, еще и двинула пару раз ногой. Через тонкие щели в заколоченных окнах на втором этаже Эннамаэль заметила какое-то движение, и первым долгом подумала, конечно, на морферимку Зуали, которую не так давно лечила. Уж она-то должна сообщить Назулдану, что снаружи стоит и ждет друг. И действительно, дверь приоткрылась и в проеме показалась та самая долговязая фигура, которую эльфийка хотела увидеть.

— Здравствуй, Назулдан, — первой поздоровалась Эннамаэль.

— И тебе доброго здоровья, — вежливо ответил Йорвин, но в его голосе и выражении лица эльфийка заметила немалое напряжение. — Не ожидал тебя вновь увидеть. Ты с каким-то делом?

— Да. То есть нет. То есть да, но не совсем.

— Интересно. Как так?

— Может, ты вступишь меня? Или так и будем в дверях стоять?

— Ах, конечно. Заходи, — улыбнулся Йорвин и посторонился. Эльфийка вошла, и он закрыл за ней дверь. Затем жестом пригласил ее присесть на топчан, — Ну, расскажи свое дело.

— Назулдан... Знаешь, ты бы прав.

— Насчет чего?

— Насчет меня. Ты сказал, что нельзя так жить — постоянно набираться дурманов, бесконечно отравлять сознание. Не иметь корней и стержня. Ты прав и я больше так не могу жить.

— Похвально, — сумрачно ответил Йорвин. — Но если ты пришла в поисках работы, то, боюсь, ты не вовремя. У меня нет денег, чтобы оплатить твои услуги. Вся моя кампания под вопросом. У меня пропали двое товарищей, без которых я как без рук. А вечером сюда может нагрянуть банда головорезов и я не знаю, что буду им говорить.

— Уже выгоняешь, и даже не выслушаешь? — закинула ногу на ногу эльфийка. — А как же это великомудрое изречение, что мы в ответе за тех, кого приручили? Нехорошо приволочь девушку к себе домой, а потом разворачивать ее с порога на следующий день. Даже для человека это низко. Я думала, драконы более возвышенные создания, — Йорвин

ждал, что Эннамаэль встанет и уйдет прочь, хлопнув дверью, но та и не пошевелилась, лишь обиженно смотрела Йорвину в глаза.

— Извини, — виновато пробубнил Йорвин. — Я тебя слушаю.

— Я, между прочим, не торговаться к тебе пришла, а, скорее, наоборот. В этом городе у меня не осталось друзей. Даже комнату мне больше снять не дадут, — Йорвин слушал и молчал, глядя эльфийке в разноцветные глаза, которые сперва заблестели, а потом наполнились слезами. — Идти мне, по сути, некуда. И я подумала, что с тобой отправиться навстречу опасности все же лучше, чем сдохнуть бесславной смертью среди отбросов. А я уверена, что именно такой конец меня ждет в недалеком будущем. Эта... эта дрянь, которую я употребляла последние полвека заставляет меня давиться ей снова и снова, иначе без нее я словно отравленная. Тело перестает меня слушаться, и разум словно наполняется расплавленным железом. Я не знаю, как скоро силы покинут меня окончательно, но я не хочу даже думать о том, чтобы умереть в одиночестве. Прошу тебя, Назулдан, не прогоняй меня. Я знаю тебя всего пару дней, но ты самый близкий мне не-человек из всех живых на свете. Будь со мной в мои последние мгновения.

— Не говори так, — прошептал Йорвин, присев рядом. — Ты из Бессмертного народа, а вы гораздо более стойкие ко всем отравам, нежели люди. Я уверен, что мы найдем лекарство от твоей зависимости, если твой организм сам не сможет ей противостоять.

— Черные воины! — закричала Зуали со второго этажа. — Идут прямо к нам, — Йорвин вскочил и спешно запер входную дверь.

— Не к добру, — констатировал он и взял в руки один из клинков, выкованных им для Юрки. В дверь постучали латной перчаткой, и по спине Йорвина пробежал холодок. Сверху спустились Зуали с Эйнари. Зуали — с луком, Эйнари — с лезвием от косы. Йорвин жестом велел им затихнуть, а сам встал возле двери и стал вслушиваться в происходящее на улице. В дверь снова постучали.

— Именем короля, открывайте. Нам известно, что в этом доме живут нелюди, укрывающиеся от закона. Если не подчинитесь, то мы применим силу. Открывайте немедленно! — Йорвин недолго подумал, затем жестом велел морферимам опустить оружие и отомкнул щеколду и убрал засов. Дверь немедленно открылась, и через порог переступили четверо солдат королевской полиции во главе с офицером высокого чина, как понял Йорвин. Едва офицер переступил порог, как он опустил клинок ему на плечо, лезвием к шее. Тот ни капли не смутился, но его подчиненные достали мечи из ножен, а Зуали снова натянула тетиву своего лука.

— Вы же не поднимете меч на безоружного? — поднял руки офицер, снизу вверх глядя на Йорвина, который только сейчас заметил, что на поясе у него нет меча, — Так, может, мы сначала поговорим, а потом будем бить и резать друг друга?

— Пусть остальные тоже бросят мечи, — указал глазами Йорвин на солдат с мечами в руках. — Тогда поговорим.

— Это невозможно, — твердо парировал офицер. — Но я могу оставить их снаружи на время переговоров.

— Эти, как ты выразился, нелюди, весьма нервны. Не опасайся за свою жизнь?

— Я — генеральный префект Митриумской судебной префектуры Его Королевского Величества. Председатель Пленума Верховного Совета Внутренней Безопасности. Я рассчитываю на их рассудительность, ведь в случае моего подлого убийства, уже к полудню тут будет целый гарнизон королевской полиции.

— Пускай выйдут, — кивнул Йорвин в сторону солдат в черном. Префект отдал приказ и те бесприкословно подчинились. Как только за спиной последнего закрылась дверь, префект тотчас изменился в лице.

— Вчера поздно вечером на крепость Гвантан напали двое преступников. Один из них проник в покои графа и убил его. Это случилось буквально на моих глазах. Сейчас эти двое пойманы и заключены в подземелье крепости. Взгляните, я думаю, они вам знакомы. — Префект достал откуда-то из под плаща обрывок объявления о розыске, на котором красовались два не очень качественных, но довольно убедительных портрета Кейна и Юрки. Сердце Йорвина упало в пятки с грохотом наковальни. Зуали не выдержала и тоже подошла взглянуть на бумагу. От увиденного вся ее шерсть встала дыбом.

— Как же мне надоело видеть эти мерзкие бумаги! — сквозь зубы выдавил Йорвин, вырвал из рук префекта бумагу, скомкал и кинул в сторону печи.

— Значит, знакомы, — заключил префект. — Но смею вас успокоить. Судьбе было угодно, чтобы с одним из них я сам был давно в тесном знакомстве.

— Что? — поднял брови Йорвин.

— Как это? — спросила Зуали.

— Человек, обозначенный в этом объявлении как гробовщик Кейн, на самом деле является сэром Кайганом Валесским, прозванным на родине также Несгибаемым. Рыцарем одрена Мельтидов, Хранителем венценосного клана Лотвардов, Лордом — распорядителем Северной Гестории и Малой Стании. В Гестории его личность являлась легендарной, если не сказать культовой. Ныне же покрыта множеством противоречий. Сэр Кайган был вынужден бежать из Гестории, будучи обвиненным в измене и убийстве государя, — У всех присутствующих от услышанного отвисли челюсти. Слишком уж сильно это обилие титулов контрастировало с привычным им образом старого гробовщика. Эннамаэль подняла скомканный кусок бумаги и рассмотрела изображенные на ней физиономии.

— Эй, а я видела его, — сказала эльфийка. — Буквально вчера. Мертвецки пьяного, вонял дымом и конюшной. Вы ничего не напутали?

— Никак нет! — поднял палец рыцарь, — Я сказал, я отлично знаю его. Много лет назад он был моим сюзереном. Я принес ему клятву вассальной верности пятьдесят четыре года назад и верен ей до сих пор в той же мере, что и в день моей присяги.

— Допустим. И что с того? — спросил Йорвин. — О чем ты хотел с нами договориться?

— Я призываю вас сложить оружие и сдаться на милость Его Величества. В Митриуме вас ждет суд, где есть шанс, что вас оправдают. По крайней мере я, как верный подданный некогда сэра Кайгана, использую для этого все свое влияние.

— Отказываюсь в это верить, — помотал головой Йорвин. — Слишком уж все это удивительно и невероятно. А самое главное — нескладно. Хочешь сказать, что ты сперва, в молодости, дал клятву верности Кейну, который тогда уже был из рыцарского сословия Гестории, несмотря на свою фиолетовую кровь. А потом ты дал клятву верности королю Глимкара, за что он наградил тебя таким чином, так?

— Так.

— А не пахнет ли это двойной изменой? Сперва отчизне, а теперь Глимкару?

— Моя отчизна обвинила меня в преступлении, к которому я не имею никакого отношения, — с подавленным раздражением ответил префект. — Для нее я хуже, чем мертв. А сэр Кайган всегда был моим другом, помимо того, что был и остается моим сюзереном. Много лет назад мы одновременно лишились всего, и каждый должен был выживать, как

мог. Ни его, ни моей вины нет в том, что сейчас мы оказались по разные стороны баррикад. А вам, всем вам следовало бы быть мне чуть более признательными, так как я иду с вами на мирные переговоры только потому, что так попросил меня сэр Кайган. Вам я ничем не обязан. Особенно эльфам.

— Не жди, что мы купимся на эту наспех сколоченную байку. Ты хитришь, господин генеральный префект, — покачал головой Йорвин.

— Верить, или нет — ваше дело, но на своих ногах вы из города не выйдете. Сэр Кайган, правда, ожидал, что моим словам вы не поверите, так что передал вам кое-что сказать. Он попросил вас захватить ему выпивки и сигар.

— Очень на него похоже, — заметила Зуали.

— Действительно, это в его духе. Просить курева и выпивки, сидя в холодном подземелье, с петлей на шее, — взгляд Йорвина на мгновение сделался отстраненным. Он завернул клинок Юрки в тряпицу, где был и его брат — близнец, и кинул префекту под ноги. Его примеру неохотно последовала и Зуали, а потом и гигант Эйнари. — Что ж, Митриум так Митриум.

— Я с ними! — вскочила Эннамаэль, встав между Йорвином и префектом. — Меня тоже вяжите!

— Я ни капли не сомневался, — покачал головой префект. — Умферт, Клай — ко мне! — В дом вошли двое солдат и подняли забрали своих топфхельмов. — Несите кандалы. Для леди эльфа тоже.

Через секунду «черные» вернулись со связкой кандалов. Йорвин охотно протянул руки, позволяя себя заковать. Морферимы тоже не сопротивлялись, когда на их покрытые мехом руки надевали железные браслеты. Когда Эннамаэль увидела, что собираются надеть на нее, ее розовые щеки побледнели, ибо солдат держал в руках кандалы, выкованные из редчайшего в Эрдеросе металла — солнечного серебра. Солнечные лучи, отраженные от зеркальной поверхности этого металла, расщеплялись, отсвечивая всеми цветами радуги. Металл этот имел космическое происхождение и был единственным материалом, имеющим свойство стопроцентного рассеивания магических полей любой силы. С такими браслетами даже самый могущественный маг или колдун не представляет никакой угрозы. Определенно, «черная» полиция Его Величества не была сворой безмозглых солдафонов. Они отлично знали, с кем и как они должны бороться. А просьбу Кейна выполнять никто не собирался, так как все до одного понимали, что это не более чем фирменная шутка старого гробовщика.

Забрав у арестованных оружие и ценные предметы, королевская полиция повела закованных арестантов под конвоем по улицам Гвантана. Во главе этой разномастной вереницы шел Йорвин, замыкала строй Эннамаэль. Силы окончательно покидали ее. Походка становилась более шаткой и косолапой, спина согнулась, и не столько от тяжести оков, которые действительно были выкованы из весьма тяжелого металла, сколько от отвратительного воздействия белого дурмана, которое усиливалось с каждой минутой воздержания. Наконец, ее колени подкосились, и она упала на грязный снег улицы. Йорвин тут же заметил это и нарушил строй, дабы помочь эльфийке подняться, но тут же получил удар в печень рукоятью меча. «Куда!» — рявкнул конвоир и твердой рукой швырнул Йорвина обратно. Тем не менее, Зуали, которая шла перед эльфийкой тоже среагировала оперативно, поставив обессиленную Эннамаэль на ноги, до того, как ей бы занялись стражи.

Вдоль улиц на протяжении маршрута конвоирования стал потихоньку скапливаться народ. Люди выкрикивали ругательства и проклятья то в адрес нелюдей, то хаили их черных

стражей. По левую руку в общем гуле отчетливо было слышно, как кто-то заорал: «Нелюдь засратая! Выродки звероложския!» Этому вторил раскатистый бас: «Горите, ублюдки!» С другой стороны улицы выкрикивали: «Руки прочь от нелюдей, говноеды митриумские!», «Даешь власть без предрассудков, суки!» Вдруг на дорогу перед конвоем выскочил неопрятного вида мужик и, спустив штаны, стал потрясать перед морферимами голым задом со словами: «Ну, куси, зараза!», но получив тяжелый пендаль от конвоира, улетел обратно, в толпу. Больше на пути конвоя никто оказаться не спешил, но со всех сторон стали лететь тухлые яйца, гнилые овощи, куриные потроха и лапы, комья снега и грязи.

Кафедральная площадь была уже оцеплена, когда конвой вывел арестантов к воротам замка, где уже дожидались рыцари и солдаты митриумского наряда, а также стояли, закованные Кейн с Юрки. К лапам Юрки также было прицеплено массивное чугунное ядро, дабы максимально ограничить его подвижность.

Заметив, что на площадь вышел генеральный префект с вереницей заключенных позади, сэр Линарис рявкнул так громко, что грохот его голоса раскатился по окрестностям, задавив на несколько мгновений даже вой толпы, собравшейся за оцеплением. Рота «черных» солдат тут же выстроилась в две шеренги. Солдаты стояли так прямо и ровно, что положи аршин перед ними, хоть поставь, он будет казаться кривым на их фоне.

— Вольно, — махнул рукой префект. — Доклад, сэр Линарис.

— Ваша светлость, заключенные к транспортировке готовы, карету подадут с минуты на минуту, — отрапортовал старый рыцарь.

— Хорошо. Строй их, — сказал префект, принимая свой меч из рук подчиненного. Сэр Линарис повернулся к арестантам и набрал в легкие побольше воздуха:

— Становись, отбросы! — раскатился по площади человеческий гром. — В ряд, чтобы всех видел, — Арестанты не спеша выполнили приказ, только Кейн не собирался никуда передвигаться. — Горбатый, ты у нас личность что ли? Или ты глухой? Я сказал — все в ряд. Ты не знаешь, что такое ряд?

— Если не нравится, где я стою, то подвинь сам, куда тебе надо. Зачем мне твою работу делать? — цинично выгнул бровь Кейн. Лицо рыцаря стала потихоньку заливать краска.

— Я сказал, горбатый — в строй! — взревел сэр Линарис так, что даже двое солдат испуганно переглянулись, а со всех окрестных крыш разлетелись вороны. Но Кейн только пренебрежительно сплюнул. Ни один мускул не дрогнул на его лице. А вот лицо пожилого сэра Линариса скрутил нервный тик и тяжелый кулак в латной перчатке врезался в живот старого гробовщика. От удара тот согнулся пополам, изрыгая кашель вперемешку со смехом.

— Хе-хе, не умеешь ты людьми повелевать. Хочешь, обнадежу? Если до сих пор не научился — тебе не дано, — разогнувшись, ухмыльнулся Кейн. Сэр Линарис занес кулак, чтобы нанести второй удар в это наглое уродливое лицо, но из замка, наконец, выехала клетка на колесах, запряженная тремя пегими кобылами, в которую могло бы поместиться до десяти заключенных. На козлах сидел кучер в черных доспехах. За его спиной был сундучок, который тут же приковал взгляд Кейна. Остановившись возле арестантов, возница соскочил на землю и отпер дверь в клетку.

— Тебя слишком много, горбатый, — прорычал рыцарь. — Добром это для тебя не кончится.

— Посмотрим, — пожал плечами Кейн и забрался в клетку.

— Все в повозку, живо! — Скомандовал сэр Линарис. Арестанты по одному забрались внутрь и уселись на лавках. Последней забралась Эннамаэль. Силы почти оставили ее и

самостоятельно подняться она не смогла. Йорвин и Зуали вместе подали ей руки.

Когда Эннамаэль забралась в повозку, упав Йорвину на плечо, дверцу клетки заперли на массивный замок. Вещи, отобранные у арестованных, полицаи складировали в сундук. Стало ясно, почему Кейн так на него таращился.

Генеральному префекту подали коня. То был роскошный гнедой породы анмора, какими владеют лишь высокопоставленные дворяне из высших кругов. Лошади этой породы выделяются своим ростом, а также скоростью, выносливостью и бесстрашием. Конь был прилизан и расчесан, накрыт бархатной черной попоной с гербовым серебряным львом.

— По коням! — скомандовал префект, забравшись в седло.

— Пехота! — прогремел сэр Линарис, оседлав свою лошадь. — В колонну по четыре, шагом марш!

Процессия тронулась. По обе стороны от повозки ехали рыцари, оттесняя скопившийся за оцеплением люд. Пехота, вооруженная короткими копьями, одноручными мечами и круглыми черными щитами, ровным строем двигалась позади. Во главе конвоя ехали генеральный префект, Его Светлость, сэр Аракил и сэр Линарис, командир гарнизона. Грожане вновь принялись швыряться в проезжающих отбросами и выкрикивать ругательства. Рыцари достали из седельных сумок кнуты и без стеснения охаживали самых ретивых зевак.

— Бедный мой брат, что они с тобой сделали? — воскликнула Зуали, протянув руку к уху Юрки, но тот ее перехватил и презрительно уставился на Кейна. Йорвин тоже смотрел на него исподлобья.

— Это правда? — негромко спросил он, склонившись к гробовщику.

— Что? — не понял тот.

— То, что этот чинуша — твой бывший слуга.

— Да, правда, только не бывший.

— Неплохо он тебе услужил, — саркастично хмыкнул Йорвин.

— Ты ничего не понимаешь, — раздраженно ответил Кейн. — Он доказал мне свою верность и преданность, когда тебя еще на свете не было. И понимает суть этого понятия лучше вас всех вместе взятых. И если есть у нас шанс сохранить головы на плечах после всего того, что вы наворотили, то только с его помощью.

— А с чего бы нам верить человеку, которого мы не знаем, и который заведомо везет нас на казнь, ты подумай?

— А мне вы верите?

— Всему есть предел, — сказал Йорвин, бросив косою взгляд на избитого Юрки.

— Да как ты смеешь? — сквозь зубы процедил Кейн. — После всего, что я для вас сделал. После того, как столько раз спас ваши шкуры!

— Они верят мне, — сказал Йорвин, указав на морферимов и эльфийку. — А я пока верю тебе. И лишь поэтому мы сейчас здесь. Но твой план кажется мне слишком сомнительным. В Митриум нам не по пути. Туда я не собираюсь.

— Тишина! — рявкнул сэр Линарис, щелкнув кнутом. Йорвин еще раз многозначительно посмотрел на Кейна и молча отвернулся.

Экипаж добрался до городских ворот. Повозка остановилась, дорогу перегородила гвардия покойного графа, которым в силу уездного законодательства положено было спросить у уезжавших дорожную грамоту. Его Сиятельство, генеральный префект протянул уряднику пергамент. Пока тот силился прочитать приказ, сидевшие в клетке нелюди

привлекли к себе внимание двух крепких молодцов, стоявших на крыльце ростовщицеской конторы. У обоих на предплечьях красовались повязки с медвежьим оскалом.

— Слышь, я их знаю, — промычал один.

— Че? — переспросил второй.

— Говорю, видел их уже. Да, вот те зуб, это наше парное мясо. Только куды они намылились?

— Че? То самое Уолдерово мясо? Не гони коней.

— Да они это, они. Утекают, скотовазия! Надо Уолдеру сказать.

— Угу.

— Слухай, сбегай ты, я мандражую чутка.

— Сам иди. Уолдер нам и так обоим яйца оторвет, если мы их упустим.

— Етить — колотить, чего делать-то, против черных хрен попрещь.

— Тебе к Уолдеру свой хрен переть давно пора. Живо, пока они не смылися!

— Только ты и знаешь, что других оттопыривать, — один из бандитов поднял воротник своей шубы и спешно зашагал куда-то вглубь города. Второй остался на месте и продолжал злобно сверлить глазами клетку, где сидели арестанты-нелюди.

Урядник, наконец, дочитал грамоту до конца, и почтительно вернув свиток префекту, скомандовал открыть ворота. Конвой вновь тронулся и беспрепятственно пересек границу города. Йорвин опасно заозирался. Он не забыл, что на них положила глаз одна из могущественнейших бандитских группировок, из лап которой они стремительно ускользали. Йорвин, еще будучи юным сыном кузнеца, был наслышан о легендарных митриумских Призраках — неуловимой банде грабителей и рекетиров, державших в страхе нижний и ремесленный районы. Никому еще не удавалось перехитрить их и выжить. А потому предчувствие чего-то дурного с их стороны терзало душу Йорвина небезосновательно. Пусть, среди отборных бойцов королевской полиции любой мог считать себя в безопасности, но главарь Хозяев был хоть и вспыльчивым, но умным, хитрым и расчетливым. И что самое важное, до мозга костей верным криминальным понятиям.

Между тем, колонна двигалась мимо предместий. Йорвин озирался по сторонам, разглядывая неровные крестьянские избы, хлева и заборы, не без удовольствия ловя себя на мысли, какая здесь тишина и благодать, резко бросающаяся в глаза после шумного суетливого Гвантана. Процессия двигалась в молчании, лишь префект изредка перекидывался словом с сэром Линарисом. Поэтому тишину нарушал лишь скрип износившейся задней оси повозки, бряцанье цепей, когда колесо натыкалось на очередную колдобину, да лязганье доспехов маршировавшей сзади пехоты.

Глядя сквозь решетку в белоснежное небо, Йорвин снова и снова мысленно возвращался в недавнее прошлое. Сейчас, когда спешить было уже некуда, он мог еще раз обобщить и взвесить все события в Гвантане. С тех пор, как двулесские крестьяне устроили не слишком радушный прием незваным гостям, все пошло наперекосяк. Вместо того, чтобы планировать и притворять в жизнь замыслы по отысканию убийц своей деревни, Йорвину приходилось думать, в основном, о том, как бы его голова и головы его мохнатых протеже не украсили колья на городской стене. И если бы не внезапно появившийся на их пути гробовщик Кейн, скорее всего так бы все для них и закончилось. Приходилось признать, что без этого таинственного получеловека его, Йорвина, предприятие невозможно. Но что же творится в этой огромной голове? Что заставляет его то помогать, перешгивая все свои интересы и благополучие, то, не советуясь ни с кем, начинать свою сольную игру, идущую вразрез с

целями коллектива и здравым смыслом? Йорвин понял, что об истинных помыслах бывшего вояки он знает не больше, чем о содержимом книги, у которой видел лишь обложку. Но больше бывшего гробовщика и лорда — распорядителя сердце и разум Йорвина терзал образ внезапно появившейся и тут же исчезнувшей матери. В том, что это была именно она, у Йорвина сомнений не было. Но какое-то тревожно-колючее чувство разливалось в животе. И час от часу было не легче.

Эннамаэль, окончательно обессилив, опустила голову Зуали на колени. Та по-сестрински приобняла эльфийку и устроила ее поудобнее. Спустя какое-то время ее взгляд опустел и Йорвин понял, что эльфийка задремала. Эльфы не закрывают глаза во время сна, так как их мозг работает несколько иначе и дрыхнуть так глубоко как люди или гномы они попросту не могут. Эльфийка и Халинкара появились не случайно. Йорвин достал из внутреннего кармана помятую и сложенную вчетверо карту, развернул и еще раз внимательно ее рассмотрел. Карта была очень подробная; на ней не только были отмечены страны со столицами, но также каждая была поделена на графства, герцогства, волости и так далее, указаны были названия каждого провинциального центра и автономные города, а также заботливо и скурпулезно нанесены реки и озера, моря и горные массивы. Карта была составлена на высококачественной бумаге водостойкими чернилами и, безусловно, являлась высокопрофессиональной работой умелого и опытного картографа, объехавшего не менее полумира и самостоятельно изучившего не один десяток других карт. Не нужно быть большим специалистом, чтобы понять, что такая карта на дороге не валяется и уж точно не имеет ничего общего с полухудожественными опусами в городских книжных лавках, которых Йорвин много повидал еще в стольном Митриуме. Где на одной карте было нарисовано одно, на другой — совершенно другое, однако и та и другая были исчерканы одинаковыми пометками и подписями. Поди тут выбери, с какой из них пойти плутать. Нет, то была работа совершенно одиозная и весьма дорогостоящая, не говоря уж о том, что не везде такую найдешь. Та, кто приобрела ее, безусловно не пожалела на нее золота, так как хотела, чтобы ее сын добрался туда, куда нужно. Туда, где она поставила жирную красную точку и подписала своим каллиграфическим почерком «Все ответы здесь».

По-зимнему рано спустились сумерки. Рыцари, вместе с генеральным префектом, сэром Аракилом зажгли по масляному фонарю и повесили на специальный карабин на луке седла, так что процессия могла двигаться еще довольно долго, пусть и не с такой скоростью, как при свете дня.

Йорвин аккуратно сложил карту и убрал обратно, в карман. Захотелось зевнуть во весь рот, и он зевнул, да так, что аж слезы из глаз выкатились. Глаз Йорвина постепенно замыливался и вскоре ему начало казаться, что одна из кобыл, запряженных в их повозку, что-то мурлычет себе под нос. Не храпит, не ржет, а именно насвистывает какой-то мотив. Несмотря на парадоксальность этого действия, Йорвин не принялся трясти головой и потирать глаза, а стал внимательно слушать. Кейн как будто ничего не слышал. Он сидел, скрестив руки на груди и опустив голову так, что патлы, торчавшие из-под шапки, скрыли его лицо. Поэтому было непонятно, спит он, или просто угрюмо отрешившись, пребывает в своих мыслях. Морферимы же, привалившись боками друг к другу, сопели. Но регулярно то один, то другой поднимали головы и оценивали обстановку. Эльфийка тоже не слишком активно подавала признаки жизни. А к мурлычащей какую-то песенку кобыле тем временем присоединились две ее товарки.

У берега моря за лиственным лесом,
За полем ржаным на бескрайней степи
Играл жеребенок с проказником — ветром,
Мечтая о лаврах всеобщей любви.

Ему мама твердила, забыл чтоб о славе,
Что в любви за заслуги самой любви нет.
Но сынок продолжал помышлять лишь о скачках,
Да и кто юным слушает мамин совет?

И много воды утечь не успело,
Как сбыться случилось заветной мечте.
Жокею конек молодой полюбился
Он решил жеребенка оставить себе.

И вырастил он скакуна не из худших.
Быстрого, точно лихая стрела.
Конь очень скоро стал чемпионом,
Сбылась беззаботного детства мечта.
Но где есть успех, караулит гордыня,
Сбивает с пути, застилает глаза.
Прекрасный скакун, почерствевший душою,
Решил, что вторым ему быти нельзя.

Лишь о себе его помыслы стали,
Лишь бы о нем не стихала молва,
Лишь бы судачить не перестали,
Что ему и сам ветер уже не гроза.

Прошло много лет, и в степные станицы
Пожаловала негодяйка — война.
Мрачней и суровой сделались лица,
Обагрилась кровью родная земля.

Коней оседлали и в бой устремили.
Немногим удастся вернуться домой.
Но скакуна снарядить пожалели,
Ведь с ним не сравнится другой никакой.

Жокеев убили, сожгли иподром,
Время скачек в забвенье ушло.
Но скакуну удалось убежать,
И навеки покинуть село.

И вспомнил он то, что помнить зарекся,

Эта мысль выедала глаза.

За полем стоит одинокая ферма,

Там мама, там дом и семья.

Стремительней молнии несся скакун

В нетерпении вернуться домой.

Очень скоро домчится до фермы и скажет,

«Это я, я вернулся. Живой».

Свершилось. Домчался, но увидел он

Лишь пепелище посреди пустыря.

Не было дома, не было мамы,

Пропала лошадок семья.

Чернеют руины разрушенной фермы,

И некому больше вспомнить о ней.

И только лихой необузданный ветер

Все так же резвится в просторах степей.

Йорвин вздрогнул и проснулся. Сразу почувствовал, как на спине выступили холодные липкие капли. Отвратительное чувство, а на морозе еще более мерзкое. Все-таки, это оказался сон, однако слова песни снова и снова проигрывались в голове Йорвина. И опять это колючее чувство. Оно клокочет и разливается все больше и больше. К чему бы?

Конвой двигался сквозь тесно обступившие стены ельника и вдруг вышел к небольшой пропелшине. Мимо протекала речушка, но не настолько маленькая, чтобы можно было перейти вброд. Через нее был перекинут веревочный мост. Довольно старый, но еще не ветхий. По нему спокойно могла бы проехать повозка с заключенными и промаршировать рота черных солдат. Генеральный префект поднял кулак.

— Стой! — Громко скомандовал сэр Линарис и вся колонна остановилась.

— Привал здесь организуем, Разойдись! — скомандовал префект и строй рассредоточился. — Людям и лошадям нужно отогреться. Разведите костер побольше да пожарче. И поближе к клетке. Не хватало, чтоб и пленники еще окоченели. Сэр Линарис.

— Да милорд, — отозвался старый рыцарь, лицо его было кислей простокваши.

— Распорядитесь, — сэр Линарис кивнул, затем громко свистнул, покрутил пальцем и указал на место, где нужно развести костер. Солдаты понятиливо козырнули и тут же принялись очищать указанный участок от снега. Префект спешил. — Что у вас на уме любезный сэр, вы недовольны моими приказами?

— Виноват, милорд, но... — заскрежетал зубами сэр Линарис. — Место тут дурное. Годится для засады. Хорошо бы подальше проехать.

— Отнюдь, — возразил сэр Аракил. — За этим мостом узкая тропа через чашу еще как минимум на пятьдесят миль, вы забыли? Даже если кто-то на нас нападет, в чем я лично сильно сомневаюсь, там нас зажать будет куда проще. Здесь же довольно широкое пространство, мы сможем развернуть порядки и организовать грамотную оборону.

— Не скажите сэр, — покачал головой Линарис. — Я видел на сугробах следы сапог не далее чем полмили назад. Мы в этом лесу не одни.

— Тогда будьте начеку, — спустя короткую паузу промолвил генеральный префект.

— Помираю с голоду, — ворчал Кейн, — Когда уже нас кормить будут, а? Чесслово, я щас кому ни то хвост отгрызу. Эйнари, поворачивайся к лесу передом.

— А я-то чего? — испуганно пролепетал тот.

— У тебя хвост самый мясистый. Эй, командир, иди-ка сюда, — крикнул Кейн в сторону сэра Линариса, руководившего разведением костра. Тот неохотно подошел.

— Чего глотку дерешь? — спросил он.

— Спросить хотел у тебя, мил человек, когда ты нам похарчить чего дашь. Мы в пути уже черт знает сколько, а во рту у меня со вчерашнего вечера маковой росинки не было.

— Когда будет, тогда и будет. Заткнись! — огрызнулся рыцарь и уже собрался развернуться, как Кейн продолжил:

— Ты куда, я еще не закончил. Я уже пухну от голода. Кулак уж вон как разбух. Погляди, — сказал Кейн и погрозил рыцарю свом кулачищей. А затем этим же кулаком изобразил неприличный жест, — Ох, не будь решетки, поужинал был я твоими ушами.

— Отужинаешь, сейчас салфеточку принесу, — прошипел сэр Линарис, пунцовый от злости, хотя в рыжем свете костра было не видно. Кавалерийским шагом зашагал к своей лошади и достал из седельной сумки кнут, намереваясь выволочь Кейна наружу и подвергнуть отчаянным ласкам.

— Сэр Линарис, что вы делаете? — окликнул рыцаря сэр Аракил,

— Сейчас проучу этого старого борова, — раздраженно пробубнил в ответ Линарис.

— Что? Остановитесь, именем Его Величества! Да что же вы делаете?

— Не вижу в этом ничего предосудительного, милорд. Этот гнусн... многоуважаемый джентельмен удачи смеет оскорблять мое достоинство в присутствии моих подчиненных! Открыто насмехается и в гробу видал все фундаментальные основы приличия и достойного поведения!

— А вы ожидали чего-то иного, позвольте спросить? — прищурился префект. — Понимаю, вам обидно, но зачем так бурно реагировать? Если мы будем подобным образом реагировать на каждое нарушение арестантами дисциплины, то живыми до Митриума половина из них не доедет.

— Кто же им объяснит, как себя вести, если не мы? — брызгая слюной рычал сэр Линарис,

— Напоминаю вам, любезный друг, что арестованные находятся под юрисдикцией Митриумской Судебной Префектуры. Поэтому любые меры воздействия на них должны быть согласованы в установленной законом форме с данной инстанцией. То есть со мной. А вы сейчас ведете себя недостойно вашего рыцарского титула и звания командира специального отряда. Уподобляетесь дворовому мальчишке, которому мальчик помладше наступил на ногу. Как бы ни вели себя арестованные, поддаваться на провокации — ниже рыцарского достоинства. Я достаточно понятно выразился?

— Более чем, — ответил сэр Линарис и злобно запихал кнут обратно, в сумку.

— Очень надеюсь, — сказал префект. — В противном случае я буду вынужден по возвращении применить к вам санкции.

— Да, — протянул Кейн, скрестив на груди руки. — Кажется, не дождемся мы сегодня кормежки.

— Сам виноват будешь, — ответил Юрки. — Не надо было главного дразнить.

— Осади, мохнатый, — улыбнулся гробовщик. — Не уж не согласишься, что эта харя бульжником так и просит по ней заехать как следует.

— Ну, для этой цели хари у нас всех хороши, — почесал затылок Йорвин.

— М-да, — вздохнул Кейн. — Было время... Помню, в году восемьдесят третьем или в восемьдесят четвертом, стояли мы с конунгом Хорнунгамом под Ард-Батором. Это браннландская пограничная крепость. Хорнунгам имел на нее кой-какие виды, но там засели треклятые браны, и ни на каких условиях не хотели слинять. Ну, мы им и устроили кошкину мать. Взять крепость с наскока, правда, не смогли. Осадили и стали ждать, пока у них запасы кончатся. И тут с востока прилетели ливни. Лило, как из бочки, две недели, не переставая. А местность там гористая. За две недели все подступы к крепости на хрен смыло. Дороги раскисли к сучьей матери, из-за оползней и селей наши обозы с провиантом застряли, и мы оказались в таком же дерьме как и эти барчуки из крепости. Еще неделю мы ждали, пока все просохнет. Провизия кончилась. Солдатня жрала подметки, а мы ловили ящериц и червяков, кидали их в котел, солили, крапиву добавляли и вот такой ели суп.

— Ты действительно был приближенным короля? — спросил Йорвин.

— Был, — ответил Кейн.

— А почему не рассказал раньше?

— А ты что, обиделся? Вы бы все равно мне не поверили. Даже сейчас вы все смотрите меня как Ипбардем на феодала. Как на лжеца. Да и незачем вам были такие подробности из моего прошлого.

Юрки принялся.

— Какой-то отвратный смрад тянет из чащи, — сказал он. — Зу, ты чувствуешь?

— Да, воняет, — согласилась она, втянув ноздрями воздух. — Так пахнут только...

— Люди, — сказал Эйнари, после чего где-то около них, под сенью еловых веток раздлся негромкий щелчок взведенного курка.

— На землю! — мгновенно отреагировал Йорвин, бросился на пол, попутно швырнув туда Юрки, Кейн и Зуали с эльфийкой в руках рухнули следом. Оглушительно хлопнуло, и Йорвин увидел, как из-под ели в их сторону вылетело целое облако шрапнели. Оно летело, сметая на своем пути мелкие кустики, и неминуемо накрыло бы всех, если бы за секунду до этого на лежащих на полу пленников не бросился гигант Эйнари, накрыв всех своим массивным телом. Он и принял на себя всю мощь гномьего орудия. Чудовищной силы залп разорвал его на куски, не успел он издать и звука.

— К оружию! — взревел сэр Линарис. Из чащи со всех сторон с воем и гиканьем стали выбегать вооруженные чем попало ребята в кривых кольчугах поверх ватных стеганок, в соболиных и вязанных шапках вместо нормальных шлемов. Солдаты королевской полиции отреагировали мгновенно. Побросали все свои занятия и выхватили из ножен мечи, ожидая дальнейших команд. — Становись! Копья вперед, щиты товсь! Что это за сброд?

Из чащи со всех сторон высыпали все новые и новые драчуны. По ярким повязкам с нарисованной медвежьей пастью угадывались «хозяева Гвантана». Тех, которые приближались к строю пехоты, солдаты полиции без затей поднимали на копья. Вокруг взвода пехоты кружила рыцарская конница, наглядно демонстрируя, почему пеший конному не ровня. Несколько бандитов осадили повозку с арестантами, с головы до пят покрытыми кровью и кусками мяса. Одного из бандюг Юрки схватил за ворот шубы и разбил ему голову об прутья решетки несколькими сильнейшими ударами. Зуали зубами вцепилась в кисть

руки другого, и кажется, откусила пару пальцев. На Кейна напал детина с тесаком. Увернувшись от замаха, Кейн придавил тесак к полу ногой вместе с большим пальцем нападавшего. Тот взвыл и гробовщик с силой топнул по рукояти. Детина взвыл еще громче, его большой палец отлетел прочь. В руках Кейна теперь был тесак. Неистовый гробовщик, с головы до пят покрытый кровью, с тесаком в руке выглядел страшнее смерти. Он просунул тесаком в щель дверцы клетки и с силой дернул. Запор с тресом слетел вместе с замком и пленники были свободны.

Йорвин превратился в смертоносный вихрь, голыми руками справляясь с несколькими противниками одновременно. Каждое его движение, будь то уклонение, пережат или прыжок неизбежно оборачивалось атакой. У его вооруженных противников не было ни единого шанса. Меньше чем за десять секунд десять врагов разлетелись в разные стороны с тяжелыми телесными увечьями. По округе разлетелись вопли умирающих бандитов, энтузиазм их уцелевших товарищей заметно угасал.

Первым долгом Кейн кинулся к сундуку с вещами. Взмахом тесака сбил маленький замок и скинул сундук на землю.

— Сдохни, ублюдок! — завопил толстый мужичина, на бегу размахивая утыканной гвоздями палкой. Не успел он замахнуть на Кейна, как в грудь ему прилетел тесак. Кейн освистнул морферимов. Кинул Юрки тряпицу с завернутыми внутрь клинками. Кинул Зуали лук с колчаном. Сам опоясался арбалетными болтами, заткнул за пояс молот Селиверста и взял в руки свое стрелковое оружие.

— Ну, где вы, мои старые — добрые? — с устрашающей ухмылкой хохотнул Кейн и пошел в атаку. Прогремел выстрел, и бандит с длинной бородой улетел в кусты, брызгая кровью, лишившись бороды, половины лица и руки. Прогремело еще раз. На этот раз картечь догнала свою жетрву, буквально разорвав ее напополам. Кровь, кишки и клочья мяса разлетелись во все стороны. В ход пошел арбалет. Болты вылетали с такой скоростью, какая не снилась самому лучшему на свете лучнику, и каждый находил свою цель. Когда на снегу лежало на шесть трупов больше, Кейн повесил арбалет и ружье на специальные петли на поясе, достал молот и пошел врукопашную.

— Ко мне, шлюхины вымески! — рычал он, двумя руками размахивая молотом. Полутроль бил с такой силой, что враги попросту разлетались с повреждениями, не совместимыми с жизнью. Последним на пути Кейна стоял девятипалый детина, у которого Кейн отнял тесак. И палец. Мощным ударом молота гробовщик разнес его голову как гнилой арбуз.

Юрки, завладев своим оружием, без проблем избавился от чугунного ядра и разрубил оковы на лапах. Двумя руками обхватив рукоять одного из «близнецов», лесной принц расправлялся с бандитами с особым изяществом. В отличие от Кейна, который убивал грубо и как можно больше, Юрки превращал каждую схватку в игру насмерть. Новое оружие Юрки позволяло ему в полной мере реализовать свой потенциал искусного убийцы. Просто заколоть или зарубить ему было неинтересно. Перед тем, как прикончить очередного врага, Юрки танцевал вокруг него, отрубал по одной руки и ноги, выпускал потроха, выкалывал глаза и отрезал носы. Очень скоро враги бежали от него, а не на него.

Зуали обороняла привалившуюся к сосне эльфийку, расстреливая из лука любого, кто к ним приближался. Она умудрялась делать это, несмотря на закованные в цепи руки. И не потратила ни одной стрелы впустую.

Когда свора «хозяев» потеряла численное превосходство, боевой пыл улетучился

следом. Бандиты улепетывали кто куда. Кто — обратно в чашу, кто — по дороге в Гвантан. Двоих гнал Юрки. Прихрамывая на простреленную лапу, он сумел-таки догнать одного и отсечь ему голову. За другим гнаться дальше не стал. Простреленная нога отказалась бежать.

Бой был окончен. Все поле было красным от крови и завалено телами, число которых превышало четыре десятка. Большинство из них было истерзано, разорвано и изрублено в капусту.

— Где Йорвин? — спохватился гробовщик. — Где, драть его мать, этот длинный, в рот ему ноги?

Конница обступила нелюдей со всех сторон. В лица устремились острия копий.

— Не двигаться! — велел рыцарь. — Оружие на землю.

Вдруг, ни с того, ни с сего прямо над головами людей пролетело что-то огромное, расталкивая своим телом массы воздуха и громко шелестя гигантскими перепончатыми крыльями. Лошади от ужаса обезумели, покидывали своих седоков. Лошадь сэра Линариса рухнула навзничь, чуть не придавив ему ногу, благо тот вовремя успел выдернуть ее из стремени.

— Илтрис Всемогущий, что это было? — воскликнули рыцари, поднимаясь с земли. Лошади, украшенные черными попонами с королевскими гербовыми эмблемами, дружно улепетывали, только подковы сверкали. Даже бесстрашный породистый конь генерального префекта уносил копыта вместе с простой лошадей. Позади испуганно трусила четверка запряженных в тюремную клетку лошадей, унося останки погибшего Эйнари.

— Оно... оно возвращается! — заорал кто-то. Отважные рыцари бросились врассыпную. Не лучше вела себя и пехота.

Сотрясая землю и вздымая кроваво-красные вихри снега, опустился самый настоящий дракон. Кейн от увиденного изрек такой грязный поток ругательств, что уши завяли бы и у матроса.

— Йорв! — радостно поднял клинок к небу Юрки,

— Кто-о? — не поверил ушам Кейн. Дракон встал на задние лапы, зашагал в его сторону и схватил передней лапой как икрушечного.

— Сука-а-а! — заорал гробовщик так, что эхо прокатилось по округе. Следующим он схватил Юрки, чем вызвал его гомерический хохот. Пересадив Юрки на шипастую спину, дракон схватил Зуали и Эннамаэль. Обе поместились в его гигантской лапе. Затем дракон взмыл в воздух, перелетел через реку и аккуратно поставил на землю своих друзей. После чего ударом хвоста снес веревочный мост.

— Йорв, это правда ты? — спросил все еще ошарашенный Кейн.

— А ты не узнал? — громогласно расхохотался дракон, и его голос сотряс сами земные недра.

— Оно говорит... Он-н-н разговаривает! — донеслось с противоположного берега.

— Чудесно смотришься, Назулданчик, — слабым голосом пропищала эльфийка.

— Как вы все верно поняли, я против того, чтобы ехать в Митриум, — заговорил Назулдан. — Наши дела безотлагательные и действовать надо немедленно. Эйнари героически пал и мне вскоре предстоит покинуть вас. А потому я спрошу еще раз каждого из вас. Зачем вы идете со мной?

— Ты мой брат, и я у тебя в долгу, — сказал Юрки. — Мой меч с тобой, как и мой дух.

— Полностью поддерживаю, — отозвалась его сестра.

— Как оказалось, еще не все я на свете повидал, — вздохнул старый гробовщик. — И я

очень рад, что сумел прикоснуться к чему-то чудесному на закате лет. С тобой правда, дружище, и для меня будет большой честью сложить голову за идеалы, за которые ты борешься. За свою жизнь я совершил немало ошибок, так пусть я помру в блеске бывшего благочестия.

— Эннамаэль? — вопросительно посмотрел на нее дракон.

— У меня не было иного пути, — сказала эльфийка. — Но это не главная причина. Ты мне нравишься.

— Благодарю вас за искренность, — склонил голову дракон. — Я очень ценю каждого из вас.

— Мы тоже очень дорожим тобой, — сказала Зуали.

— А вы, — указал пальцем на рыцарей дракон. — Забудьте о погоне. Довольно пролитых слез и крови. Расстаньтесь с иллюзорной мыслью, что вам в этом мире подвластно все. Иначе однажды она погубит вас. И прошу вас еще об одном. С трупьем бандитов поступайте как хотите, но нашего павшего товарища похороните достойно. Он пал смертью храбрейших из смертных.

— Что теперь, Йорв? — спросил Юрки.

— Теперь, — сказал Назулдан. — Я ненадолго покину вас. Мне нужно безотлагательно лететь на южные острова. Это дело моей семьи. После того, как я закончу свои дела там, я найду вас. А пока двигайтесь в прежнем направлении. Наша цель в Суаране. По дороге держите уши по ветру, прислушивайтесь ко всем слухам, кривотолкам и пересудам. Наш враг может быть повсюду. И ни за что не теряйте веры друг в друга. Только вместе мы в силах переломить ход истории и выйти живыми из любых бед. До свиданья.

Дракон взмыл в воздух, подняв столпы снега и скрылся из виду на фоне темного неба. Королевская полиция стояла на берегу реки и растерянно наблюдала за этим, а также за тем, как их пленники скрываются из виду. Только старый гробовщик поднял закованные в цепи руки и помахал на прощанье.

— Как быть милорд? — спросил сэр Линарис генерального префекта, сэра Аракила, — Организуем погоню?

— Нет, — ответил он. — Сейчас мы соберем наши вещи, отыщем коней и поедем в Митриум.

— Но милорд, у нас приказ короля, — возразил старый рыцарь. — Мы не можем просто взять и пренебречь служебным долгом.

— Мы сегодня видели дракона, — уставился на сэра Линариса префект. Глаза его горели. — Самого настоящего дракона. Он мог сжечь нас всех одним плевком. Мог, но не сделал. Он не хочет нашей смерти, не хочет смерти никому. А это значит, мир далек от той картины, какую видим мы. И если уж дракон на стороне наших пленников, то какое мы имеем право судить их? Кто мы есть, друг мой? Горстка пыли да легкое поветрие.

— Так как быть? — кашлянул старый рыцарь,

— Сэр Дроган, сэр Рейнард, организуйте розыск лошадей, — повелел префект, шагая через поле битвы. Пехотинцы в это время добивали покалеченных бандитов, — Кто такие?

— Гвантанская сволочь. Обыкновенная шантрапа, — ответил сэр Килбейн. — Их целью, вероятно, была месть.

— Чем, интересно, наши друзья умудрились их разозлить? Наверное, уже не важно. С трупами не возитесь, птицы с ними разберутся. Но клетку верните непременно. Того зверюда похороним, он заслужил.

— Да милорд, — склонился рыцарь.

— Сэр Линарис, можно вас на пару слов?

— Да, сир.

— Будете писать рапорт — пишите, что пленники не выжили после нападения. Клетка в крови, может, и поверят. Главное, чтобы никаких драконов там не было, поняли меня? Ни полусловом не обмолвите.

— Да милорд, но... слух-то все рано пойдет, шум неизбежно поднимется.

— Так и будет, но мы к этому никакого отношения иметь не будем. Нас спросят — мы будем отрицать.

— Я понял, сир. Мы просто люди. Слуги Его Величества. Наше дело малое.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] (эльф. трад) Природа Тайных Магий